

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 94

**«История народа
принадлежит поэту»**

МАТЕРИАЛЫ

**Михайловских Пушкинских чтений
(19–22 августа 2022 года)**

МАТЕРИАЛЫ

**научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(4 декабря 2022 года)**

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2023

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

М 341

Серия основана в 1996 году.

«История народа принадлежит поэту» : Материалы Михайловских Пушкинских чтений (19–22 августа 2022 года); Материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника (4 декабря 2022 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2023. — 320 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 94).

ISBN 978-5-94595-125-9

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы Михайловских Пушкинских чтений, прошедших под названием «История народа принадлежит поэту», и материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника.

Кроме непосредственно «пушкинской» тематики представлена и тематика «петровская»: в 2022 году отмечалось 350-летие со дня рождения императора Петра Великого, что позволяет обратиться и к осмыслению фигуры предка А.С. Пушкина — его прадеда А.П. Ганнибала, и к отражению больших исторических фигур и событий в произведениях поэта. Несколько материалов посвящено книге и ее месту в повседневном обиходе прошлого — составу библиотек и кругу чтения самого А.С. Пушкина и литературных героев. Представлены доклады на основе архивных материалов, а также современный опыт методической работы в педагогике и в библиотечном деле.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы и филологии, краеведения, музейного и библиотечного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-125-9
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2023

Настоящий выпуск «Михайловской пушкинианы» включает в себя материалы двух конференций, проходивших в Пушкинском Заповеднике в 2022 году.

Здесь читатель найдет статьи участников августовских Михайловских Пушкинских чтений «История народа принадлежит поэту», приуроченных как к очередной, 198-й, годовщине приезда А.С. Пушкина в северную ссылку, так и к еще одной важной исторической дате, отмечавшейся в 2022 году, — 350-летию со дня рождения императора Петра Великого. Участники чтений — историки, филологи, педагоги, музейщики, искусствоведы, библиотекари — представили собственные исследования по самому широкому кругу тем: время и личность Петра I, деятельность его крестника и сподвижника, прадеда А.С. Пушкина А.П. Ганнибала, интерес поэта к истории, к эпохе великого реформатора России, творчество Пушкина и сохранение пушкинских традиций в отечественной культуре.

Второй блок материалов — доклады участников декабрьской научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника, результаты пушкиноведческих, филологических, историко-архивных исследований хранителей и научных сотрудников музея. Среди публикуемых статей — новые сведения о жизни псковского дворянства первой половины XIX века, новые данные по истории села Тригорского, ярмарочной торговли в селе Велье, результаты поиска изображений утраченной Воскресенской церкви погоста Воронич, а также материал об опыте работы по созданию музейного библиографического указателя.

Эдуард Узнев,
ученый секретарь Пушкинского Заповедника

*Н.А. Аксенова. Петра питомец.
Из фондов Пушкинского Заповедника*

I. МАТЕРИАЛЫ

Михайловских Пушкинских чтений «История народа принадлежит поэту» (19–22 августа 2022 года)

Яков Рабинович

ЦЕРКОВНОЕ И МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВОРОНОЧСКОМ УЕЗДЕ ПО ОПИСАНИЮ 1585 ГОДА

Общая характеристика монастырей и церквей

Вскоре после завершения Ливонской войны и смерти царя Ивана Грозного писцы Григорий Иванович Мещанинов-Морозов и Иван Васильевич Дровнин на протяжении нескольких лет описывали Псков и его пригороды, включая Вороноч. В результате этих описаний появилась так называемая «Подлинная писцовая книга № 355», в которой целый раздел посвящен городищу Вороноч и его уезду¹.

К моменту описания в Вороноче и его окрестностях имелось несколько действующих церквей и монастырей. Среди действующих в те годы монастырей отметим Никольский мужской в Вороноче и Спасский мужской с Чичаковой горы в Вороноче, а также два женских монастыря — Покровский девичий в Вороноче и Успенский с Горки девичий в Вороноче. К сожалению, большинства имен служителей этих монастырей писцы в 1585 году не указывали, но при этом отмечали, что в Покровском монастыре жили Богдан Иванов и Кирил Лебедь, а в Успенском монастыре — Микифор Яковлев.

Недалеко от Вороноча находились в то время еще два монастыря. Один из них — это Михайловский на Городище в Вороноче,

¹ Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина. 1585–1587 годы) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5 (далее Сб. МАМЮ. Т. 5). М., 1913. С. 332–355.

который располагался на месте древнего укрепления Савкина гора возле знаменитого села Михайловского. Писцы называли Савкину горку просто «городище», а монастырь — «Михайловский монастырь с городища».

Другой монастырь, который упоминается в описании, — это «Успенский на Синичьих горах», современный Святогорский монастырь: единственный из всех упомянутых монастырей, который сохранился и функционирует в настоящее время.

Кроме указанных монастырей в Вороноче писцы упоминали еще церкви. Это церкви Воскресения Христова в Вороноче, Егория (Георгия) Святого в Вороноче, Ильи Пророка в Вороноче и Иоанна Предтечи на Всполье в Вороноче. На погосте в современной деревне Вороноч сохранился фундамент Воскресенской церкви. В настоящее время на древнем фундаменте «церкви Егория Святого» на холме-городище Вороноч стоит одноименная церковь Св. Георгия, восстановленная в 2006 году.

Кроме того, в Вороноче в момент описания, по-видимому, еще была церковь (или монастырь) на Кузьмодемьянском посаде. Известны уголья, принадлежавшие этой Кузьмодемьянской церкви. В некоторых местах говорится о Кузьмодемьянском монастыре. Посад получил свое название по имени этой церкви или монастыря.

Дворы церковнослужителей

Писцы указывали дворы живущих в то время в Вороноче церковнослужителей. Само городище Вороноч (бывшее ранее укрепленное место на холме), как и посад, располагались на левом южном берегу реки Сороти. Севернее холма-городища на правом берегу Сороти находился Кузьмодемьянский посад, а восточнее — Верхний посад, границы которого простирались почти до Савкиной горы и озера Маленец. Известны несколько улиц и переулков на посаде в Вороноче. Это Вороночская большая улица, Опоческая улица (Большая Опоческая дорога), Пирожкова, Побережная и Ямская улицы, а также два переулка — Воронин переулок и Июдин переулок. Указан еще Воронов мотильник, где также находились дворы и огороды. Правда, на каждой из этих улиц и переулков в момент описания находился всего один или несколько дворов, зато количество огородов здесь же было на порядок больше.

В описании подчеркивается, что на месте городища ранее был город Вороноч: «городище, что был город Вороноч, на реке на Сороти»². Небольшие размеры крепости Вороноч, расположенной на холме, позволяют сделать вывод, что здесь было только несколько дворов. Один из них — двор осадного головы Михаила Рясина, в этом дворе в момент описания жил дьячок церкви Св. Георгия Офонаско Теренин.

На посаде первой указана Большая Опочецкая дорога, которая ведет «от города к Всполью». Здесь было пустое черное место (7 × 6 сажень), которое дано под двор еще одному георгиевскому дьячку Стеньке Павлову. Рядом указан двор успенского попа Микулы, здесь уже стоят хоромы этого георгиевского дьячка Стеньки Павлова.

В момент описания в Вороноче (на холме-городище и посаде) жило много пушкарей — 15 человек. Их имена известны. Одно пустое («порозже») черное место дано под двор на приезд игумену Пречистенского монастыря Синичьих гор Иосифу с братией. Речь идет о знаменитом Святогорском монастыре. Игумена Иосифа ранее исследователи не указывали.

На Кузьмодемьянском посаде, если идти вниз от Псковской дороги, возле реки Сороти находился двор городского приказчика Угрима Аминева. Этот бессменный начальник Вороноча указан в разрядных книгах с 1585 и вплоть до 1603 года. На берегу реки Сороти жил спасский поп Андрей Давыдов. Известен Спасский монастырь с Чичаковой горы в Вороноче, поп Андрей Давыдов служил в этом монастыре. Здесь же на берегу отмечены дворы наместника (им был в то время князь Иван Федорович Оболенский)³, тиуна и кабацкий двор.

Подводя итог белым нетяглым дворам в Вороноче, писцы отмечали дворы наместника, тиуна, осадного головы, городского приказчика, два двора попов, дьячков, кабацкий двор, 15 пушкарских дворов, одно место монастырское, одно место церковного дьячка. Также здесь была богадельная изба⁴.

Что касается общего числа церковнослужителей, то их известно в Вороноче около десяти человек, причем некоторые из них упомянуты только при описании нив или огородов. Среди церковнослужителей укажем георгиевского попа Нефедя Михайлова, двух дьячков

² Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 332.

³ Разрядная книга 1475–1598 годов / подг. текста, ввводн. ст. и ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 398.

⁴ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 333.

Георгиевской церкви (Офонаску Теренина и Стеньку Павлова), георгиевского одринника Ваську Павлова, георгиевского пономаря Офонаса Ортемьева, спасского попа Андрея Давыдова, успенского попа Микулу, какого-то попа Микиту, церковного старосту церкви Иоанна Предтечи Пашку Климова. Про игумена Пречистенского монастыря Синичьих гор Иосифа, который жил постоянно в своем монастыре, а в Вороноче только имел свой двор для приезда, уже говорилось.

Владельцы огородов из числа церковнослужителей

При описании огородов писцы указывали размеры каждого огорода в сажнях (длину и ширину). На Побережной улице от луга с правой стороны находился огород Богданки Иванова (15 × 7). Этот человек не имел своего двора, а жил в Покровском монастыре. На Большой Опочечкой дороге, если идти от города «ко Всполью», по правой стороне находились огород пушкаря Кирилки Сидорова Ладилы (23 × 11), у него половину огорода взял на оброк игумен монастыря с Синичьих гор Иосиф с братией.

На Кузьмодемьянском посаде, если идти вниз от Псковской дороги, возле реки Сороти было больше всего огородов, принадлежавших пушкарям и посадским людям. На Ямской улице, если идти к церкви Воскресения Христова, с правой стороны («к Воскресенью идучи, направо») находилось несколько огородов. Если идти со Всполья по большой Ямской улице, то с правой стороны был огород спасского попа Андрея Давыдова (50 × 35). Спасский поп Андрей Давыдов и его двор уже упоминались, здесь же говорится, что позади двора спасского попа Андрея Давыдова, который находился на берегу реки Сороти, был огород георгиевского пономаря Офони Теренина (20 × 16).

На большой Ямской улице от Воронина переулка на левой стороне были огороды георгиевского попа Нефедя Михайлова (10 × 6), Богдана Иванова, который живет в Покровском монастыре (14 × 6). Возле Покровского ручья (по-видимому, недалеко от Покровского монастыря) были еще два огорода Богдана Иванова (13 × 7 и 12 × 9).

На большом горном посаде с левой стороны располагался огород георгиевского пономаря Офони Теренина (15 × 5).

Огороды находились также на Вороноцкой большой улице, на Опочечкой улице «к гору под подол на рву», за рвом на Опочечкой дороге, во рву напротив стрельницы, «над рвом, как идти к мосту» и на другой

стороне на горе, а также «на горе у моста», но их владельцами были пушкари и посадские.

Огороды находились также на островке. Здесь владельцами были георгиевский пономарь Офоня Теренин — два огорода (10 × 10 и 26 × 10), георгиевский поп Нефед Михайлов (10 × 6), георгиевский «одринник» (от слова смертное одро, человек, который занимался погребением умерших) Васька Павлов (15 × 5), Богдан Иванов, который живет в Покровском монастыре (25 × 5).

На островке также имел огород некий Микифор Яковлев, который живет в Успенском монастыре (8 × 6)⁵.

По огородам можно сделать следующий вывод. Из общего количества огородной земли черным людям принадлежало свыше 70%. Таких черных людей было 17 человек, владельцев 62 огородов. Духовенству, включая лиц, живущих в монастырях, принадлежало около 9% всего числа огородной земли. Четыре церковнослужителя (два попа, пономарь и одринник), а также три человека, живущие в монастырях, имели в сумме 15 огородов. На третьем месте идут пушкари, свыше 8%, шестеро пушкарей в сумме владели 10 огородами. За ними идут дворовые крестьяне (три человека — три огорода), должностные лица (городовой приказчик и земский дьячок — всего три огорода), а также люди, живущие у пушкарей и посадских (два человека, восемь огородов).

Писцы отмечали очень много пустых дворовых мест, раньше здесь было 83 двора, но из них только девять используют под огороды. Тут следует учесть и необходимость платы оброка за эти огороды, и малое число имеющих рабочих рук, ведь общее число жителей сократилось в десятки раз. На Ямской улице на левой стороне возле церковного Иоанна Милостивого места, принадлежавшего церкви Иоанна Предтечи на Всполье в Вороноче, был огород на церковной земле, который пашет пушкарь Клиш Серой (45 × 27), а позем дает этой церкви Иоанна Предтечи. С Ямской улицы налево в Воронине переулке на левой стороне находились дворовые места двух женских монастырей, Покровского и Успенского (23 × 7). Далее увидим, что оба эти монастыря, находившиеся в то время в Вороноче, сообща владели различными угодьями.

На посаде было еще два безоброчных огорода богadelьных старцев. Один из огородов находился во рву (12 × 5), а второй огород на горе (26 × 6).

⁵ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 334–338.

Далее писцы указывали **нивы пустые оброчные**, которые даны на оброк пушкарям и посадским людям. Всего писцы указали 14 таких пустых оброчных нив, которые даны на оброк. Оброк здесь значительно ниже, чем в других псковских пригородах, но всё равно владельцев нив оказалось немного, и общая площадь их небольшая, жители предпочитают заниматься больше огородничеством.

Среди таких владельцев нив — Богдашка Иванов (тот, который жил в Покровском монастыре и имел пять огородов). У него была одна нива возле реки Сороти «промеж лугу» возле Ржевской, Луцкой и Оршанской дороги между Богородицкой и Михайловской губ, он платит оброк — полтину. Всем владельцам нив указано впервые давать оброк на Успеньев день (15 августа 1586 года). Этот же Богдан Иванов был и поручителем по другим владельцам нив. Он указан как Богданко Иванов сын Горшков. В качестве поручителей также упомянут егорьевский пономарь Офонас Ортемьев (скорее всего, это указанный ранее Офоня Теренин).

Среди поручителей по самому Богдану Иванову указан волостной староста Дорох Васильев сын Боловинский (в другом месте — Дорох Онитьев Белавинский)⁶.

Нивы монастырские и церковные безоброчные. Козьмодемьянская церковь из Вороноча имела три нивы возле городского пастбища на луку. Это первое упоминание о Козьмодемьянской церкви, которая находилась на Козьмодемьянском посаде (свое название посад получил именно по этой церкви). Ранее при описании Козьмодемьянского посада церковнослужители этой церкви не упоминались.

Спасскому монастырю принадлежали две нивы. Одна из них была возле деревень Гроздово и Елезово Егорьевской губы. Другая нива находилась между Псковской и Новгородской дорогами и черной деревней Максимова Спасской губы. Этот Спасский монастырь также имел три нивки посадского человека Никитина.

Никольский монастырь с Вороноча имел одну ниву возле Воронова могильника, деревни Глушнево Богородицкой губы и наместничьего двора. Ему же принадлежали три нивы за дворами пищальников (пищальников давно в Вороноче нет, но место их дворов хорошо известно). Место этих нив уточняется — у креста возле Полянской дороги и между Заклинской дорогой. Этот монастырь владел еще одной нивой

⁶ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 338–339.

за гумном между лугом и Ржевской дорогой и еще одной нивой возле Никольской нивы.

Приходская церковь Иоанна Предтечи на Всполье владела нивой за Ржевской дорогой между Никольской и Ямской нив.

Покровский женский монастырь из Вороноча имел ниву возле реки Луговицы, возле черной деревни Болтохновой и Полянской дороги. Этому монастырю принадлежали также три нивы с гумном и овином у посада позади дворов пищальников и пушкарей возле деревни Глушнево Богородицкой губы.

Успенский женский монастырь из Вороноча с посада имел ниву возле нивы псковского посадского человека Михаила лавочника, другую ниву между Полянской и Заклинской дорог.

Оба этих женских монастыря (Покровский и Успенский) совместно владели еще несколькими нивами. Одна нива находилась возле никольской нивы у Воронова могильника и между деревней Глушнево (ранее это было спорное место с воронежскими ямщиками). Другая совместная нива этих двух монастырей у Воронова могильника возле Столбошинской Ржевской дороги рядом с нивой, которая была в споре с воронежскими ямщиками. Третья совместная нива этих двух монастырей возле Луцкой и Ржевской дорог напротив Иоанна Предтечи⁷.

Таким образом, две церкви и четыре монастыря в Вороноче владели 24 монастырскими и церковными безоброчными нивами. Больше всего нив имел Никольский монастырь — семь. Спасскому монастырю принадлежало пять нив, Покровский женский монастырь имел четыре нивы, Успенский женский монастырь — две нивы, оба этих женских монастыря совместно владели еще тремя нивами. Козьмодемьянская церковь имела три нивы. Никому другому, кроме указанных четырех монастырей и двух церквей, эти безоброчные нивы в Вороноче не принадлежали.

Далее писцы разбирали **оброчные рыбные ловли** в Вороночском уезде, называли все озера и реки, давали им характеристику, а также указывали, какая в них водится рыба. Многие из них запустели, а оставшиеся взяли на оброк посадские люди⁸.

Особое внимание писцы уделили **оброчным пожням**⁹, хоть их никто не взял на оброк, все они были запустевшими: «Всего

⁷ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 339–340.

⁸ Там же. С. 340–342.

⁹ Там же. С. 342–345.

в Вороноцком уезде 148 пожень оброчных, а оброку в пусте 10 руб. 19 алт. 5 денег». Писцы отмечали всех прежних хозяев, сколько копен сена они косили, какой платили оброк. Описание велось по каждой губе. Благодаря описанию этих пожней можно более точно выяснить границы каждой губы Вороноцкого уезда, а также уточнить, где располагались монастырские и церковные пожни, ведь часто писцы указывали, что эти пожни были возле конкретных оброчных пожней.

Отдельно указывались **пожни монастырские и церковные** в каждой губе и их соседи из числа посадских людей и дворцовых крестьян¹⁰. Большинство этих соседей упоминалось в числе бывших владельцев, многие из них уже погибли в момент описания. В скобках укажем размеры в десятинах и количество копен.

Самые большие пожни были Козьмодемьянского монастыря. В Егорьевской губе на реке Сороти пожня этого монастыря между «Михайлы Лавотчиковы Иванова» (две дес., 40 копен). В Егорьевском клинце пожня этого же Козьмодемьянского монастыря возле реки Сороти между «Якушом Шемелева и Гришей Ступиным» (одна с четвертью дес., 25 копен).

На втором месте была пожня богадельных старцев Вороноча. Она находилась «у Великой реки на устье Сороти». Ее границы указаны следующим образом: «Пожня богадельной избы с Вороноча между Омоски Иванова» (две дес., 40 копен).

Третье место по площади занимали две пожни Георгиевской церкви Вороноча. Одна из них находилась «в Михайловской губе у озера у Вороноча пожня Егорьевская, что в Вороноче, возле Гриши и мельника, косит ее поп Микита» (одна дес., 20 копен). Этот поп Микита ранее нигде не упоминался. Другая была «у Рыковского могильника пожня Егорьевская, что Егорей в Вороноче» (четверть десятины, 5 копен).

В Пасской губе на реке Сороти пожня Успенья Пречистые девичья монастыря «между Гришей и Михайловской» (одна дес., 20 копен).

Пожня Михайловского монастыря находилась на городище выше Обернишенской пожни (одна дес., 20 копен).

В Ильинской губе на Великой реке пожня «Суниха повыше Рождества Пречистой Убожнова за полем», косит ее церковный староста церкви Иоанна Предтечи Пашко Климов (полдесятины, 10 копен). Это

¹⁰ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 346–347.

упоминание церковного старосты церкви Иоанна Предтечи вызывает определенный интерес, другие церковные старосты нам неизвестны.

Всего в Вороноцком уезде имелось восемь безоборочных пожен — монастырских, церковных и старцев богадельной избы.

* * *

После описания посада Вороноча, огородов, нив, пожен, принадлежавших местным жителям, писцы большое внимание уделили владениям псковских помещиков в каждой из губ Вороноцкого уезда, а также владениям не только местных, но и псковских монастырей и церквей в этом уезде.

Писцы отмечали всех владельцев земель в каждой из губ Вороноцкого уезда — Теробенской, Полянской, Заклинской, Богородицком утретке, Спасской, Егорьевской, Михайловской, Ильинской, Богородицкой. Сначала по каждой губе указывалось помещичье землевладение, а потом попеременно земли как вороночских, так и уездных и псковских церквей и монастырей (в основном пустоши). Церковь не имела в Вороноцком уезде ни одного сельца, ни одной деревни (все они принадлежали местным помещикам). Церковь имела только пустоши.

Всего в Вороноцком уезде этими поместьями (сельцо, деревня, селище и пустошь) владел 21 помещик. Среди них четверо Аминовых (вороночский городской приказчик Угрим Семенов Аминов, его сын Богдан Угримов, а также Семейка Иванов и Федор Арапов Аминовы). Стоит отметить также клан помещиков Сумароцких (Иван Степанов, Захарий Степанов и Михаил Александров Сумароцкие). Здесь же имели поместья братья Неклюдовы (Михаил и Василий Алексеевы), отец и сын Фофановы (Меньшик Иванов и Семейка Меньшиков), родственники Филиповы (Микифор Константинов и Степан Богданов Филиповы) и Рокотовы (Григорий Иванов и Иван Иванов Рокотовы). Обратим внимание на двух Михайлов — Сумароцкого и Неклюдова. У одного из этих помещиков в свое время работал пастух Тимофей.

Остальными помещиками Вороноцкого уезда были Петр Иванов Карповский, Афанасий Иванов Татищев, Розный Теряев и Федор Невдеев Исаков. Добавим сюда еще двух вороночских ямщиков, которые владели совместно тремя селищами (Силка Павлов и Карпик Калинин). Помещичье землевладение рассматривать не будем. Стоит только сказать, что наличие сельца предполагает, что здесь имелась какая-то церковь. К сожалению, названия этих церквей неизвестны. Такие

церкви были в Теребенской губе (сельцо Сорочнево у Семейки Фофанова и сельцо Высоцкое у Меньшика Фофанова), в Полянской губе (сельцо Опушково у Микифора Филипова, сельцо Ермолино у Богдана Аминева), в Заклинской губе (сельцо Высоцкое у Григория Рокотова), в Богородицком утретке (сельцо Глухово у Розного Теряева), в Егорьевской губе (сельцо Оксентьево у Угрима Аминева)¹¹.

Известны также несколько местных церквей в некоторых губах Вороночского уезда. В Полянской губе была своя Покровская церковь, в Заклинской губе — Никольская церковь, в Теребенской губе — Воскресения Христова, в Богородицком утретке — церковь Введения Богородицы.

В Егорьевской губе было больше всего церковных и монастырских владений (52 пустоши). Земли в окрестностях Вороноча издавна привлекали как местных, так и псковских церковнослужителей. Здесь мы видим владения 14 церквей и монастырей.

Успенский женский монастырь с Вороноча имел здесь пустошь Гречешниково — шесть пустошей, которые ранее принадлежали Савке Чернышову. Михайловский монастырь с городища Вороноча владел пустошью Карпово — шесть пустошей. Кузьмодемьянский и Никольский монастыри Вороноча совместно владели пустошью Самолки Микулина — две пустоши. Кузьмодемьянский монастырь Вороноча (вторично подчеркивается, что в Вороноче существовал в то время этот Кузьмодемьянский монастырь) отдельно владел еще пустошью Недосугово (бывшая ранее у Иванки Болого) — всего четыре пустоши. Никольский монастырь Вороноча также имел собственные владения в этой губе — пустошь Макариково — всего девять пустошей. Ранее эти земли были у Якимки Федорова Линя. Спасский монастырь Вороноча имел здесь пустошь Суржево (прежний владелец Иванка Михайлов) — три пустоши.

Георгиевской церкви Вороноча принадлежала пустошь Чернятиново — две пустоши, при этом подчеркнуто, что они находились «под посадом», т. е. совсем рядом. Церковь Воскресения Христова Вороноча имела пустошь Колесниково. Старцам богадельной избы Вороноча принадлежала пустошь Коншино (бывшая Сеньки Савина) — всего три пустоши.

Успенскому монастырю на Синичьих горах принадлежала пустошь Рытица — пять пустошей. Это еще одно из напоминаний о знамени-

¹¹ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 347–354.

том в будущем Святогорском монастыре. Кроме того, этому монастырю принадлежали нетяглые пашни, их писцы указывали отдельно: «В Богородицкой губе. Успенья Пречистые Богородицы, что в Воронатцком уезде на Синичьих горах, да в Егорьевской губе пустошь Острецово, пустошь Олехново, пустошь Бардово, пустошь Пухово, пустошь Веригино, пустошь Печатниково, пашни перелогом 31 четь»¹².

Земли в Егорьевской губе принадлежали также Никольской церкви из соседней Заклинской губы этого уезда («Николы Чюдотворца из Заклинья»). Это была пустошь Горбово (бывшая Васьки Якушева). Также здесь были владения Никольской церкви из Песчаной губы соседнего Велейского уезда — пустошь Филюшино.

Псковские монастыри также имели здесь свои владения. Кузьмодемьянский женский монастырь из Пскова с Полонища и церковь царя Константина из Пскова «ис Песок» совместно владели пустошью Хмелево (прежний владелец Гриша Ермолин Середюкин) — всего три пустоши. Клементьевскому монастырю из Пскова с Завеличья принадлежала пустошь Туловец (бывшая Русина Семенова) — всего две пустоши. Церкви «Василя Кесарийского изо Пскова с Усохи» принадлежала пустошь Олехново (четыре пустоши). Здесь речь идет о церкви Василия на Горке.

Всего церковные и монастырские земли в Егорьевской губе Воронежского уезда — это 52 пустоши (77 четей перелог), из них местным шести монастырям, двум церквям и старцам принадлежала 41 пустошь, а 11 пустошей — это владения иногородних церквей и монастырей¹³.

На второе место по числу церковных владений следует поставить **Ильинскую губу (32 пустоши)**. Георгиевская церковь «из Вороноча изнутри города» имела в этой губе пустошь Погорелое (бывшая Савы Микитина) — четыре пустоши. Никольский монастырь с Вороноча владел пустошью Резвякино. Этот же монастырь совместно с церковью Воскресенья Христова из Вороноча владели пустошью Бутово.

Церковь Ильи Пророка из Вороноча упоминалась очень редко. В Ильинской губе, названной, видимо, по этой церкви, ей принадлежала пустошь Кирова.

Успенскому монастырю, что на Синичьих горах, принадлежала пустошь Михалево — три пустоши. В описании всё время упоминаются

¹² Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 448.

¹³ Там же. С. 350–351.

Синичьи горы и ни разу не говорится про Святые горы, видимо, это новое название закрепилось за монастырем значительно позже.

В общей сложности местные церковные владения в Ильинской губе — это 10 пустошей.

Остальные земли в Ильинской губе принадлежали псковским церквям и монастырям, их было значительно больше (22 пустоши). Церкви Спаса Преображения от Старого Костра с Великой улицы из Застенья совместно с церковью Василия Великого с Горки принадлежала пустошь Болтохново — всего пять пустошей. Старый Вознесенский девичий монастырь из Пскова с Площади совместно с церковью Воскресения Христова с Полонища владели пустошью Кашино (прежний владелец Гриша Волнихин) — всего шесть пустошей. Две псковские церкви Николы с Усохи и Варвары с Усохи в Среднем городе из Застенья владели пустошью Дуплево (принадлежала ранее Самсону Иванову) — всего семь пустошей. Пантелеймонов монастырь из Пскова с Полонища и церковь Георгия со Взвоза владели совместно пустошью Бабкино (прежний хозяин Левонка Гаврилов) — всего четыре пустоши¹⁴.

Всего в Ильинской губе церквям и монастырям принадлежало 32 пустоши, 26 четей перелогу, в основном хозяева были псковские, а не местные.

Третье место по числу церковных владений занимает **Богородицкая губа (27 пустошей)**. Георгиевской церкви в Вороноче принадлежала в этой губе пустошь Епимахово (прежний владелец Микулка Захаров). «Вознесенские да Успенья Пречистые из Вороноча» совместно владели пустошью Радилово. Речь здесь идет об Успенском женском монастыре в Вороноче. Этот же Успенский женский монастырь имел также пустошь Простокишино (прежний владелец Игнашка Ржевитин) — всего три пустоши. Воскресенской церкви принадлежала пустошь Мыльниково. Покровский женский монастырь в Вороноче владел пустошью Крепино — всего три пустоши. Никольскому монастырю в Вороноче принадлежала пустошь Возгрино, «что было Скурдино» — две пустоши. Михайловскому монастырю из Вороноча с городища принадлежала пустошь Чернышево — две пустоши.

Успенский монастырь на Синичьих горах владел пустошью Букрово — всего девять пустошей. Здесь речь идет о современной деревне Бугрово, одном из важных объектов музея с его знаменитой мельницей.

¹⁴ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 352–353.

Всего местным церквам и монастырям принадлежало в Богородицкой губе 22 пустоши.

Псковские и другие монастыри и церкви также владели здесь землями (пять пустошей). Это был Климентовский монастырь из Завеличья, у которого была пустошь Зубахна Лопатино — две пустоши. Монастырь Григория Богослова из Пскова, расположенный в Петровском конце, имел пустошь Власово Загубье — всего две пустоши. Рождественской церкви из Велейского уезда, «что над Великою рекою», принадлежала пустошь Моклоково¹⁵.

Всего в Богородицкой губе 27 пустошей, 71 чети перелогу.

На четвертое место можно поставить **Михайловскую губу** (26 пустошей). Местный Михайловский монастырь из Вороноча с городища имел пустошь Козлихино — семь пустошей. Успенский девичий монастырь из Вороноча владел пустошью Минино «над озером Наполовистенцом». Никольскому монастырю в Вороноче принадлежала пустошь Костково. Покровский девичий монастырь имел пустошь Ермаково «у озера Бологуля» — две пустоши. Георгиевская церковь «из города из Вороноча» владела пустошью Пупово (бывшая Сергея Семенова) — две пустоши.

Спасо-Преображенский Великопустынский монастырь в Пскове имел пустошь Суслово (прежний владелец Степан Игнатов) — всего 11 пустошей. Этому же монастырю совместно с царскими землями принадлежала пустошь Кирилки Герасимова — всего две пустоши¹⁶.

Всего церквам и монастырям принадлежало в Михайловской губе 26 пустошей, 33 чети перелогу.

В **Полянской губе** владения местных церквей и монастырей значительно превосходили псковские.

У Георгиевской церкви с Вороноча была пустошь Кожино (три пустоши). У Воскресенской церкви с Вороноча была пустошь Перепечино. Пустошь с таким же названием (Перепечино) была за Михайловским монастырем с городища. Спасская церковь с Вороноча совместно с Михайловским монастырем с городища владели пустошью Паршино (бывший владелец Гаврилка Степанов). Никольскому монастырю с Вороноча принадлежала пустошь Бачагово — всего две пустоши (бывший владелец Левашка Федосов). Церковь Преображения Спасава

¹⁵ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 353–354.

¹⁶ Там же. С. 351–352.

с Вороноча имела пустошь Лихушино — всего восемь пустошей (бывший владелец Якушка Ильин).

Местная Покровская церковь с Полянской губы владела пустошью Губское — всего три пустоши.

Владельцами пустошей в этой губе были также церкви, находящиеся в соседних уездах. «Никольская церковь с Кутки» соседнего Опочского уезда имела в этой губе пустошь Реткино — всего две пустоши. Видим, что на реке Кудке находятся церкви соседнего Опочецкого уезда, что позволяет уточнить южные границы Вороночского уезда.

Хорошо известная Георгиевская церковь из Пскова со Взвоза (построена в 1494 году и сохранилась до настоящего времени) имела здесь пустошь Волково — всего три пустоши. В целом церковное землевладение в этой Полянской губе — это 24 пустоши, 31 четь перелугу. Их владельцы — шесть церквей и два монастыря¹⁷.

В Спасской губе почти все церковные владения принадлежали местным храмам и монастырям. Кузьмодемьянская церковь (или монастырь), что в Вороноче имела пустошь Мишино (когда-то принадлежала какому-то Васье, поэтому называлась Васькинское), — всего три пустоши. Покровский женский монастырь в Вороноче имел пустошь Козлихино (бывшая ранее у Кондрашки Иванова) — две пустоши. Спасский монастырь с Чичаковой горы в Вороноче имел пустошь Козяково — пять пустошей. Успенский монастырь «из Вороноча з Горки» (женский монастырь) имел пустошь Щютниково (ранее принадлежавшую Грише Давыдову).

Егорьевская церковь в Вороноче имела пустошь Юхино (бывшая Карпика Онисимова). Михайловский монастырь с городища владел в этой губе пустошью Дулино.

Воздвиженская церковь из-под Выбора, единственная из «чужих», имела в этой губе пустошь Петрова гора, принадлежавшую ранее Якиму Гришину Логтеву¹⁸.

Всего в этой губе семи церквам и монастырям принадлежали 14 пустошей, 25 четей перелугу.

В **Заклинской губе** церковное и монастырское землевладение, как и в Спасской губе, было значительно скромнее. Успенский девичий монастырь с Вороноча имел пустошь Давидово, Михайловский монастырь с городища — пустошь Грузнево, Никольский монастырь с Вороноча

¹⁷ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 347–348.

¹⁸ Там же. С. 349–350.

— пустошь Шухвостово, что была Ермолина — три пустоши, а Покровский монастырь с Вороноча «с посаду» — пустошь Гребенево — четыре пустоши. Здесь впервые уточнено, что Покровский монастырь находился на посаде Вороноча.

Местная церковь Николы Чудотворца, что в Заклинской губе, имела пустошь Подсадье, которая ранее была Волнино. Псковский монастырь Григория Богослова Путятина монастыря с Петровской улицы владел пустошью Острое — три пустоши¹⁹.

В целом церковное и монастырское землевладение в Заклинской губе — это 13 пустошей, 50 четей перелугу. Их владельцы — пять монастырей и одна церковь.

В Тербенской губе владения местных церквей и монастырей также были скромными. Никольский монастырь с Вороноча совместно с церковью Воскресенской и церковью Георгиевской владели пустошью Федосова (бывшая Вошкова) — две пустоши. Георгиевская церковь, кроме того, владела пустошью Соколовка, а Михайловский монастырь с городища — пустошью Стришково. Спасский монастырь с Вороноча владел двумя пустошами Серино, ранее принадлежавшими Жуку Торхову. Добавим сюда еще местную церковь Воскресенья Христова на погосте (не путать с Воскресенской церковью в самом Вороноче), которой принадлежало три пустоши Ермолино. Псковских владений в этой губе не было²⁰.

В целом церковные и монастырские земли в этой губе — это девять пустошей, 27 четей перелугу. Их владельцы — три монастыря и три церкви.

В Богородицком утретке имелось менее всего церковных земель. Успенский девичий монастырь с Вороноча имел здесь пустошь на Песье[м] Хвосте, а местная церковь Введения Богородицы с Богородицкого утретка — пустошь Смолчихино (три пустоши). Здесь же были владения псковского Степановского монастыря с Завеличья — пустошь Дудино. Всего два монастыря и церковь в Богородицком утретке имели пять пустошей, 29 четей перелугу.

В целом земельные владения местных храмов превосходят более чем в три раза владения псковских монастырей и церквей. В расположенном ближе к Пскову Островском уезде, наоборот, владения псковских церквей и монастырей значительно превосходят местные.

¹⁹ Псков и его пригороды... // Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 348–349.

²⁰ Там же. С. 347.

Определенную роль в этом сыграла близость Острова к Пскову. В более удаленных Опочечком и Красненском уездах, а тем более в Себежском уезде мы почти не найдем владений псковских монастырей и церквей.

Что касается Вороночского уезда, то здесь мы наблюдаем следующую картину.

Таблица 1

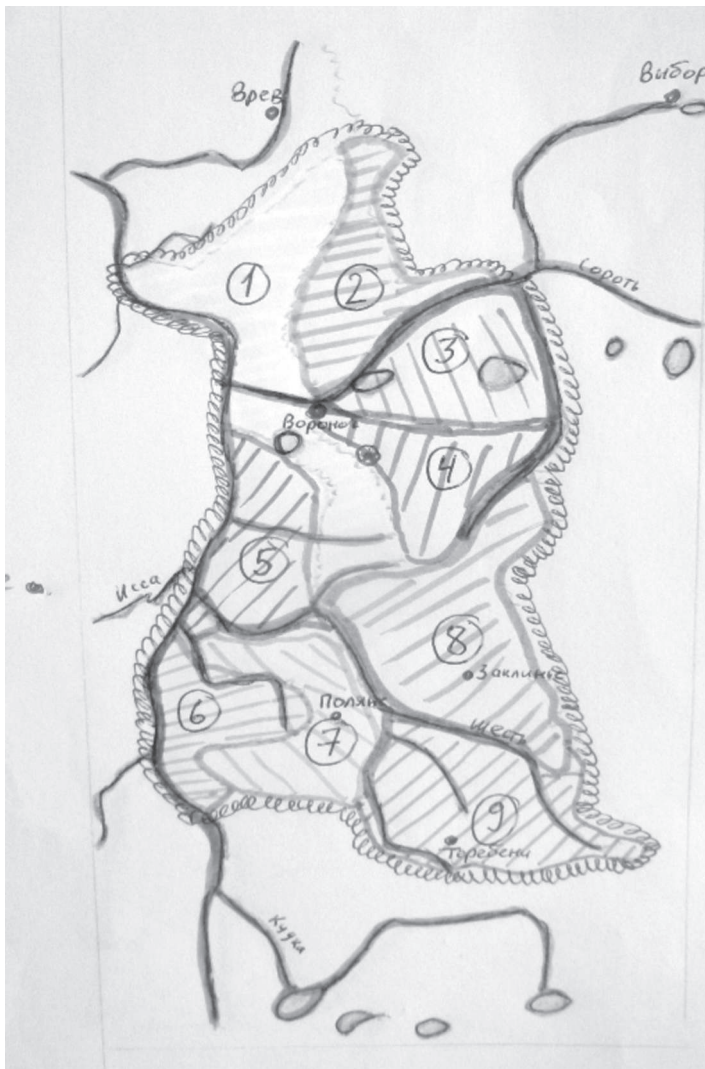
Сравнительная таблица псковских и местных церковных владений (пустошей) в Вороночском уезде

Губы	Псковские владения (пустоши)	Местные владения (пустоши)	Всего пустошей
Егорьевская	9	43	52
Ильинская	10	22	32
Богородицкая	5	22	27
Михайловская	13	13	26
Полянская	3	21	24
Спасская	1	13	14
Заклинская	3	10	13
Теребенская	-	9	9
Богородицкий утреток	1	4	5
Всего в девяти губах	45	157	202

Отдельно скажем о Святогорском монастыре. По данным Н.С. Суворова, всего Святогорскому монастырю в это время принадлежали пять пустошей в Егорьевской, три пустоши в Ильинской и девять пустошей в Богородицкой губе, а также нетяглая пустошь в Богородицкой губе. В 1620-х годах к Успенскому монастырю был приписан вороночский Никольский монастырь²¹.

Вот таким были Вороноч и его окрестности в 1585 году. Примерно таким же Вороноч оставался до начала Смутного времени.

²¹ *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение... // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 3 (май). СПб., 1906. С. 10–12; Ч. 2 (апрель). С. 354.

Административное деление Вороночского уезда в 1585 году

- 1 — Егорьевская губа; 2 — Спасская губа; 3 — Михайловская губа;
4 — Богородицкая губа; 5 — Ильинская губа; 6 — Богородицкий утредок;
7 — Полянская губа; 8 — Заклинская губа; 9 — Терёбенская губа

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРЕБЫВАНИЮ ИВАНА ГРОЗНОГО НА ВОРОНИЧЕ В 1546 ГОДУ

Из летописных источников, таких как Патриаршая или Никоновская летопись и Псковская первая летопись, известно, что вскоре после достижения Иваном IV шестнадцатилетнего возраста он отправился в очередную длительную поездку по Руси. Выезд состоялся 15 сентября, на следующий день после празднования Воздвижения Честного и Животворящего Креста, из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, где великий князь присутствовал на церковных службах и облагодетельствовал братию милостыней и кормом. Оттуда он «поехал по своим селам в Воробьево и в Денисово и в Починки, и в Можаяск к Николе помолиться, и по монастырям поехал молиться на Волок, и в Ржеву, и в Тверь, и в Новгород в Великий, и в Псков, в Печерский монастырь, и назад идучи в Пскове и в Новгороде и у Пречистой на Тихвине: а на Москву приехал декабря 12, в неделю»²². Никоновская летопись при подробном перечислении посещенных мест ничего не сообщает о спутниках Ивана, но в ней сказано, что после этой поездки «тоя же зимы генваря 16, в неделю венчан бысть на царство Руское благоверный великий князь Иван Васильевич Всея Руси преосвященным Макарием митрополитом»²³. Псковская первая летопись путано, но всё-таки уточняет детали этой поездки (левый столбец): «В лето 7055. Князь великий Иван Васильевич да брат его князь Георгий быша в Новгороде и во Пскове, месяца декабря 28 (правильно: ноября 28, т. к. по Никоновской летописи 12 декабря Иван вернулся в Москву) в неделю, одну ночь ночевав и на другую ночь на Вороначи был, а третью ночь был у Пречистой в Печорах, паки во Псков в среду, а быв немного и поеде к Москве, с собою взем князя Владимира Андреевича, а князь Юрья брат его остался и той был немного и поеде и той к Москве, а не управив своей отчины ничего; а князь великий все гонял на мсках, а христианом много протор и волокиды учинили»²⁴.

²² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. VIII летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904. С. 149.

²³ Там же. С. 150.

²⁴ ПСРЛ. Т. 4. Псковская первая летопись. СПб., 1848. С. 306–307.

Нужно согласиться с академиком С.Ф. Платоновым, что «трудно понять смысл этой круговой поездки царя Ивана (еще всё же не царь): Псков, Вороноч, Печоры, Псков — в четыре дня. Если еще был смысл в посещении главного монастыря области, то не было особого смысла ехать в Вороноч: он тогда не представлял ничего примечательного»²⁵. Однако сам Платонов указывает, описывая историю Воронича, на некий случай о литовском князе Витовте, напавшем на Воронич и запросившем мира. «В 1426 году Витовт пришел к Вороночу. Во время осады и приступов к этой крепости пришла гроза. По рассказу одной летописи, «приспевшее ноши и бысть чудо страшно: внезапно наиде туча страшна и грозна и дождь силен и гром страшен и молния беспрестанно блистая, яко мнети уже всем от дождя потопленным быти, или от грому камением побивенным бытии, или от молнии сожженным». Испуганный грозюю, Витовт вступил в переговоры о мире. Другая летопись дополняет этот рассказ эпическими подробностями: «Бысть тогда туча страшна и грозна вельми, гром страшен и молниам блистания, яко живота сущим с Витовтом отчаятися, и он сам за столп шатерный ухватися, начат вопити: господи помилуй! Стоный и трясыйся, мняся уже землю пожрен бытии и во ад внити»²⁶.

Остается только дополнить, что мир с Витовтом был заключен «месяца августа 25, на память святаго Апостола Тита»²⁷, что вряд ли могло ускользнуть от цепкого внимания Ивана IV, весьма начитанного к тому времени: родившийся 25 августа (1530), он почитал апостола Тита как своего небесного покровителя. Тут не лишним будет заметить, что покровителем града Воронича считался Георгий Победоносец. Церковь, ему посвященная, была главной в городе и находилась в крепости. Это подтверждено в летописи за 1408 год: «...на третий же день вороначани, помолвившееся богу и святому страстотерпцу христову мученику Георгию, выехавше из града, избивше Литвы по волости 100 муж, а инех живы руками яша»²⁸.

Теперь связать указанный выше случай с посещением Воронича Иваном Грозным в столь запутанной по маршруту и явно религиозной по своим целям поездке можно, обратив внимание на малозаметную

²⁵ Платонов С.Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка. Л., 1927. С. 52.

²⁶ Там же. С. 28–29.

²⁷ Псковская 3-я летопись. Строевский список // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 116.

²⁸ Там же. С. 31.

фигуру Георгия, младшего брата Ивана. Летописец именно Георгию адресует слова «...поеде и той к Москве, а не управив отчины своей ничего». Такая видимая «бездеятельность» объясняется физическим недостатком (великого князя) Георгия. По свидетельству князя Андрея Курбского, которое не оспаривается (в отличие от иных его заявлений), Георгий был глухонемой от рождения. Курбский пишет, что Василий III разыскивал повсюду злодейских колдунов, чтобы помогли ему в деторождении, и с их помощью у него родились два сына. Один — жестокий кровопийца, «другой был безумен, без памяти, бессловесен, как будто родился диким зверем»²⁹. К последним строкам столь нелицеприятного сообщения можно применить как легкое возражение мнение Иоанна Дамаскина (к слову, весьма любимого Курбским) «О внутреннем слове и произносимом»: «Внутреннее слово есть движение души, происходящее в той части, которая рассуждает без какого-либо восклицания; посему часто, и молча, мы вполне излагаем в себе самих всю речь, также и разговариваем во время сновидений. Поэтому преимущественно мы все и разумны. Ибо и немые от рождения или те, которые потеряли голос по причине какой-либо болезни или страсти, нисколько не менее разумны...»³⁰

Возвращаясь к предполагаемым целям столь длительного путешествия будущего царя по своим владениям, а точнее по монастырям и храмам в этих владениях, можно обозначить две из них. Причем первая цель — увидеть воочию свое государство — была меньшею по сравнению со второй — желанием исцелить своего брата. Пожалуй, только этим могут объясняться многочисленные моления Ивана за своего ближайшего и единственного родственника, в том числе и в главной церкви Воронича — Георгиевской, прославленной чудесами, тезоименитой брату царя. Последующие важные события в жизни Ивана — венчание на царство и браковенчание, планируемые заранее, — подталкивали братьев к поиску возможностей избавления Георгия от недуга.

Сказать, был исцелен Георгий или нет, трудно — подобный вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Н.М. Карамзин считал князя Юрия скудоумным, ссылаясь на Андрея Курбского. Но существу-

²⁹ Курбский, Андрей Михайлович. История о делах великого князя московского. М., 2015. Л. 91, 91 об.; с. 151, 153.

³⁰ Иоанн Дамаскин (*преподобный*). Точное изложение православной веры. М., 2003. С. 123.

ют сведения от А.П. Приклонского, что в Царском архиве хранились речи и обращения царева брата. С середины 1550 годов князь Юрий возглавлял московскую боярскую комиссию на время отсутствия царя в столице³¹.

³¹ Курбский, Андрей Михайлович. История о делах великого князя московского. Приложения. С. 736.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ В СВЯЗИ С РАБОТОЙ
С.В. БЕЛЕЦКОГО «ЛИТОВСКИЙ РУССКИЙ ГОРОДОК.
ПСКОВСКИЙ ПРИГОРОД ВОРОНОЧ
В ГОДЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ»**

В указанной работе профессора С.В. Белецкого (2019), а также в предшествующей ей статье «Город Вороноч накануне похода Батория (конец 1560-х — начало 1580-х годов)» (2004) спорным является утверждение о том, что «контроль над Вороночем был утрачен московскими властями между 1569 и 1571 годами. На протяжении 1570-х годов здесь появлялась «литовская застава», однако в течение всего этого десятилетия Вороноч находился в местном самоуправлении»³². И еще конкретнее: «В 1569 году Вороноч еще принадлежал Московскому государству, но уже в 1571-м он входил в состав Великого княжества Литовского, и здесь находился литовский гарнизон»³³. Основанием для такого утверждения послужили цитируемые «Документы Ливонской войны». Однако с этим нельзя согласиться, рассматривая те же документы в общем русле истории и географии Ливонской войны.

К большому сожалению, автор сам не может исправить эту досадную ошибку ввиду своей недавней кончины (19.02.2022), поэтому прощу считать этот текст равнозначным молитве за усопшего [Сергия].

Ошибка же утверждения о принадлежности псковского пригорода Воронича Великому княжеству Литовскому заключается в путанице различных мест с одинаковыми названиями. Несколько деревень разных районов Беларуси в настоящее время имеют название Вороничи. В XV–XVI веках менее чем в 30 верстах на юго-юго-запад от города Полоцка на реке Ушаче находилась деревня Вороноч (ныне Вороничи), ставшая крепостью после 1563 года наряду с другими литовскими крепостями. В настоящее время на том месте находится маленькое городище раз-

³² *Белецкий С.В.* Литовский русский городок. Псковский пригород Вороноч в годы Ливонской войны // Rzeczpospolita Czterech Narodów: сообщество ВКонтакте. Публикация 20.10.2019 [Электронный ресурс: <https://vk.com/@rp4narodow-litovskii-russkii-gorodok-pskovskii-prigorod-voronoch-v-gody>].

³³ *Белецкий С.В.* Город Вороноч накануне похода Батория (конец 1560-х — начало 1580-х годов) // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы ; М., 2005. С. 110, 113.

мером примерно 60 на 30 метров с высотой холма не более 15 метров. События, описанные в грамоте и «обидном списке» полоцкого воеводы Ногтева-Суздальского к канцлеру Великого княжества Литовского Радзивиллу Рыжему, относятся к Вороночу вблизи Полоцка, там ясно указаны окрестности: «Да ловили полотцкого архиепископа Антонья подвойской Иванко Михайлов да с ним деловые люди Трофимко да Демешка да Ивашко да Никонко, на архиепископа на Антонья на Туровском озере рыбу, да на том же озере ловил полотцкого протопопов человек Марков Панька з деловыми людьми з Гришкою да с Кипреянком да с Сенькою на протопопа рыбу ж, и приходили на них из Вороноча литовские люди в судех, казачей десятник Соколинского пробору Васька да казаки Жукова прибору Ячка да Майка, да Городовской, а с ним многие люди, да их громили...»³⁴ Упомянутое озеро находится в системе Ушачских озер южнее Полоцка между литовской крепостью Вороночем и русской крепостью Туровлей. Принадлежало озеро, как следует из текста грамоты, полоцкому архиепископу, поставленному на епархию Иваном Грозным по взятии Полоцка зимой 1563 года. С этого времени литовские земли стали осваиваться русскими, но были спорными, этим объясняются нападения и «обиды». Обе стороны стали возводить в удобных местах опорные пункты. Вот один из взглядов на те события: «Сначала литовские послы, которые во время перемирия курсировали между Вильнюсом и Москвой, протестовали против наступательной тактики Ивана IV. Когда дипломатические шаги не дали результатов, было решено строить такие же замки, как и Москва, с той разницей, что их возводили не на землях, занятых противником. Строили их напротив московских замков или старались выбрать такие места, какие не давали бы подданным Ивана IV продвинуться далеко на литовские земли. На юг от Полоцка, на берегу озера, которое наполнила река Лепель, возник Лепельский замок, далее Воронеч, Дриса и Дисна, а потом несколько меньших»³⁵.

Вороноч полоцкий находился на линии границы с Московским государством. Он не был взят русскими войсками, хотя они подступали к нему, имел гарнизон в триста человек и артиллерию небольшого калибра. Местное население участвовало в постройке крепости

³⁴ Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). 1571–1580 годы // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII веков. М. ; Варшава, 1998. С. 34.

³⁵ *Купіш, Дарыюш*. Полацк 1579. Сьпіс полацкіх невядомасьцяу. [Электронная версия]. С. 72.

в 1566 году³⁶. После взятия Стефаном Баторием Полоцка, в 1579 году, Вороноч утратил свое пограничное значение.

Отождествление Вороноча полоцкого с псковским Вороночем встречалось в исторической исследовательской литературе и ранее, в советское время. Об этом упоминает профессор А.И. Филюшкин³⁷.

Вороноч псковский был сдан без боя польско-литовской администрации в лице Георгия Зибрика, коменданта крепости Заволочье, в январе — феврале 1581 года³⁸. Жители Вороноча вместе с выбранным старостой добровольно присягнули польскому королю (в его отсутствие), когда для этого были вызваны все люди завоеванных после сожжения Холма областей, из которых «пять тянули к Заволочью»³⁹. Воронич оставался литовским один год, до исполнения решений Ям-Запольского мирного договора, подписанного 15 января и осуществленного в феврале 1582 года.

Дальнейшая судьба псковского пригорода Вороноча и скорый уход его с исторической арены связан более всего с предательством здесь царя и веры. Через десятилетие после явления икон Богородицы на Синичьих горах, сопровождаемого многочисленными исцелениями людей, пострадавших за время войны, начальники города забыли о том и устранились Божией помощи, подаваемой защитникам Вороноча по их молитвам, как было прежде, при неоднократных нападениях литовского князя Витовта.

«Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий»⁴⁰. «Без Бога все усилия напрасны. Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж»⁴¹.

³⁶ Филюшкин А.И., Кузьмин А.В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 годов. М., 2017. С. 82–83.

³⁷ Там же. С. 73.

³⁸ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1572). Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 207–208.

³⁹ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 171.

⁴⁰ Песнь степеней, 126 // Псалтырь. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1997. С. 256.

⁴¹ Песнь восхождения Соломона, 127 (126) // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. Брюссель, 1973. С. 826.

Работа профессора С.В. Белецкого, за исключением рассмотренного казуса с одноименными названиями разных мест, в своем последующем изложении не вызывает возражений и отвечает своей цели с сохранением названия «Литовский русский городок. Псковский пригород Вороноч в годы Ливонской войны».

Карта из Полоцкого краеведческого музея

Склон городища Воронич у реки Ушачи близ города Полоцка

Вид на восток с высоты городища

Река Ушача

Памятный камень у городища

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА ОТ ФОРТИФИКАЦИИ
А.П. ГАННИБАЛА В 50-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА
ПО УКРЕПЛЕНИЮ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ**

1752 год для Абрама Петровича Ганнибала был примечателен присвоением ему чина генерал-майора от фортификации и назначением на высокую должность «управляющего инженерной частью по всей России», а именно командира Инженерного корпуса, в которой он затем пребывал почти 10 лет до своей отставки. В обязанности чиновника на этом посту входил надзор за состоянием всех крепостей государства от Лифляндии до Забайкалья и от Архангельска до Астрахани. Автор в данном случае выбрал для рассмотрения только те укрепления, которые располагались на южных рубежах страны в области степного Дикого поля и которые особенно интересовали тогда Ганнибала.

Начиная рассказ о деятельности Абрама Ганнибала, хотелось бы отметить неслучайность обращения автора-ботаника к этой военно-исторической теме и к самому району действий. Кроме того, что самые близкие (по жене) родственники автора жили и продолжают жить в Мариуполе и Северодонецке, еще в бытность студентом Ленинградского государственного университета в начале 1970-х годов автору статьи посчастливилось слушать лекции Л.Н. Гумилева про отношения Древней Руси с Великой степью. Ему, ботанико-географу по специальности, в связи с основной деятельностью в Ботаническом институте РАН, в Лаборатории растительности аридной¹ зоны, позднее переименованной в степную, приходилось работать в разных местах той обширной части России, что в прошлом входила в так называемую историческую и ландшафтную область той самой Великой степи. Эти территории включали как восточные ее части — Бурятию и Читинскую область, пограничные с горами Средней Азии степные районы Киргизии и Узбекистана, низкогорья Таджикистана и Туркмено-Хорасанских гор, так и южные территории Омской и Астраханской областей, а также Западный Казахстан. Научные интересы сотрудников лаборатории еще с 1991 года, по известным причинам, сместились в западные районы степной области.

¹ Аридный — физико-географическое понятие, обозначающее жаркий и сухой климат, почвы, растительность, природные зоны (степь, пустыня).

Конкретные исследования проводились автором в Белгородской, Воронежской и Ростовской областях, в том числе рядом с известными пунктами оборонной Белгородской черты (Острогожск, Коротояк) в музее-заповеднике «Дивногорье» на берегу Дона, а также в верховьях рек Ворсклы, Северского Донца и Оскола (заповедные участки «Лес на Ворскле» и «Ямская степь»). По результатам исследований в этих степных районах за последние два десятилетия с участием автора вышли в свет разные геоботанические и историко-естественнонаучные публикации.

Что касается А.П. Ганнибала, то на этой протяженной южной граничной полосе в период своей сибирской ссылки он непосредственно участвовал в строительстве крепости в Селенгинске и Кяхте в 1729 году, а позднее отслеживал вопросы защиты Нерчинских заводов «от нападения мунгальцов»². Известно участие нашего героя уже в 1750-е годы в строительстве каналов в Астрахани и в проекте тамошней крепости³. Как выясняется, сыграл он заметную роль и в проектировании и строительстве объектов Украинской оборонительной линии.

С получением в 1748 году ордена Св. Анны за создание системы обороны в Ревеле фактически завершился длительный и важный для Ганнибала этап службы в Эстляндии. Подведена определенная черта в карьере армейского генерал-майора, он окончательно перебирается с семьей в Санкт-Петербург и занимается своей профессиональной деятельностью. 25 апреля 1752 года Абраму Петровичу Ганнибалу был присвоен чин генерал-майора от фортификации⁴, он занимает высокий пост в государственной системе военно-инженерного обеспечения. Начинается последний деятельный период в его жизни.

Эти годы отмечены в его профессиональной судьбе значимыми событиями. Уже в 1753–1754 годах Абрама Ганнибала возвращают к руководству комиссией по разграничению территорий России и Швеции. Н.А. Малеванов пишет по этому поводу: «Летом 1753 года А.П. Ган-

² *Лурье Ф.М.* Абрам Ганнибал (африканский прадед русского гения). СПб., 2012. С. 291.

³ *Гусарова Е.В.* Генерал-инженер Абрам Ганнибал // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 150.

⁴ Генерал-майор от фортификации являлся заместителем генерал-фельдцейхмейстера по инженерной службе, который в свою очередь командовал всей артиллерией и инженерными войсками. С 1742 по 1748 год генерал-фельдцейхмейстером был князь В.Н. Репнин, с 1756 года — граф П.И. Шувалов, с 1762-го — А.Н. Вильбоа.

нибал выполнял ответственное поручение Коллегии иностранных дел по разграничению «между Российской империей и шведской короной земель», что временно его отвлекло от руководства фортификационными работами. Сведения об этом поручении, кроме протоколов, имеются также и в сохранившемся рапорте А.П. Ганнибала от 1 мая 1753 года (аналогичное поручение ему пришлось выполнять в 1743–1745 годах в Лифляндии). В работе комиссии в Стокфоре Ганнибал участвовал вместе со своей военно-походной канцелярией до января 1754 года. С 30 января этого же года он снова присутствовал на заседаниях Канцелярии главной артиллерии и фортификации»⁵.

25 декабря 1755 года Абрам Ганнибал произведен в генерал-поручики и назначен губернатором Выборга, но уже 3 января 1756 года следует приказ генерал-лейтенанту Ганнибалу оставаться в Инженерном корпусе. В 1757 году генерал-инженер Ганнибал включен в Комиссию по рассмотрению положения российских крепостей. 25 октября 1759 года он получает новый чин — генерал-аншефа и становится главным директором Ладожского канала и Комиссии Кронштадтских и Рогервикских строений. 30 августа 1760 года Елизавета Петровна награждает его орденом Александра Невского (звездой и красной Александровской лентой). 9 июня 1762 года (меньше чем за месяц до восхождения на трон Екатерины II) приказом Петра III он отправлен в отставку «за старостию». Ему тогда было 66 лет. Динамика формального продвижения по службе очевидна. Теперь постараемся понять, чем именно занимался Абрам Ганнибал в эти годы.

Ко времени начала его деятельности в столице на территории Петропавловской крепости уже было построено (в 1748–1749 годах) здание так называемого Инженерного дома. Ныне памятник раннему, или петровскому, барокко, это здание относилось к типу «дома для зажиточных», хотя изначально предназначалось для военных складов (цейхгаузов) и проживания инженеров-строителей, которые поддерживали состояние уже возведенных фортификационных укреплений крепости. Позднее здесь находилась чертежная мастерская, хранились различные инженерные приспособления. Не исключено, что именно здесь какое-то время было рабочее место новоиспеченного руководителя инженерной службы.

⁵ Малеванов Н.А. К биографии А.П. Ганнибала // Пушкин: исследования и материалы. М. ; Л., 1962. Т. 4. С. 408–409.

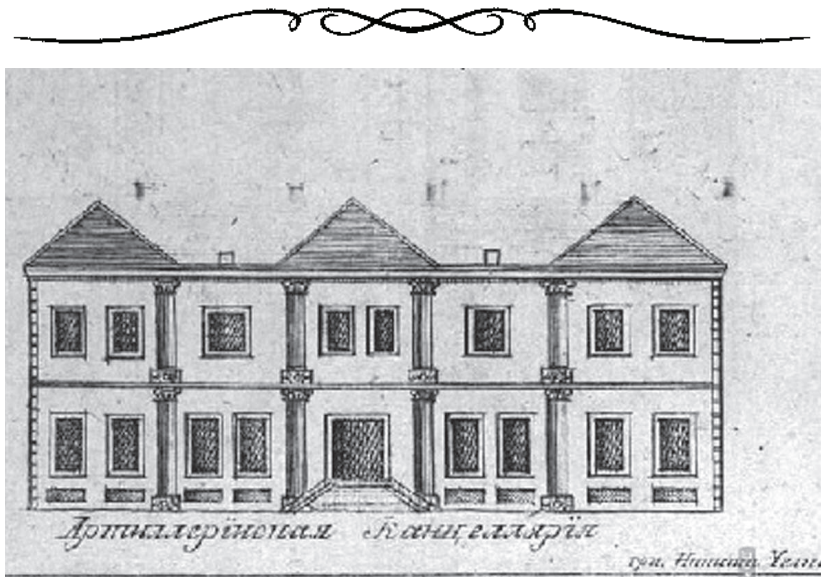

Инженерный дом в Петропавловской крепости. Современный снимок

Хотя, возможно, его ведомство располагалась где-то в Литейной части. Еще с 1720 года Артиллерийская канцелярия размещалась на Новом Пушечном дворе, входившем в формировавшийся комплекс Петербургского арсенала на участке современной Шпалерной улицы между Литейным проспектом и набережной реки Фонтанки. В 1722 году канцелярия была переименована в Главную артиллерийскую канцелярию, а после 1737 года тогда уже Канцелярия главной артиллерии и фортификации переехала в здание на углу улиц Сергиевской и Воскресенской.

Вообще, Инженерный корпус, или Контора инженерного правления, был образован в 1728 году. Эту отдельную от артиллерии фортификационную контору возглавлял генерал-директор. С 1740-х годов Инженерный корпус был в ведении Канцелярии управления главной артиллерии и фортификации, сама Канцелярия подчинялась Военной коллегии, а та — Сенату. После скоропостижной смерти руководителя Канцелярии генерал-фельдцейхмейстера Василия Аникитича Репнина⁶ (р. 1696) при

⁶ Благодаря усилиям В.А. Репнина в 1746 году была закончена многолетняя работа над составлением атласа с точными планами всех крепостей в государстве. Его назвали «Сила Российской империи».

Здание артиллерийской канцелярии

возвращении из Рейнского похода в 1748 году эта должность вплоть до 1756 года оставалась свободной. Обязанности в отношении инженерных служб периодически выполнялись, как считает Е.В. Гусарова⁷, наиболее квалифицированными специалистами ведомства — А.П. Ганнибалом и его старшим коллегой и постоянным конкурентом на разных должностях Иоганном Людвигом Люберасом (1687–1752). Эти задачи соответствовали в целом их обычным служебным обязанностям, в которые, в частности, входило создание проектов строительства и реконструкции крепостей, а также составление технической документации, смет и отчетов. Значение генерал-фельдцейхмейстера как начальника инженеров оставалось в то время минимальным⁸, почему, собственно, и отсутствие такового с 1749 по 1755 год не считалось, видимо, проблемой. Не исключено, что именно со смертью И.Л. Любераса связано однозначное решение руководства о новом назначении А.П. Ганнибала.

⁷ См.: Гусарова Е.В. Генерал-инженер Абрам Ганнибал // Вопросы истории. 2006. № 10.

⁸ Бауськова О.П. Вехи истории Главного инженерного управления // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VII международной научно-практической конференции (18–20 мая 2016 года). Ч. 1. СПб., 2016. С. 136.

В штате Инженерного корпуса было три генерала, и одним из них — наряду с Иваном Федоровичем Глебовым (1703–1774) и Николаем Ерофеевичем Муравьевым (1724–1770) — стал Абрам Ганнибал, руководивший именно технической частью⁹. Н.А. Малеванов¹⁰ пишет:

«Как видно из другой протокольной записи, от 13 мая 1752 года, А.П. Ганнибал горячо взялся за дело. 11 мая 1752 года он сообщал Канцелярии главной артиллерии и фортификации, что «посланными от него к бригадиру Лудвиху и ко инженер-полковнику Бибикову ордерами предложено:

1. Подать к нему, генерал-майору и кавалеру, без дальнего медления репорты, сколько при которой крепости каких находится служителей порознь с подробным показанием при том, сколь давно из них, кто, где имеется и прежде где в каких командированиях и при других исправлениях обретались, и какие в том имеют ат[т]естаты, и ныне кто, где, при каком исправлении, от кого определенный состоит.

2. Крепостям планы с профили и показанием около их ближних ситуаций.

3. Какие в которой крепости и какими казенными или вол[ь]ными люд[ь]ми ныне работы исправляюща и впредь заправлять должно и по чьим, когда последовавшим прожектам.

4. Сколько в которую крепость к нынешнему году нужно каких материалов и припасов для чего требовано [...] и нет ли где от недостатка какой остановки.

5. Отныне [впредь] о всех происходимых командных и экономических делах и о командировании по крепостям и в другие места и об отпусках в дома и к производству чинами инженерных служителей и о прочем для резолюции представлять; также о состоянии всех команд и прочего и о фортификационных работах с приложением обыкновенных планов и профилей месячные и третные годовые репорты подавать особливо ж и семидневные репорты; кроме С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостей, ис прочтих отдаленных каждому командующему во оных присылать прямо к нему генерал-майору и кавалеру, а таковыя ж семидневные репорты о С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостях подавать к нему ж, генерал-майору и кавалеру, и бригадиру инженер-полковнику Лудвиху.

⁹ Бауськова О.П. Вехи истории Главного инженерного управления. С. 137.

¹⁰ См.: Малеванов Н.А. К биографии А.П. Ганнибала.

6. О С.-Петербургской и Московской инженерных школах, кто что ученики обучили и давно ли находятся в учении [...] прислать к нему ж, генерал-майору и впредь таковые ж семидневные и месячные о состоянии оных учеников и резолюции требовать от него».

Помимо руководства всеми фортификационными работами в России, как отмечает Е.В. Гусарова¹¹, он отвечал за личный состав Инженерного корпуса, ежемесячно составляя «табели о состоянии» инженерных чинов всех рангов. Занимался он и аттестацией штаб- и унтер-офицеров, а также кондукторов для представления их «в открывающиеся при Корпусе вакансии». В таких рабочих заботах проходила будничная, но очень активная жизнь генерала.

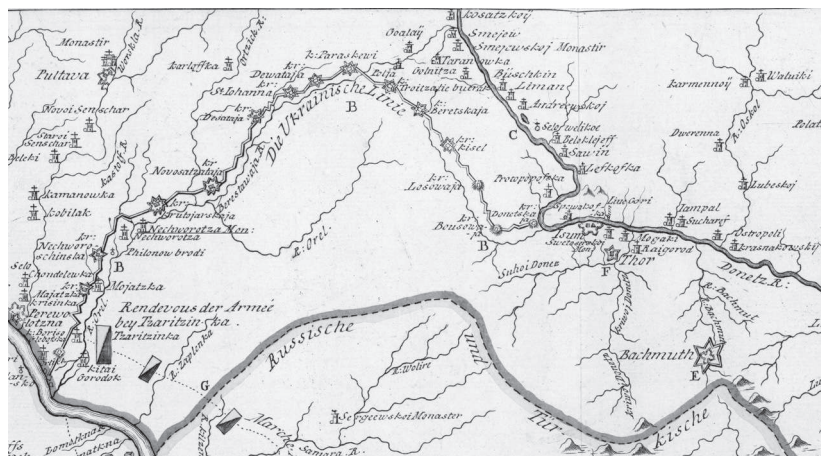
Обратимся к внешнеполитическому состоянию России. Важно отметить, что это был довольно продолжительный (30 лет) период затишья между двумя военными противостояниями России на юге со старым своим соперником — Османской империей. Война 1735–1739 годов закончилась Белградским миром с неопределенными и не устраивавшими обе стороны результатами. Россия так и не получила выхода к Черному морю, что было главной ее целью. Активные действия армий под руководством генерал-фельдмаршалов Бурхарда Кристофа Миниха (1683–1767) и Петра Петровича Ласси (1678–1751) с неоднократным вторжением в Крым, захватом Азова, взятием Очакова, Хотина и других татарских и турецких крепостей не сопровождались заселением и освоением территории русскими. Бескормица и массовые заболевания вынудили русскую армию вернуться на зимние квартиры в Москву и Петербург в условиях назревавшей войны со Швецией. Условная граница с татарских ханством после войны оставалась на небольшом расстоянии от последней на то время созданной Изюмской оборонительной линии, которая входила в общую систему русских засечных линий, создававшуюся на протяжении двух веков.

В 1730-е годы главными центрами обороны там были Изюм и Бахмут, места концентрации во время войны донских войск под командованием Ласси. Здесь расстилалась огромная степная территория, так называемое Дикое поле. Открытое пространство, отсутствие древесины для строительства привычных для русских защитных сооружений (лесных засек, укреплений из кольев — паленок и т. п.), летние засухи с проблемами воды и пропитания не позволяли закрепляться здесь эффективно

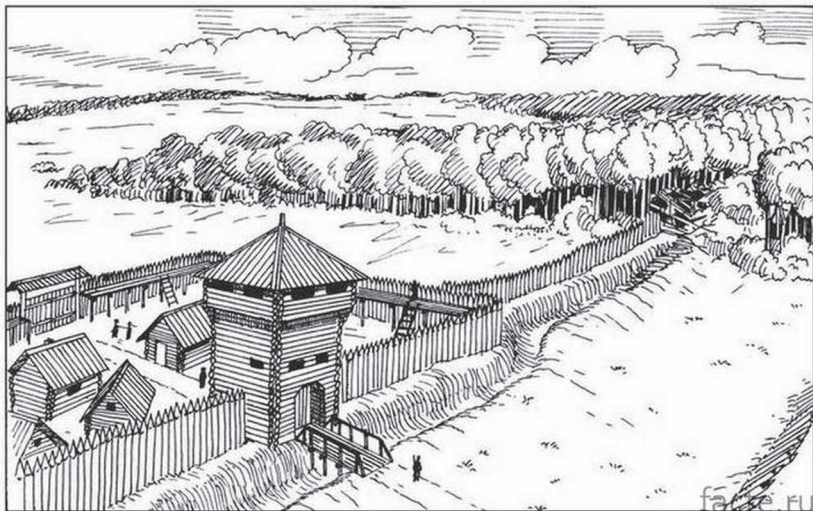
¹¹ Гусарова Е.В. Генерал-инженер Абрам Ганнибал. С. 154.

Система засечных линий

Положение Украинской оборонительной линии в 1730-е годы

Пример деревянной крепости русской засечной линии

и надолго. Формально достигнутая договоренность о перемещении границы России к югу не давала ей в засушливой степи никаких практических выгод.

Тогда еще в этой лесостепной части на татарских бродах и перелазгах преобладали деревянные типы укреплений, а также валы, сторожки, притоны, паленки.

В елизаветинское время российское фортификационное ведомство делилось на семь региональных департаментов¹². К четвертому из них относились крепости Нежин, Северск, Чернигов, Киев, Переволочна, Украинская линия (10 крепостей). В пятый входили Белгород, Изюм и другие. В архивах были обнаружены отчеты «главного инженера Российской империи», в частности, по крепостям Бахмутской, Торской, Св. Анны (у станицы Старочеркасской, ныне в Ростовской области) и другим. Про Изюмскую крепость мало что известно, несмотря на то, что через нее проходил древний, наезженный татарами шлях на Москву и там издавна стояли казаки слободского Изюмского полка. А вот Бахмут, который в ту пору также представлял собой значительное по величине поселение, хорошо и полно в 2015 году описал Александр

¹² Гусарова Е.В. Генерал-инженер Абрам Ганнибал. С. 153.

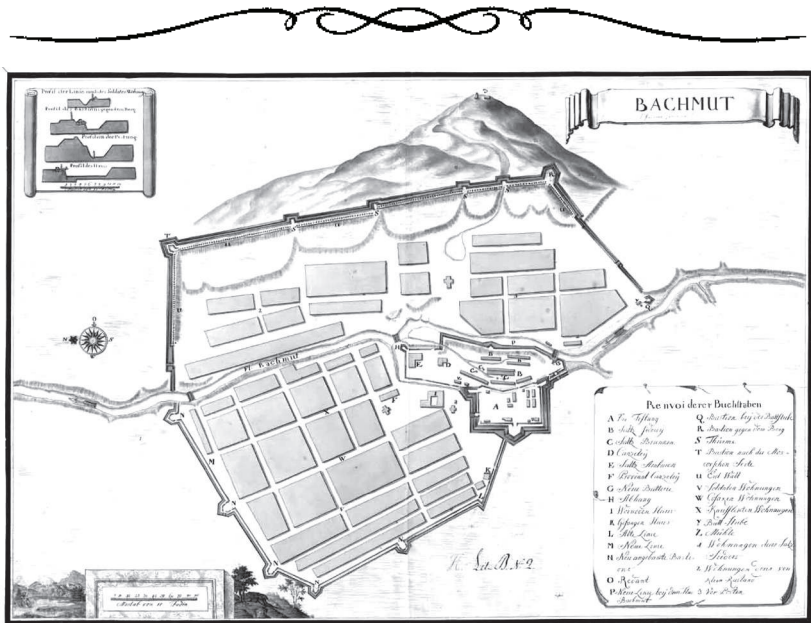
Копыл в «Хронике одинокой крепости». Хотя первоначально последний на южных пределах Московского царства сторожевой пункт — «сторожка Бахмутская» — был учрежден здесь в 1571 году, сам город начал строиться гораздо позднее.

«В 1710 году была заложена на левом берегу Бахмута небольшая земляная крепостца, которая должна была служить цитаделью. После Прутского договора 1711 года Бахмут, как пограничный пункт, приобрел более важное значение, и оборонительные его сооружения были усилены, причем Бахмут должен быть отмечен широким и разнообразным применением деревянных одежд, первоначально, главным образом, стойчатых. Так, оборонительная ограда 1730 года усилилась рядом бревен, вкопанных в землю в несколько наклонном к насыпи положении и соединенных сверху прогоном, который удерживался зацепами; при этом одежда по высоте разделялась на две части бермой на местном горизонте, что позволяло пользоваться материалом небольших размеров; при больших разливах реки Бахмут и высоких вследствие этого одеждах это имело немаловажное значение. С 1750 года в Бахмуте применялись уже только одежды в виде венчатых; одежда имела 18 фут и более высоты и через каждые 2–3 венца схватывалась зацепами, располагавшимися в шахматном порядке для более прочной связи.

А это уже те самые годы, когда эти работы контролировал Ганнибал.

«По артиллерийской ведомости крепостей 1765 года на вооружении было назначено 60 пушек и 16 мортир, а гарнизон по табели 1794 года значился численностью в мирное время в один батальон пехоты и в военное время в 2 500 чел[овек] пехоты и 150 чел[овек] конницы». Именно на этот период существует план крепости (на 1767 год). Исключен из числа штатных крепостей Бахмут в 1783 году по указу императрицы Екатерины II.

Пятидесятые годы в военно-политическом отношении ознаменовались участием России в Семилетней войне (1756–1763) на европейском театре военного противостояния разных групп стран, при этом на южных границах сохранялось шаткое равновесие в ожидании масштабных событий, которыми станет славен уже век Екатерины Великой. При всей видимой тишине на степных пространствах Причерноморья там по-прежнему продолжались стычки с татарскими мобильными разведывательными или грабительскими отрядами, не прекращалась практика угона русских людей на чужбину и продажа их в рабство. Еще по

План крепости Бахмут на 1767 год

документам, открытым М.Д. Хмыровым¹³, было известно, что Абрам Ганнибал курировал строительство укреплений на юге России «при поселениях Новосербском и Славяносербском, между Днепром и Донцом», хлопотал о закладке крепости Св. Елизаветы, занимался «рассмотрением проекта постройки Киево-Печерской крепости». Об этом же пишет и Н.А.Малеванов¹⁴: «Активно участвуя в обсуждении всех текущих вопросов в Канцелярии главной артиллерии и фортификации, после возвращения из Финляндии А.П. Ганнибал, кроме того, занимался, по представлению полковника Д.И. Дебоскета¹⁵ из Киева, рассмотрением графических материалов по постройке в Киево-Печерской крепости вместо старых ветхих Васильковских деревянных вновь каменных ворот и при них же каменных караульных покоев, а также других крепостных сооружений. Представленное заключение по плану

¹³ Гусарова Е.В. Генерал-инженер Абрам Ганнибал. С. 149.

¹⁴ См.: Малеванов Н.А. К биографии А.П. Ганнибала.

¹⁵ Данила Дебоскет в октябре 1759 года стал генерал-инженером и официально заменил на высшем инженерном посту А.П. Ганнибала. Однако Абрам Ганнибал продолжал до 1762 года выполнять часть своих прежних функций.

и собственный «особливо учиненный им план» были одобрены Канцелярией главной артиллерии и фортификации 27 февраля 1755 года».

Действительно, кроме русских и казачьих донских постов и городков в начале 1750-х годов здесь появляются поселения и крепости колонистов из балканских стран. «Правительство стремилось отрегулировать процесс колонизации южных пограничных регионов и совместить его с защитой от всё еще возможных набегов крымских татар. Планировалось сделать это при помощи иностранных поселенцев, которые, получая значительные льготы, обязывались укреплять и развивать экономику края, а также в случае необходимости обеспечить оборону приграничных районов»¹⁶.

По мнению специалиста, история последнего явления вкратце такова: «Еще в 90-х годах XVII столетия около 70 тысяч сербов, болгар и представителей других балканских этносов перешли с оккупированных Османской империей земель в габсбургские владения на территории Венгрии. Поселенцы получили название «сербы-граничары», поскольку именно сербы стали основной составляющей частью австрийских войск на новой границе с Турцией. Поселившись на землях Австрийской империи, сербы получили ряд привилегий, но со временем их положение значительно ухудшилось. В 40–50-х годах XVIII века большая территория, на которой они поселились, оказалась внутри Австрийской империи, далеко от границ с Турцией. Сербам предложили или снова переселиться ближе к границе, или принять венгерское подданство». По совокупности причин сербы отказались, и их руководители стали искать привычную для них службу на территории России. Возглавить массовое переселенческое движение в Россию готов был полковник Иван Хорват. Вместе с группой офицеров он обратился к российскому послу в Вене графу Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину с предложением о переходе на российскую службу. Офицеры обещали вывести за свой счет в Россию два полка (три тысячи человек). Уже в 1751 году была принята первая небольшая партия колонистов под руководством Хорвата на земли в заднепровских степях, где была основана Ново-Сербия. Территория имела автономный статус и подчинялась непосредственно Военной коллегии и Сенату. В следующем году Елизавета Петровна пожаловала другой

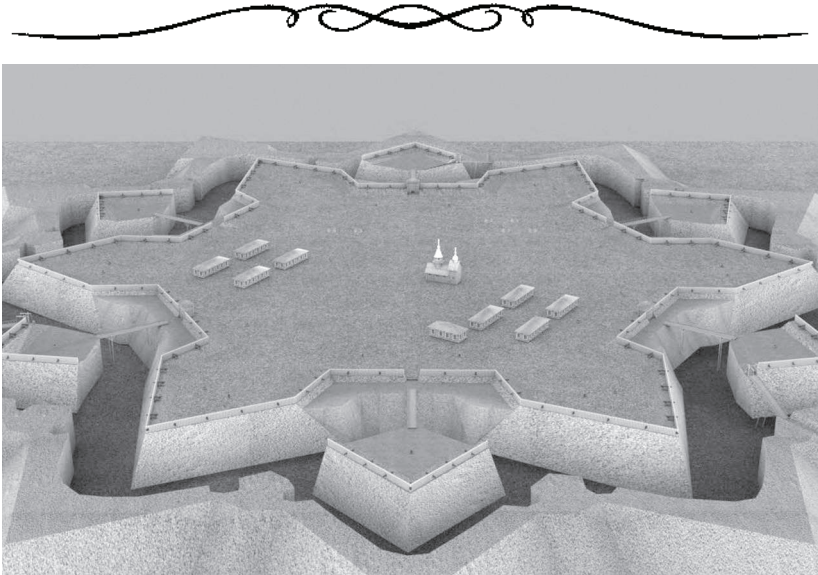
¹⁶ *Михнева Румяна Ангелова. Русско-турецкие отношения в 40–50-х годах XVIII века и их место во внешней политике России: дисс.... канд. ист. наук. М., 1980. 282 с.*

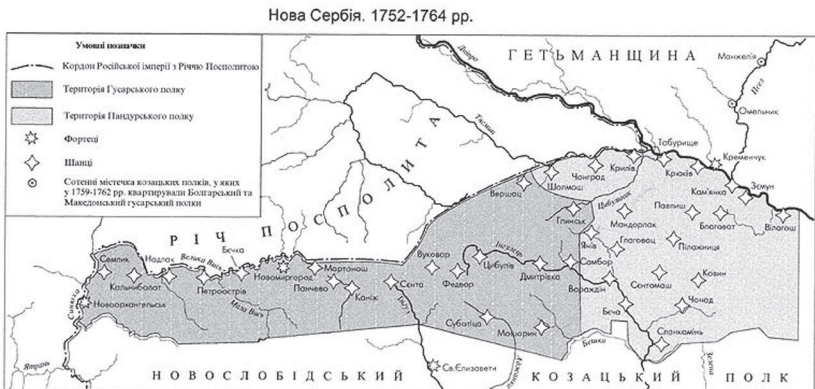
Положение областей, заселенных сербскими колонистами в середине XVIII века

группе переселенцев земли между реками Лугань и Бахмут на правом берегу Северского Донца — Славяно-Сербию. Колонисты были расселены номерными ротами, для которых были выстроены шанцы, из которых впоследствии в Новороссии выросли значительные местечки. Предстояло строить и крепостные сооружения.

Стратегическое значение Новой Сербии было обусловлено тем, что она находилась на пути набегов крымских татар по их излюбленному маршруту, а также являлась важным плацдармом для переброски русских войск в Крым. Крепость Св. Елизаветы, о закладке которой хлопотал Абрам Ганнибал, была заложена 18 июня 1754 года. Строил крепость инженер-полковник Иоганн-Людвиг Менцелиус, известный Ганнибалу не с лучшей стороны еще по делам астраханских каналов. В крепость были переведены 3 000 запорожских казаков, и главный город стал называться Елисаветградом — по имени крепости. Позднее оно поменялось на Кировоград, а в последнее время получило имя местного актера театра — Кропивницкий. Крепость, ставшая центром нового города и всей Новороссии, была расположена на высоком правом (западном) берегу

Макет Елисаветградской крепости

Положение Новой Сербии среди соседних территорий

Современный вид Елисаветградской крепости сверху

Ингула, имела шесть земляных валов и бастионов, а в центре ее была Соборная площадь. Вокруг крепости были сформированы три слободы. Неподалеку от реки Ингул местные жители из глины выжигали кирпич, из него строили каркас, а уже сверху была земляная насыпь, которая и образовала длинный вал в форме шестиконечной звезды. Крепость вооружили корабельными боевыми пушками с большой дальностью поражения. На протяжении 1753–1764 годов она была оплотом российской обороны от нападений соседей — Польши и крымчаков, а также местом пребывания высшего российского командования на юге России. В ней действовала следственная комиссия по гайдамацким делам, здесь бывали Г.А. Потемкин, Н.А. Румянцев-Задунайский, А.В. Суворов, М.И. Кутузов. В 1769 году крепость выдержала осаду войск

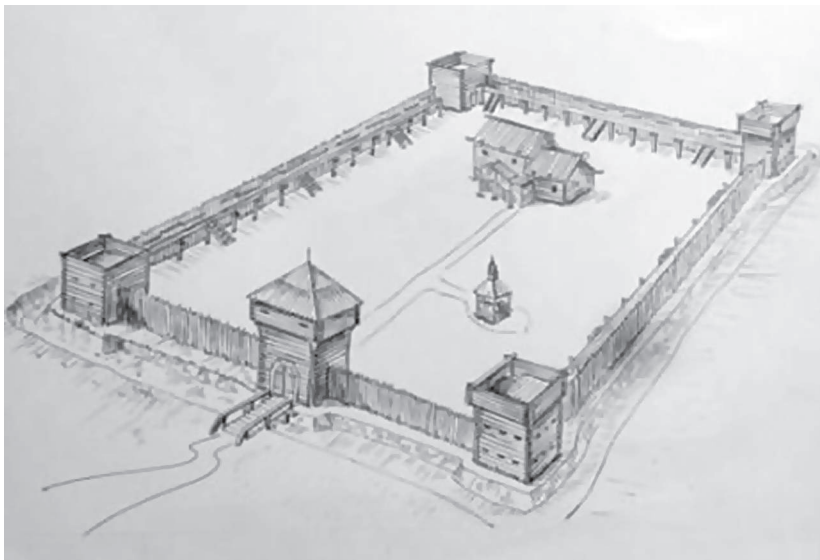

Область военно-земледельческих поселений Славяносербия

крымского хана Керим-Гирея. В настоящее время можно видеть только остатки валов, тем не менее, она хорошо читается в рельефе и считается самой крупной из сохранившихся земляных крепостей в Европе.

Другое новое территориальное образование — Славяносербия — формировалось с большими трудностями. Судьба полков Шевича и Де-прерадовича обсуждалась на заседании Сената, которое состоялось 31 марта 1753 года в присутствии членов Военной коллегии и Коллегии иностранных дел, а также инженеров — главного командира Новой Сербии генерал-майора И.Ф. Глебова, генерал-майора И.А. Бибикова и других (отсутствие Ганнибала объясняется уже упомянутым его отзывом для руководства разграничительной комиссией). Название возникло стихийно, а официально так и не было утверждено, однако оно сохранилось до сегодняшнего дня в наименовании райцентра Луганской области. Славяносербск упоминается также в повести А.П. Чехова «Степь».

С этой территорией, с неясными границами тогда и столь важной с геополитической точки зрения ныне, у Ганнибала были связаны конфликты с его начальником — генерал-фельдцейхмейстером Петром

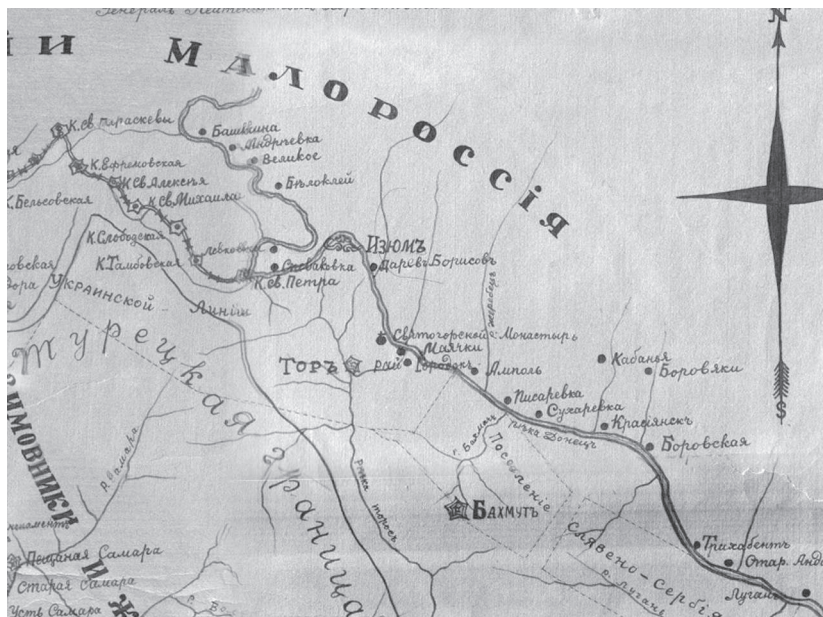

Вид крепости Тор в XVII веке

Ивановичем Шуваловым в июле 1758 года. Отвечая на его претензии, Абрам Ганнибал пишет¹⁷: «...о происходимых прежде мне напрасных нареканий, подлежащего мнения от меня требовать изволите, то я во оном ныне опасным себя не нахожу и, как моя должность велит, подаваемые от меня к Вашему Сиятельству мнения описывать имею». Далее в служебной записке и в ответе на нее речь идет об исправлении работ по Торской крепости. Это еще одна важная точка приложения знаний инженера Ганнибала.

В 1664 году на реке Казенный Торец (приток Северского Донца) начал строиться солеварочный завод, который прикрывал небольшой Маяцкий острожек с двумя десятками казаков. Для его защиты царь Алексей Михайлович в 1676 году повелел возвести на берегу реки Тор крепость с одноименным названием. Крепость имела шесть башен, ее снабдили сорока орудиями, после чего она стала господствовать над местностью, защищая ее от татарской угрозы. В результате очень быстро вокруг крепости стал расти Соляной город.

¹⁷ Гусарова Е.В. Генерал-инженер Абрам Ганнибал. С. 156.

Положение русских крепостей на южной границе в районе Северского Донца. Карта 1754 года

В 1715 году Торские солеварни были взяты в казну, позднее соляной завод был реконструирован, возникли подсобные предприятия — кузницы, столярная и слесарная мастерские, водяная и ветряная лесопилки. В 1756 году Тор вошел в состав Ново-Украинской оборонительной линии. Вооружение крепости — 40 пушек, гарнизон — около 200 человек. К 1773 году население Тора составляло уже почти 4 000 человек. В 1783 году крепость Тор потеряла свое оборонительное значение, город Тор был переименован в Славянск, получив статус уездного города Екатеринославского наместничества. В 1797 году Славянск причисляется к Слободско-Украинской, а с 1835 года — к Харьковской губернии.

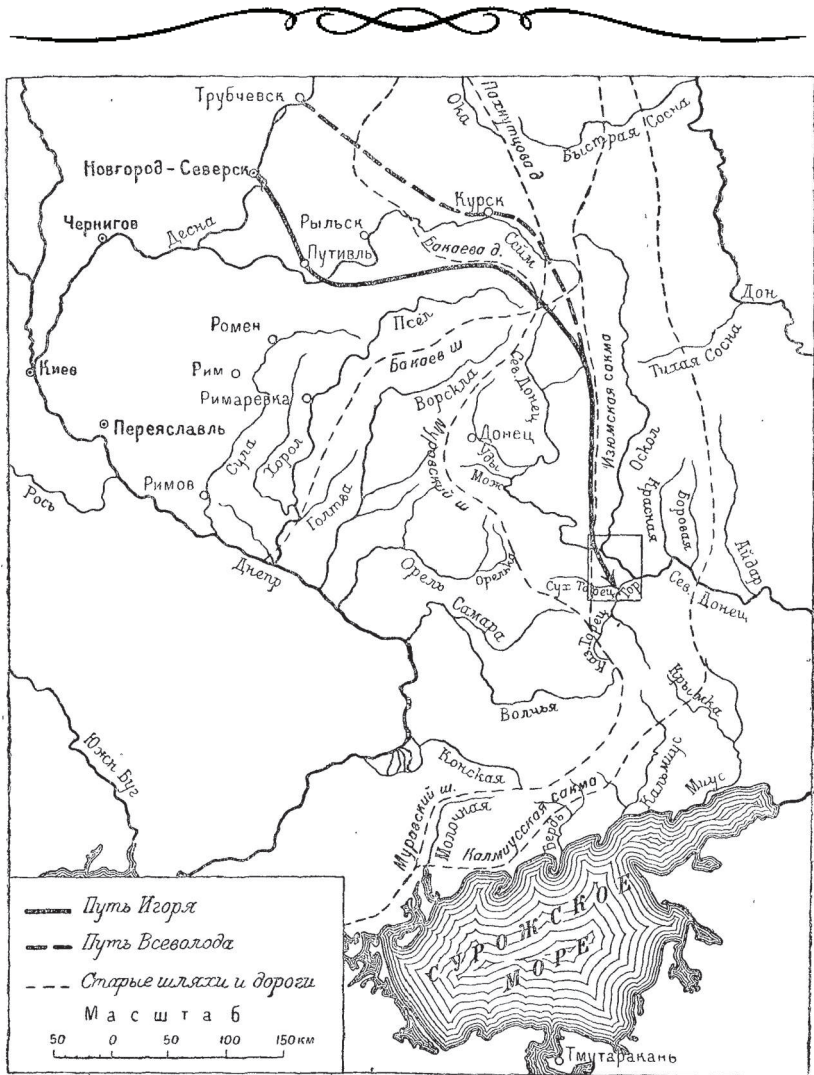
Завершая рассказ о деятельности Абрама Петровича Ганнибала на инженерном поприще, следует сказать, что, несмотря на кратковременность существования южной оборонной линии и практическую невос требованность крепостных сооружений в их основном качестве, сам

План Торжской крепости на 1776 год

непрерывный процесс строительства, внимание государства к этому важному региону обеспечили все дальнейшие успехи в борьбе с Османской империей. Сам Абрам Ганнибал не бывал в этом регионе, но прекрасно понимал его стратегическую значимость. Как ученик и приверженец идей Петра Великого, он на своем месте продолжал воплощать его замыслы, создавая не защитную линию, а стартовую площадку для новых военных и экономических успехов России.

В заключение, подчеркивая преемственность усилий Руси и России на этом направлении, приводим карту походов новгород-северского князя Игоря Святославича. Ведь именно здесь, на берегах Северского Донца, он сражался с грабившими страну степняками-половцами.

Карта похода отрядов князя Игоря в 1185 году

**ФОТОГРАФИИ КОРОТОВЫХ —
ПОТОМКОВ ГАННИБАЛОВ
В ФОНДАХ ОПОЧЕЦКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В.П. Ганнибал был сыном П.А. Ганнибала и двоюродным дядей Пушкина. Он владел Петровским во время ссылки поэта. У В.П. Ганнибала была незаконнорожденная дочь Мария. Он выдал ее замуж за поручика Федора Коротова. У Коротовых было шестеро детей: Павел, Евпраксия, Надежда, Мария, Александр и Владимир. В.П. Ганнибал в 1833 году составил завещание своим внукам на всё движимое имущество, находившееся в Петровском. Семейство Коротовых до смерти В.П. Ганнибала жило в Петровском. Так как Петровское должно было перейти другими владельцам, В.П. Ганнибал перед смертью купил имение Герасимово (Богородское) на границе Опочецкого и Новоржевского уездов, куда Коротовы и переселились в 1840 году. Они вывезли, согласно завещанию, из Петровского всё движимое имущество. М.В. Коротова держала мужа в узде, однако Федор Павлович Коротов проиграл почти всё свое состояние. Чтобы спасти то, что еще у них осталось, и оградить мужа от пагубной страсти к игре, М.В. Коротова купила хутор Заречье на реке Алоле в Новоржевском уезде. Этот хутор после смерти М.В. Коротовой и ее мужа достался младшему сыну Владимиру, у которого было 10 детей¹.

В фондах Опочецкого краеведческого музея хранятся фотографии, касающиеся семейства Владимира Федоровича Коротова и его детей. Фотографии были переданы в музей в 2008 году Ниной Петровной Будановой, правнучкой В.Ф. Коротова. Н.П. Буданова родилась в Ленинграде 6 января 1948 года. Окончила библиотечный факультет Института культуры имени Н.К. Крупской в 1970 году. Работала библиографом в Театральной библиотеке имени А.В. Луначарского².

Рассмотрим некоторые фотографии, переданные ею в фонды Опочецкого краеведческого музея.

¹ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999.

² *Бессонова А.М.* Родословная потомков А.П. Ганнибала. СПб., 2001.

Мария Ивановна Коротова (1845–1930), урожденная Почепцова, жена В.Ф. Коротова. Похоронена на кладбище города Опочки³. Размер фотографии 6,5 × 10 см. Снимок сделан в «Фотографии К. Андерсона» Санкт-Петербурга⁴.

³ Бессонова А.М. Родословная потомков А.П. Ганнибала. СПб., 2001.

⁴ На Невском проспекте, преимущественно по его четной стороне, практически в каждом доме находилось то или иное ателье. Некоторые предприниматели владели сразу несколькими «точками». Так, у К.К. Андерсона было пять фотоателье — два на Невском, в домах 56 и 61, и еще по трем адресам. Андерсон в летнее время обслуживал клиентов в «Новой деревне на собственной даче».

Предположительно М.И. Коротова (Почепцова) с мужем В.Ф. Коротовым и детьми: Валерианом, Сергеем, Марией и Александрой. Размер фотографии 11,5 × 10 см.

Владимир Федорович Коротов (16.07.1847–1908) родился в селе Герасимово Новоржевского уезда Псковской губернии; причислен к дворянскому роду отца своего и внесен во вторую часть Дворянской родословной книги Псковской губернии 29 октября 1857 года. Жил в селе Заречье Новоржевского уезда⁵.

⁵ Бессонова А.М. Родословная потомков А.П. Ганнибала.

Владимир Владимирович Коротов (ок. 1886–1941). Специального образования не имел, воспитывался дома, в период Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт в 1914 году, был тяжело ранен и остался инвалидом первой группы на всю жизнь. Жил у матери в Заречье, в 1923 году уехал в Ленинград, работал вахтером, умер в блокадном Ленинграде⁶.

Размер фотографии 6,5 × 10,5 см. На обороте фотографии надпись: «Дорогому Адамычу от любящего друга, коллеги, бывшего сожителя и прочая и прочая. В. Коротов. 1904 г.» Фотография сделана в Витебске в «Фотографии В. Островского».

⁶ Бессонова А.М. Родословная потомков А.П. Ганнибала.

Валериан Владимирович Коротов (ок. 1875–1941). Окончил Военное пиротехническое училище в Петербурге. Работал по специальности на военных заводах. В 1913 году по болезни вышел в отставку. Умер в блокадном Ленинграде⁷.

Размер фотографии 6,5 × 10,5 см, сделана в «Фотографии Г.А. Юхнова» в Луганске. Датирована 26 октября 1900 года.

⁷ Бессонова А.М. Родословная потомков А.П. Ганнибала.

Мария, Александра и Анна Владимировны Коротовы. Размер фотографии 6,5 × 10,5 см. На обороте надпись: «Дорогой Валерушка. Вот тебе, рассматривая сестриц Муси, Сюси и Ньюси». Фотография сделана в «Фотографии Б.Л. Фельдмана» города Лепеля. Не датирована.

Мария Владимировна Коротова (ок. 1870–1953) похоронена на Богословском кладбище в Ленинграде. Муж с 1888 года — Иван Иванович Скворцов. Родился около 1864 года, служил уездным предводителем дворянства в городе Режице в 1907–1909 годах. Умер около 1914 года.

Александра Владимировна Коротова (ок. 1877–1951) по окончании гимназии работала в земстве в городе Опочке.

В 1913 году уехала в деревню к матери помогать ей вести хозяйство. После 1923 года жила в Москве у сестры Натальи Владимировны, воспитывала ее детей.

Анна Владимировна Коротова (10 января 1884 — 1 июля 1964) родилась в городе Великие Луки, окончила прогимназию в Опочке в 1901 году, с 1902 по 1912 годы служила сельской учительницей в селе Утретки Опочецкого уезда Псковской губернии. С 1911 года муж Василий Павлович Лавров⁸. С 1912 по 1930 год домохозяйка. С 1931 по 1926 год работала лаборанткой научно-исследовательского института лаков и красок в Ленинграде. В 1942–1945 годах находилась в эвакуации в городе Чарджоу Туркменской ССР. С 1945 по 1964 год жила в Ленинграде, была на пенсии. Похоронена на Богословском кладбище.

⁸ Бессонова А.М. Родословная потомков А.П. Ганнибала.

Яков Владимирович Коротов (ок. 1879–1935). Размер фотографии 6 × 10 см. На обороте фотографии надпись: «Брату и коллеге Валериану от многолюбящего его Якова». Фотография сделана в «Фотографии Ю. Штейнберга» в Санкт-Петербурге. Датирована 2 марта 1900 года.

Я.В. Коротов окончил пиротехническое училище в Петербурге. Работал по специальности сначала в городе Лодейное Поле, после был переведен в крепость Новогеоргиевскую. Во время Первой мировой войны попал в плен, четыре года находился в Австрии, затем возвратился в Россию в Опочку. С 1920 по 1921 год служил в территориальном полку. После демобилизации работал бухгалтером в советских учреждениях города Ржева. Умер в 1935 году от туберкулеза⁹.

⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Р-6397-2-1404. Коротов Сергей Яковлевич.

Софья Александровна Селюгина. Жена Я.В. Коротова с 1905 года. Размер фотографии 6,5 × 10,5 см. На обороте фотографии надпись: «Слышали ли Вы за рощей плач ночей Певца любви, певца своей печали? Нюре Коротовой — С. Селюгина». Фотография сделана в «Фотографии А. Ганиболь» города Седлеца. Датирована 17 ноября 1900 года.

Софья Александровна Селюгина родилась 16 октября 1875 года, умерла в Ленинграде 29 октября 1965 года. Похоронена на Северном кладбище¹⁰. Сын Я.В. и С.А. Коротовых — Сергей Яковлевич Коротов — был директором Лесотехнической академии в Ленинграде.

¹⁰ Бессонова А.М. Родословная потомков А.П. Ганнибала.

Владимир Владимирович Коротов. Размер фотографии 10,5 × 16 см. На обороте фотографии надпись: «В далекий путь я уезжаю, Меня прошу не забывать, Сестрица милая, желаю Тебе немножко исхудать, А для сего увещаю Поменьше есть, пить, спать. Посвящается не Мусе и не Сюсе, а угадайте кому?» Фотография сделана в «Фотографии В. Островского» города Витебска. Не датирована.

Яков Владимирович Коротов. Размер фотографии 9×14 см. На обороте фотографии надпись: «Дорогая мама! Поздравляю всех Вас с Новым Годом. Напишите мне, пожалуйста, что творится в Ваших местах. В начале декабря приезжала в Варшаву Соня, и мы провели вместе три дня. Целую Вас крепко. Пишите. Ваш Я. Коротов». Фотография не датирована.

Все фотографии размера $6,6 \times 10,5$ см. Предположительно на фотографиях в шляпе Анна Владимировна Коротова, другая женщина — Софья Селюгина. Фотографии не датированы.

ИСТОРИЗМ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЫ И ПОРТРЕТЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Начало правления Екатерины II для многих современников представлялось как восстановление дела Петра Великого и всего того, чего «...он достиг неусыпным трудом тридцатилетнего Своего царствования», как сказано в манифесте, изданном по случаю воцарения императрицы¹. Идея продолжения петровского наследия стала настолько актуальной и популярной, что императрицу объявляют возрожденным Петром — как это сделал А.П. Сумароков в своей оде².

Екатерина обладает,
Великий Петр опять рожден.
Плутон кричит: восстал из гроба
Великий Петр, и пала злоба.

Аналогичные идеи звучат в оде Василия Майкова и Песне Джиганетти (перевод И.Ф. Богдановича):

Великого Петра Преемница Державы
И истинной Его Любительница славы,
Нося Его труды, любя Его закон,
Его имея дух и царствуя как Он,
Ты разум мой влечешь к Тебе единый ныне,
И от Петра мой стих течет к Екатерине³.

Сама Екатерина в начале правления с настойчивым постоянством демонстрирует преклонение перед личностью и делами Петра, что проявляется как в мелочах (при ней всегда талисман с петровским портретом) и переписке (в письмах к Вольтеру, И. Бецкому), так и в более масштабных деяниях — таких как градостроительные проекты.

¹ *Искюль С.Н.* Роковые годы России. Год 1762. Документальная хроника. СПб., 2001. С. 184.

² *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. С. 45.

³ *Богданович И.Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. СПб., 1848. С. 258.

Особым смыслом в понимании соотношения «Петр и Екатерина» был наделен и памятник, созданный Фальконе в 1782 году. Огромный гром-камень символизировал основание новой России, заложенное Петром, на котором уже свою Россию созидала Екатерина. Причем с начала работы над памятником самим автором, то есть Фальконе, предполагалось, что это посвящение как Петру, так и Екатерине⁴. И образ императрицы, которую назовут Великой, был и при ее жизни, и после ее смерти популярным в русском искусстве — как и образ Петра I. Почти одновременно возникает художественный интерес к этим историческим фигурам во второй половине XIX — начале XX столетия.

При этом сама Екатерина — подобно Петру — большое значение придавала в своей государственной деятельности искусствам. Достаточно вспомнить, что она приобретает первое крупное собрание картин, возводит Большой Эрмитаж, Малый Эрмитаж, строит здание Академии художеств, о чем в своих записках статс-секретарь царицы А. Грибовский пишет так: «...собрала она превосходные произведения во всяком роде»⁵. Не менее значительной по художественным достоинствам и значимой для реализации задач государственного правления была галерея екатерининских портретов, которые создавались на протяжении почти трех с половиной десятилетий царствования императрицы. Ее портреты писали художники, произведения которых должны были служить определенным целям — прославлять правление Екатерины Алексеевны, представляя ее мудрой и просвещенной государыней. Поэтому особый интерес представляют изображения Екатерины, выполненные в тот период, когда она носила еще имя Софьи Августы, принцессы Анхальт-Цербстского дома, и милое домашнее прозвище Фике, и прежде всего портрет работы Анны Розины де Гаск⁶.

В одиннадцатилетней портретируемой трудно увидеть будущую великую императрицу. Однако то, что естественно для молодых натур — улыбочивость — будет отличать почти все ее портреты. Особая улыбка — доброжелательная, милостивая, располагающая к себе людей. Об этой улыбке мы читаем в двух известных литературных произведениях —

⁴ Correspondence de Falconet avec Catherine II. 1767–1778. P. 21.

⁵ *Грибовский А.* Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 40.

⁶ Портрет Екатерины в одиннадцатилетнем возрасте, созданный Анной Розиной де Гаск (урожденной Лисевской, 1713–1783), считается первым в екатерининской иконографии.

Портрет Екатерины в одиннадцатилетнем возрасте, созданный Анной Розиной де Гаск, считается одним из первым в екатерининской иконографии

в «Капитанской дочке» и «Ночи перед Рождеством». При этом и Пушкин, и Гоголь используют близкие определения: у русской царицы голубые глаза и легкая улыбка, так умевшая покорять всех вокруг.

Интересно, что автором одного из первых портретов великой княгини Екатерины Алексеевны, созданных в России, стал Луи Каравак (1684–1754), известный придворный портретист еще при Петре I. Запечатленный им образ государыни — как и образы, созданные Георгом Кристофом Гроотом (1716–1749) в его серии портретов, представляющих Екатерину в разной обстановке, или Анной Розиной де Гаск (Екатерина с великим князем Петром), — еще не несет отпечатка будущей жесткой программы утверждения законности власти императрицы и ее прославления.

В первое десятилетие царствования Екатерины ее придворным художником был датчанин Вигилиус Эриксен (1722–1782). Именно он наряду с итальянцем Стефано Торелли (1712–1780) и Федором Рокотовым создает официальный, канонический образ императрицы. Этот образ наделен строгой монументальностью, торжественностью и композиционной мерностью, поэтому работы разных по своей творческой манере художников часто лишены художественной индивидуальности. Екатерина II выделяла из всех работы Эриксена и особенно любила портрет, где она изображена в момент переворота на любимом коне Бриллианте, в платье по форме Преображенского полка. Ощущение драматизма, как и героики «революции» 1762 года, завершившейся полной и безусловной победой, — вот то, что нравилось государыне в картине.

После коронации, уже в 1763 году, пишет екатерининский портрет Федор Рокотов (1735(?)–1808): Екатерина II восседает на троне со скипетром в правой руке, обращенной вправо. Профильное изображение лица императрицы, поворот ее фигуры в три четверти создают впечатление легкого движения вперед в направлении указующей руки со скипетром. Такая композиция может быть прочитана с аллегорическим подтекстом как стремление императрицы в будущее, к планам и преобразованиям.

Одна из безусловных вершин в аллегорической интерпретации образа государыни и ее достижений — картина Дмитрия Левицкого (1735–1822) «Екатерина-законодательница в храме богини Правосудия» (1783). Екатерина предстает в классицистическом образе триумфатора, законодательницы и радетельницы о благе подданных. Она изображена в светлом хитоне жрицы, символизирующем чистоту ее помыслов

Вигилиус Эриксен. Портрет Екатерины II в гвардейском мундире на коне Бриллианте. 1762 год. Петергоф

и дел; лавровый венок и морской пейзаж с кораблями, в свою очередь, символизируют военные победы и успехи на ниве дипломатии; маки, сжигаемые на алтаре Фемиды, — неусыпное попечение о правосудии и своем народе, а орел с перунами (пучками стрел в когтях) придает величественному образу черты сходства с Юпитером, указывая на мощь и процветание государства. Это образ не только уверенной в себе

*Федор Рокотов. Портрет Екатерины II.
1763 год. Государственная Третьяковская галерея*

вершительницы судеб, но и одновременно образ государыни добро-сердечной и милостивой: такому восприятию в значительной степени способствует улыбка. Многие современники Екатерины отмечали удивительное сочетание человеческих качеств в ее личности. В своих записках граф Сегюр⁷ пишет: «Она была величава пред народом, добра и даже

⁷ Граф Луи Филипп де Сегюр (1793–1830) был послом Франции при дворе Екатерины II.

*Дмитрий Левицкий. Портрет Екатерины II в виде законодательницы
в храме богини правосудия. Начало 1790-х годов.
Государственный Русский музей*

снисходительна в обществе, к ее важности всегда примешивалось добродушие, веселость ее всегда была прилична»⁸. Всё это находило свое отражение даже в парадных портретах императрицы.

Шведский художник Александр Рослин (1718–1793) написал портрет государыни в один из самых сложных периодов ее царствования — во время пугачевского восстания⁹. Образ получился статичным, торжественным, с легким ощущением усталости, но никак не устрашающим или грозным. Екатерина, как правило, не носила парики и до старости сохранила пышные волосы с редким пепельным оттенком. Глаза императрицы могли менять цвет в зависимости от ее настроения, были очень выразительные, темно-голубые; на лице — практически неизменная улыбка. Эти детали сохранил портрет Рослина, который копировали затем и Карл Людвиг Христинек, и Федор Рокотов, в еще большей степени «смягчившие» образ царицы; самой Екатерине эти портреты не нравились.

Не нравился ей и портрет работы Владимира Боровиковского (1757–1825), на котором императрица, с неизменной улыбкой на лице, прогуливается с любимой левреткой Земирой в Царскосельском парке, опираясь на трость¹⁰. Именно этот портрет¹¹ послужит для Пушкина основой для описания сцены встречи Марии Мироновой с императрицей: «Дама пристально на нее посмотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую» (VIII, 1; 371). За исключением некоторых деталей очевидно, что пушкинское описание императрицы построено на

⁸ Цит. по: Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков / сост. М. Рахматуллин. М., 1998. С. 157.

⁹ Екатерине этот портрет не нравился: она говорила, что здесь она похожа на шведскую кухарку.

¹⁰ В. Боровиковский писал портрет по памяти, поэтому сходство с внешностью императрицы на момент его создания относительное, хотя художник императрицу видел неоднократно. Для изображения самой фигуры ему позировала Мария Перекусихина, камер-юнгфрау, фаворитка и близкая подруга Екатерины.

¹¹ В пушкинское время была очень популярна гравюра Николая Уткина, выполненная с портрета В. Боровиковского; очевидно, она была знакома поэту.

*Александр Рослин. Портрет Екатерины II.
1770-е годы. Государственный Эрмитаж*

*Владимир Боровиковский. Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке.
1794 год. Государственный Русский музей*

абсолютно положительных, запечатленных в образе могущественной, но милостивой правительницы, чертах. Повесть «Капитанская дочка» — единственное пушкинское произведение, опубликованное в 1836 году¹², где облик императрицы, ее поступки вызывают не только симпатию — они восхищают.

Однако известно, что начиная с 1822 года отрицательная характеристика Екатерины II и ее правления в том или ином изложении постоянно присутствует у Пушкина. В небольших по объему «Заметках по русской истории XVIII века» («По смерти Петра I движение...») (XI, 14) большая часть посвящена критике екатерининского правления. Очевидно, что содержание заметок отвечает современным Пушкину настроениям, определенных приписываемой госпоже де Сталь фразой: «En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation» («Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой»)¹³. Несколько пушкинских цитат прямое тому подтверждение. Он так оценивает государственную деятельность государыни: «...Со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма... покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве» (XI, 16). Такие черты личности императрицы, как добросердечие, приветливость и душевность, Пушкиным оцениваются только как ухищрения властолюбия: «Если царствовать, — пишет он, — значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сём отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество» (XI, 15). В стихотворной сатире поэт так же беспощаден:

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
[С тех пор] мгла.

¹² Впервые повесть была опубликована без указания имени автора в 4-й книжке журнала «Современник».

¹³ *Вольтер Л.И.* А.С. Пушкин и госпожа де Сталь // Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 125–126.

Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

(II, 1; 341)

Отрицательную оценку личности Екатерины и ее государственного строительства не смогли поколебать ни образование, полученное Пушкиным в Царскосельском лицее, ни многотомный труд Н.М. Карамзина «История государства Российского»¹⁴, которым он восторгался, ни сочинение историка «Историческое похвальное слово Екатерине II» или «Собственноручные записки Екатерины II»¹⁵. «Записки» имели до 1859 года гриф особой секретности, но их копия была обнаружена в архиве поэта. Академик А.Н. Пыпин, руководивший изданием «Записок», пишет, что «...эта личная история Екатерины II... есть вместе с тем замечательное литературное произведение, блестящее умом и наблюдательностью»¹⁶. По этой же причине для Пушкина-историка данный текст представлял особый интерес, но он не изменил свое мнение о жизни и увлечениях Екатерины-самозванки, что отражают его дневниковые записи середины тридцатых годов XIX века¹⁷.

И вместе с тем в 1836 году в повести «Капитанская дочка» появляется образ Екатерины, который, как уже отмечалось, не только «списан» с созданного Владимиром Боровиковским образа «Екатерины в Царскосельском парке», но и соответствует тем произведениям, которые передают замечательные ее черты радетельной государыни. Следуя логике исторических событий Пугачевского бунта, Пушкин несколькими фразами повествования, рассказывающими о действиях императрицы во исполнение просьбы Марии Мироновой, создает образ правительницы, о которой будут вспоминать словами Н.М. Карамзина: «...Екатерина

¹⁴ Первая публикация знаменитого исторического труда состоялась в 1816 году.

¹⁵ В марте 1966 года в Пушкинский фонд Института русской литературы АН СССР из Центрального государственного архива древних актов в Москве была передана копия «Записок Екатерины II», принадлежавшая Пушкину, с его пометами.

¹⁶ Подробно в публикации: *Эйдельман Н.Я.* Мемуары Екатерины II — одна из раскрытых тайн самодержавия // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 149–160.

¹⁷ См., например, дневниковую запись А.С. Пушкина от 21 мая 1834 года (XII, 329–330).

бессмертна своими победами, мудрыми законами и благотельными учреждениями»¹⁸. И это не верноподданнический пафос, но исторический факт. В период правления Екатерины территория страны увеличилась на 11 губерний. Население выросло с 19 до 37,4 млн человек. Было построено 144 новых города, издано более 200 указов и актов. В битвах и морских баталиях было одержано 78 блестящих побед. Пушкинский гений из всего многообразия известных фактов (и при всей их противоречивости) выбирает в этом случае те, которые отвечают логике повествования и конкретному историческому событию¹⁹. И это подобно художественному методу успешного портретиста — передавать главное, исследуя детали и нюансы личности. Это главное и остается в истории — и историей проверяется.

¹⁸ Карамзин Н.М. Похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802.

¹⁹ См.: Тойбин И.М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976.

«А ПЕТР ВЕЛИКИЙ... ОДИН ЕСТЬ ЦЕЛАЯ ИСТОРИЯ!» ПЕТР I В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА

Фигура Петра I занимает особое место в сердце и творчестве А.С. Пушкина. Можно сказать, что его родословная берет свое начало с Петровской эпохи, с времени великих преобразований.

Уже во второй половине 1820-х годов поэт задумал заняться научной исторической прозой и подготовить труд, посвященный истории петровского времени. Это тем более примечательно, что мы узнаем А.С. Пушкина с другой стороны — как тонкого летописца-ученого, знатока архивов, мыслителя, социолога, философа и даже лингвиста. «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться»¹, — записал в своем дневнике А.Н. Вульф в сентябре 1827 года, вспоминая А.С. Пушкина.

В письмах поэта личность Петра I так или иначе сопровождала многие творческие замыслы. В феврале 1825 года А.С. Пушкин завершил свое послание брату Льву такими словами: «Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы»².

«Принялся за прозу», — писал А.С. Пушкин. Анненков заметил по этому поводу: «Он точно принялся за прозу, и это была первая проза, выражаясь его словами, которую представил он публике на другой год в форме *Мыслей и замечаний*, напечатанных в Северных цветах на 1828 год... В то же лето в начало осени 1827 года Пушкин написал уже большую часть повести *Арапа Петра Великого*, которая задумана была еще в 1826 году. Романом этим Пушкин положил основание простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался

¹ Вульф А.Н. Из «Дневника» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 416.

² Пушкин [А.С.] Письма / под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. Т. I. 1815–1825. М. ; Л., 1926. С. 117.

его достоянием и не имел подражателей»³. Приведем еще одну показательную цитату: «До Языкова вскоре дошел слух, что Пушкин в деревне «пишет историю Петра I и Александра I»⁴.

В конце июня 1831 года поэт в послании М.П. Погодину замечал: «Пишите «Петра»; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы один из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем. Жалею, что вы не разделались еще с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету»⁵.

Итак, в июле 1831 года А.С. Пушкин просит высочайшего дозволения «заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках». Разрешение было получено, и давнишняя мечта написать историю Петра I окрылила поэта в его поисках. 3 сентября 1831 года он поделился с П.В. Нащокиным радостной вестью: «У меня, слава богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, то есть дал мне жалования, и позволил рыгаться в архивах для составления «Истории Петра I». Дай Бог здравия царю»⁶.

В декабре 1831 года Н.М. Языков писал брату: «Пушкин только и говорит о Петре... Он много, дескать, собрал и еще соберет новых сведений для своей истории, открыл, сообразил, осветил и проч.»⁷

Интерес к эпохе Петра Великого и облику императора носил у А.С. Пушкина глубокий личный характер: он будто переживал судьбу своих предков, пытался разобраться в перипетиях исторических противоречий, найти то, что было скрыто от глаз его современников. Он даже заходил за рамки дозволенного. Как знать, какова была бы судьба его произведения, если бы А.С. Пушкин успел завершить и обработать текст.

Когда мы знакомимся с черновыми набросками «Истории Петра I», и сейчас поражает смелость поэта, его историческая правдивость, на-

³ *Пушкин [А.С.] Письма / под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. Т. II. 1826–1830. М. ; Л., 1928. С. 255.*

⁴ Там же. С. 255.

⁵ *Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. X. Письма 1831–1837 годов. М., 1978. С. 42.*

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Цит. по: *Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. VIII. М., 1977. С. 402* (здесь и далее примечания И.Л. Фейнберга).

учная дотошность, внимание к совсем не литературным деталям быта того времени. В самом начале «Очерка введения» он откровенно писал: «Россия разделена на воеводства, управляемые боярами. Бояре беспечные. Их дьяки алчные. Народ *taillable a merci et misericorde*»⁸. И чуть ниже: «Законы, более обычаи, нежели законы, — неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые etc»⁹.

В подготовительных материалах к этому сочинению встречаются и личные мотивы, вероятно, рассказанные А.С. Пушкину его двоюродным дедом, владельцем Петровского П.А. Ганнибалом, или другими родственниками. Эти исторические сюжеты говорят о вовлеченности поэта в исторический материал — он как бы видел себя в нем и был частью той эпохи: «За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдавая их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных за море, надели траур (синее платье) (Фамильное предание)»¹⁰.

Приведем еще несколько зарисовок Петра I из неоконченного произведения А.С. Пушкина: «Народ почитал Петра антихристом»¹¹; «Петр, получил от Апраксина слишком учтивое письмо... отвечает, что он сомневается, к нему ли оно написано; ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как к компании своей писать. В другом письме запрещает он ему слово величество»¹²; «Петр начал учиться грамоте 12 марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был Челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец к вдовствующей царице. Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображающими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также к царевичу: Лефорт и Тимерман, учили его геометрии и фортификации»¹³.

⁸ Там же. *Пушкин А.С.* История Петра I. Подготовительный текст // А.С. Пушкин. Собрание сочинений. Т. VIII. М., 1977. С. 8. Перевод с франц.: Облагаемый оброком по прихоти и произволу.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 18.

А.С. Пушкин извлекает из архивов не просто исторические сведения о времени Петра I, но обращает особое внимание на те источники, которые фиксировали взаимоотношения царя с окружением, внутренние распри, — показывали царя как живого человека с его нравом. Вот, например, такой эпизод в изображении А.С. Пушкина интересен:

«1684 г., июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью»¹⁴.

Ясно, что такое красочное, исторически правдивое описание жизни Петра I было невозможно без тщательного изучения А.С. Пушкиным подлинных документов и свидетельств современников. С начала 1832 года поэт стал часто посещать архивы. Нессельроде, в чье ведомство они входили, извещал Бенкендорфа: «Пушкин занимался... прочитыванием и деланием выписок из бумаг, касающихся до царствования императора Петра Великого, и из дел о бунтовщике Пугачеве; для чего отведена была ему особая комната. По мере прочитывания он возвращал даваемые ему бумаги...»¹⁵

12 января 1832 года Нессельроде запрашивал, «благоугодно ли будет» царю, чтобы Пушкину «открыты были все секретные бумаги времени императора Петра I», «как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии»¹⁶. Как писал И.Л. Фейнберг, «царь распорядился, чтобы подобные исторические документы выдавались Пушкину «по назначению», то есть под контролем Д.Н. Блудова, ведавшего секретными архивными делами, относившимися к скрываемым в то время событиям политической истории петровского и послепетровского времени»¹⁷.

Тогда же, 28 февраля 1832 года, А.С. Пушкин через Бенкендорфа просил о возможности ознакомиться с купленной Екатериной II библиотекой Вольтера. Ученый, исследовавший этот вопрос, отмечал: «Доступ

¹⁴ Пушкин А.С. История Петра I. Подготовительный текст. С. 24.

¹⁵ Цит. по: Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. VIII. М., 1977. С. 402.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

в библиотеку Вольтера в царствование Николая I был строго запрещен, но для Пушкина сделано было исключение...»¹⁸

Среди корреспондентов А.С. Пушкина, с которыми он делился соображениями о своем замысле, был и В.И. Даль. Он в воспоминаниях рассказал об особенностях работы А.С. Пушкина над «Историей Петра I»: «Не надобно, — заметил поэт, — торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься...»¹⁹

Мимоходом в письмах А.С. Пушкина этого времени мы встречаем немало сопутствующих сюжетов об окружавшей его обстановке, планах. Он делился личными радостями и сомнениями. Несколько раз упоминается имя жены поэта. Так, он заметил Н.В. Нащокину 25 февраля 1833 года: «Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения»²⁰.

В мае 1834 года А.С. Пушкин сообщал жене: «Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью памятник»²¹.

В письме П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1936 года поэт между прочим с гордостью говорил так о своем замысле: «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству... оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история!...»²²

А.С. Пушкин хорошо понимал, что еще не пришло время открыть всю правду о Петре. За неделю до смерти поэт в разговоре с П.А. Плетневым признавался, что «Историю Петра пока нельзя писать, то есть ее не позволят печатать»²³.

¹⁸ Цит. по: *Пушкин А.С. Собрание сочинений*. Т. VIII. М., 1977. С. 402.

¹⁹ Там же. С. 403.

²⁰ *Пушкин А.С. Собрание сочинений*. Т. X. Письма 1831–1837 годов. М., 1978. С. 112.

²¹ Цит. по: *Пушкин А.С. Собрание сочинений*. Т. VIII. М., 1977. С. 403.

²² *Пушкин А.С. Собрание сочинений*. Т. X. Письма 1831–1837 годов. М., 1978. С. 287.

²³ Цит. по: *Пушкин А.С. Собрание сочинений*. Т. VIII. М., 1977. С. 404.

И всё же грандиозный замысел А.С. Пушкина написать правдивое историческое сочинение о самом противоречивом периоде в жизни новой России, даже в тех набросках, какие мы имеем сейчас (более трехсот страниц чернового текста), — это результат кропотливого труда поэта по воссозданию реальной летописи государства. Его увлеченность, преданность идее, глубокое понимание своей миссии и прежде всего стремление к исторической правде останутся в памяти как замечательный образец гения А.С. Пушкина, вдохновенному таланту которого подвластно всё: и лирика, и повести, и драмы, и роман в стихах, и монументальная «История Петра I».

А.С. ПУШКИН И ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ ОБ «ОКНЕ РОССИИ В ЕВРОПУ»

Историзм А.С. Пушкина был тесно связан с его интересом к XVIII столетию и эпохе Петра Великого. Образ реформатора России и основателя новой столицы занимал в творчестве А.С. Пушкина особое место. В поэме «Медный всадник», вкладывая в уста самодержца ставшие крылатыми строки: «Отсель грозить мы будем шведу. Здесь будет город заложен / Назло надменному соседу. / Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно», — Пушкин указал источник своей метафоры, сделал ссылку на венецианского просветителя Франческо Альгаротти. В примечаниях он отметил: «Альгаротти где-то сказал: «Petersbourg est la fenêtré par laquelle la Russie regarde en Europe», поместив перевод с французского: «Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу»²⁴. Поэтически преобразованное Пушкиным сравнение Альгаротти стало метафорическим образом новой столицы Российской империи. Обратимся к источнику этой метафоры и некоторым особенностям историзма А.С. Пушкина.

То, что в руки Пушкина попало одно из самых интересных сочинений о России XVIII века венецианского просветителя Франческо Альгаротти, свидетельствует о его самом живом и глубоком интересе к этому периоду. И только благодаря А.С. Пушкину российским читателям известно имя загадочного Альгаротти. Кто же он?

Франческо Альгаротти (1712–1764) — венецианский просветитель, настоящий «человек мира», обладатель самых многогранных талантов: ученый, поэт, историк и художественный критик. Он стал первым в XVIII столетии венецианцем, посетившим новую столицу Российской империи и оставившим свои воспоминания. Альгаротти родился в Венеции в семье зажиточного торговца, но рано посвятил себя наукам: окончив Болонский университет, он подготовил по теме своей диссертации (по оптике света и цвета И. Ньютона) весьма популярное сочинение «Ньютонизм для дам», переведенное на все европейские языки. В 1734 году юный эрудит оправился в Париж, где о нем лестно отзывался Вольтер. А в 1736 году впервые посетил Лондон, где познакомился с российским

²⁴ Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 173, 184.

посланником — князем Антиохом Дмитриевичем Кантемиром, от которого узнал о российском самодержце и преобразователе Петре Великом (с ним, что важно подчеркнуть, Кантемир был знаком лично). По протекции князя Кантемира в 1739 году Альгаротти из Лондона отправился ко двору Анны Иоанновны в составе делегации, возглавляемой лордом Балтимором, по случаю бракосочетания племянницы императрицы Анны Леопольдовны с Антоном-Ульрихом Брауншвейгским.

«Путешествия в Россию» (*Viaggi di Russia*) в форме писем к воображаемым корреспондентам впервые были опубликованы в пятом томе восьмитомного собрания сочинений Альгаротти, подготовленного к печати издателем Марко Колтеллини в Ливорно в 1764 году, вскоре после кончины автора. Этой публикации предшествовали два анонимных издания 1760 и 1763 годов под титулом «*Saggio di lettere sopra la Russia*» («Очерк в письмах о России»). В 1769 году последовал первый перевод «Писем о России» на французский язык (местом издания названы Лондон и Париж)²⁵. Второе французское издание, исправленное и дополненное комментариями неназванного английского путешественника о современном состоянии империи, было издано в 1770 году.

Безграничная любознательность, пытливый ум и «всемирная отзывчивость» А.С. Пушкина, а также его исследовательский интерес к истории Петра и его наследию находят свое отражение в обширной личной библиотеке поэта. Неслучайно современники отмечали его глубокие знания и блестящий дар рассказчика. Историк А.И. Тургенев, который работал в парижских архивах по истории Петра, высоко ценил редкую эрудицию А.С. Пушкина: «...Сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные... Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он созрел для нее и знал и отыскал в известность многое, что другие не заметили»²⁶.

Несомненно, «Русские путешествия: письма о России» Альгаротти не могли не заинтересовать А.С. Пушкина, отражая его особый интерес к эпохе Петра I и в целом к «осмнадцатому веку». В его личной библиотеке раздел «Россики» — иностранной литературы о России —

²⁵ *Lettres du Comte Algarotti sur la Russie: traduites de l'italien*. London ; Paris, 1769.

²⁶ См.: Михайлова Н.И. Витийства грозный дар... А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М, 1999. С. 262.

был весьма значительным, особенно по отношению к эпохе Петра I²⁷. В частности, это были не только анонимные «Истории Петра Великого», изданные в Венеции, на родине Альгаротти, в самом демократичном книгоиздательском центре XVIII столетия, но и «Подлинные анекдоты об императоре Петре Великом, собранные Яковом Штелиным», много и плодотворно работавшим при российском дворе современником М.В. Ломоносова — еще одного героя пушкинских дум. Пушкин считал гений Ломоносова счастливым воплощением единства науки и поэзии, одинаково требующих вдохновения.

Пушкин-историограф — вероятно, далеко не исчерпанная тема исследования. Он, как настоящий ученый, много работал в архивах с подлинными документами в поисках источников и фактов для поэтического вымысла. Интерес к истории для Пушкина был тесно связан с осмыслением современности и ее истоков. Известны и его благоговение перед Н.М. Карамзиным и его «Историей государства Российского», и сделанные «для себя» заметки на полях — записи исторических анекдотов или преданий, и самая кропотливая работа в архивах: по истории петербургских наводнений или для трагедии «Борис Годунов» и для «Истории арапа Петра Великого» или «Истории Пугачева», для романов «Дубровский» и «Капитанская дочка», для поэм «Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник» и других произведений. Тем более, что одним из не осуществленных замыслов А.С. Пушкина была «История Петра Великого и его наследников до государя Петра III». Об этом замысле он упоминал в письме к А.Х. Бенкендорфу в июле 1831 года. Подчеркивая постоянный надзор и вынужденное бездействие, Пушкин писал: «Осмеливаюсь также просить дозволения заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках... Могу со временем исполнить мое давнишнее желание написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III»²⁸. Вскоре Бенкендорф сообщал вице-канцлеру Нессельроде о высочайшем повелении определить Пушкина в Государственную Коллегию иностранных дел с дозволением отыскивать в архивах материалы по истории Петра I²⁹. Спустя три года Пушкин был вынужден подать прошение об отставке

²⁷ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910.

²⁸ Пушкин. Документы Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его в 1831–1837 годов / сост. Н.А. Гастфрейнд. СПб., 1900. С. 21, 22.

²⁹ Там же. С. 17.

с просьбой сохранить за собой право работы в архивах для «Истории Петра», в чем ему было отказано. По совету В.А. Жуковского он отозвал прошение. Работа над «Историей Петра» продолжалась весной 1836 года, когда Пушкин приехал в Москву по издательским делам и для работы в архивах. Посетив архивы Министерства иностранных дел, Пушкин убедился, что работа с документами Петровской эпохи требует нескольких месяцев, но по настоянию жены вернулся в Петербург. Французский издатель и дипломат А. Леве-Веймар, посетивший семью поэта летом 1836 года, вспоминал, что Пушкин был увлечен «Историей Петра», делился своими архивными находками и беспокоился, как воспримет читатель образ Петра «таким, каким он был в первые годы его царствования, когда он с яростью приносил всё в жертву своей цели»³⁰.

М.Г. Талалай, переводчик, комментатор и автор первой полной публикации «Писем о России» Ф. Альгаротти на русском языке, выражая устоявшуюся точку зрения, сомневался, что А.С. Пушкин читал Альгаротти. По его мнению, он мог познакомиться со сравнением венецианского просветителя опосредованно — во французском издании «Общая панорама современной России» (1802), эпиграфом к которому была фраза Альгаротти. Но там эта фраза процитирована иначе, чем у А.С. Пушкина, поэтому нам представляется, что поэт работал с подлинником. Исследователи М.С. Неклюдова и А.Л. Осповат убедительно доказали, что Пушкин хорошо знал и читал Альгаротти³¹. Мы также придерживаемся этой точки зрения. Когда и каким образом в руки Пушкина попала книга Альгаротти, остается загадкой, хотя исследователи высказывали вполне убедительные версии. Возможно, разгадку хранят описи и каталоги библиотек, известных А.С. Пушкину. В каталоге личной библиотеки А.С. Пушкина, составленном Б.Л. Модзалевским (известно, что она дошла не полной), сочинений Альгаротти нет, вероятно, именно поэтому он дал не точную ссылку, не имея книги под рукой.

В своей статье, посвященной источниковедческому исследованию «Медного всадника», М.С. Неклюдова и А.Л. Осповат, сравнив разные издания «Писем о России» Альгаротти с примечанием поэта к «Медному всаднику» и обнаруженной пушкинской записью 1826–1827 годов

³⁰ Последний год жизни А.С. Пушкина / сост., вступ. очерки и примеч. В.В. Кунина. М., 1988. С. 160–166.

³¹ Неклюдова М.С., Осповат А.Л. Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 255–272.

этой фразы (правда, без указания автора) в рабочих тетрадях с четвертой и пятой главами «Евгения Онегина», предполагают, что А.С. Пушкин был знаком с лондонским изданием 1769 года³². Предположительно впервые экземпляр книги Альгаротти попал к поэту в Одессе в начале 1820-х годов из библиотеки М.С. Воронцова. Позднее, уже в начале 1830-х годов, в Москве, Пушкин вновь мог обратиться к этому изданию Альгаротти. Это могли быть книги из библиотеки И.И. Дмитриева или М.Ю. Виельгорского³³. Кроме того, в библиотеке поэта находилась переписка Вольтера с Фридрихом Великим, который в письме 1739 года писал о беседе с лордом Балтимором, утверждавшим: «Петербург — это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны; и если ее ослепить на этот глаз, она немедленно впадет в варварское состояние, из которого едва вышла!»³⁴ Вполне возможно, что метафора о глазе или окне России в Европу возникла в беседах путешествующих на яхте «Августа» в 1739 году, но сформулирована и записана на бумагу она была именно Альгаротти.

По нашему мнению, Пушкин читал французское издание «Писем о России», а именно так называемое лондонское издание 1769 года, наиболее часто встречавшееся в отечественных книжных собраниях. Как уже упоминалось выше, «Путешествия в Россию» Альгаротти были переведены на французский язык и изданы в Лондоне и Париже в 1769 году (*Lettres du Comte Algarotti sur la Russie*, London, Paris, 1769). Библиотеки М.С. Воронцова или И.И. Дмитриева — вероятно, не полный круг доступных поэту книжных собраний. Поэтому вопрос, где находится экземпляр или экземпляры книги Альгаротти, которую читал А.С. Пушкин, остается открытым.

Обратимся к тексту Альгаротти, ставшему источником для А.С. Пушкина. Повторим, что делегация во главе с лордом Балтимором морским путем, на судне «Августа», отправилась в Петербург в мае 1739 года. Первое письмо Альгаротти к его воображаемому корреспонденту лорду Харвею датировано 10 июня 1739 года. Важно отметить, что первая публикация писем в 1764 году совпала с трагической

³² Неклюдова М.С., *Основат А.Л.* Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику». С. 267. См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М. ; Л., 1935. С. 505–506.

³³ Неклюдова М.С., *Основат А.Л.* Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику». С. 264–268, 272.

³⁴ Цит. по: там же. С. 263.

гибелью Иоанна Антоновича, появившегося на свет после бракосочетания, на которое плыли приглашенные из Лондона. Примечательно, что А.С. Пушкин упоминает в *table-talk* о гороскопе, составленном математиком Эйлером наследнику по просьбе Анны Иоанновны; этот гороскоп так ужаснул составителей, что они предпочли подготовить новый для отправки в Россию, а первый был сохранен Эйлером и показан графу К. Разумовскому, когда судьба несчастного свершилась, с пометой «слыхал от Н.К. Загряжской»³⁵.

Итак, в четвертом письме от 30 июня 1739 года Альгаротти писал лорду Харвею: «Представь себе город, который как окнище, через которое Россия на севере смотрит в Европу»³⁶. Именно это сравнение с окном, а в подлиннике «окнищем», поэт преобразовал в ставшую крылатой фразу, вложенную в уста основателя города и преобразователя России: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно!» — характеризующую и новую столицу Российской империи на берегах Невы, и самого «нового Прометея». Так, Петр I был назван венецианцем, посетившим новорожденную столицу во времена, когда воспоминания о ее легендарном основоположнике были еще свежи.

Особого внимания также заслуживает следующее описание города на Неве, сделанное венецианцем: «После нескольких часов гребли, когда кругом не видно было ничего, кроме этого тихого и убогого леса, вот, наконец, показался изгиб реки, и почти как в опере, перед нами неожиданно открылась сцена имперского города. Помпезные постройки на том и другом берегу реки, стоящие группами, башни с золочеными шпилями, там и сям пирамидально возвышающиеся, корабли с мачтами и реющими вымпелами, выделяющиеся на фоне строений и вычлняющие массы из общей картины. Вот — Адмиралтейство, говорят нам, и Арсенал, вот — цитадель, там — Академия, с этой стороны — зимний дворец Царицы»³⁷.

Важно отметить, что венецианец использует в своем описании «театральную оптику», сравнивая появление имперской столицы со сменой театральных декораций в опере — одним из самых популярных видов музыкального театра XVIII столетия.

³⁵ Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 425, 426.

³⁶ Альгаротти Ф. Русские путешествия: Письма о России / пер. с ит., сост., коммент. М.Г. Талалая. СПб., 2006. С. 69.

³⁷ Там же. С. 71.

Увлечение А.С. Пушкина театром также хорошо известно. Л. Гроссман посвятил этому предмету замечательную книгу «Пушкин в театральных креслах», где мы следуем за А.С. Пушкиным и на балеты Ш. Дидло с прекрасными Е. Колосовой и Е. Телешовой, и на оперы любимца эпохи Дж. Россини. Вероятно, поэтический историзм А.С. Пушкина оказался очень созвучен театральному искусству, особенно оперному театру. Не случайно на протяжении всего XIX века и в начале XX века сочинения А.С. Пушкина перекладывали на музыку крупнейшие отечественные композиторы (напомним оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», М.П. Мусоргского «Борис Годунов», а также оперы Н.А. Римского-Корсакова по сказкам Пушкина — «Сказка о царе Салтане» и «Золотой петушок»).

Примечательно, что в описи личной библиотеки поэта также указаны сочинения самого А.Д. Кантемира, по всей видимости, очень интересовавшего А.С. Пушкина. Весьма вероятно, что Альгаротти попал в поле зрения поэта именно в связи с А.Д. Кантемиром, дипломатом, переводчиком и поэтом, семья которого входила в близкий к самодержцу круг.

Без сомнения, образ реформатора России интересовал многих современников, таких как сам Альгаротти. Побывавший в России и много знавший о Петре I венецианский просветитель по восшествии на престол дочери Петра Елизаветы Петровны поддерживал тесные связи с вице-канцлером императрицы графом М.И. Воронцовым, который был единственным российским частным заказчиком знаменитого венецианского художника Дж.Б. Тьеполо. Для нового дворца Воронцова художнику, надо полагать, не без участия Альгаротти, были заказаны плафоны на аллегорические темы: «Добродетель самодержцев», «Триумф Геркулеса» и «Триумф Венеры», посвященные, скорее всего, не кому иному, как самим Петру Великому и его дочери Елизавете Петровне. По мнению И.С. Артемьевой, автором программы и инвенций к сюжетам мог быть М.В. Ломоносов³⁸. По выполненным и отосланным в Петербург в 1759 году трем плафонам сыновьями художника были исполнены гравюры, единственные свидетельства о, вероятно, не сохранившихся произведениях Дж.Б. Тьеполо.

³⁸ *Артемьева И.С.* Плафоны Тьеполо для дворца канцлера Воронцова в Петербурге // Тьеполо и итальянская живопись XVIII века в контексте европейской культуры: тезисы докладов. СПб., 1996. С. 7; *Artemieva I.* I soffitti dei Tiepolo eseguiti per la Russia // *Arte Veneta*. 1997. № 50. P. 87.

Альгаротти при участии М.И. Воронцова и Ф.Б. Растрелли также содействовал государственному заказу художнику Тьеполо — он должен был исполнить плафоны для Зимнего дворца и дворцовой церкви для императрицы Елизаветы Петровны. Тьеполо активно участвовал в переговорах по заказам для Московии, но по финансовым соображениям Канцелярия предпочла отказаться от услуг Тьеполо, и заказ не состоялся³⁹.

Таким образом, сочинение венецианца Альгаротти и его биография оказываются весьма значимым источником, который, повторяя слова А.И. Тургенева, был «отыскан в известность» А.С. Пушкиным, «как никто другой судившим о русской новейшей истории».

Образ Петра I, без преувеличения, — один из центральных в творчестве А.С. Пушкина, глубоко изучавшего своего героя и напряженно работавшего над своей неосуществленной «Историей Петра Великого и его наследников до государя Петра III», — сближает поэта с венецианским просветителем XVIII века. Надеемся, что нам удалось отметить венецианский след в петербургской повести «Медный всадник» и в «исторических изысканиях» А.С. Пушкина, посвященных Петру I.

³⁹ См.: *Андросов С.О.* Михаил Воронцов и Джамбаттиста Тьеполо // С.О. Андросов. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII веке. СПб., 2003. С. 155–182.

**ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА,
НАШЕДШИЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА
«ДУБРОВСКИЙ»**

Повесть А.С. Пушкина «Дубровский» была написана в 1832 году, а издана в 1941-м. В основу сюжета лег реальный случай, который поведал Пушкину его приятель П.В. Нащокин, — про одного белорусского бедного дворянина по фамилии Островский (так и назывался сначала роман, известный нам под названием «Дубровский»), который вел процесс со своим соседом за землю, но был вытеснен из родового имения и, оставшись со своими крестьянами, стал грабить поначалу не очень богатых подьячих, а позже и тех, кто побогаче. За разбой и грабежи он был посажен в острог, где и скончался. Но у литературного «аналога», т. е. у главного героя повести Владимира Дубровского, судьба сложилась более благополучно: он прекратил разбойничать, распустил свою шайку, а сам же, вероятно, скрылся за границей.

Существует и другая версия развития событий, которые легли в основу сюжета повести «Дубровский», представляющая более вероятной. Павел Островский владел небольшим селом в Минской губернии. Во времена войны 1812 года документы на владение имением сгорели. Богатый сосед молодого Островского воспользовался этим, отнял у юноши родной дом. Крестьяне Островского подняли бунт, отказавшись подчиниться новому хозяину, и предпочли разбойничать. По слухам, юный дворянин сначала подался в учителя, а потом примкнул к своим бывшим подданным. За разбой его арестовали, но Павел сумел сбежать из-под стражи и скрыться.

Пушкин, создавая образ Владимира Дубровского, добавил и личные впечатления о жизни и схожей ситуации нижегородских помещиков — Муратова и... Дубровского. Имение Новоспасское, принадлежавшее семье Муратова в течение семидесяти лет, было признано собственностью подполковника Крюкова, отец которого ранее продал его отцу Муратова. Такое решение суд принял, основываясь на том, что никаких бумаг, доказывающих его законное право владения имением, обвиняемый предоставить не смог, так как они были утеряны

при пожаре, а обжалование приговора со стороны Муратова так и не поступило. Судебный процесс длился в течение многих лет и решился в пользу влиятельного истца Крюкова. А.С. Пушкин заметно сократил продолжительность тяжбы между Дубровским и Троекуровым — она длилась не более года.

Название Кистеневка не вымышленное — так называлась одна из деревень, соседствующих с Болдином и входящих во владение Пушкиных. Но действие повести Пушкина происходит не там. Болдино находится на территории Ардатовского уезда Нижегородской губернии, а рядом с местом действия повести «Дубровский» протекает Волга, и это дает основание полагать, что действие происходит на территории Тверской губернии. Но в черновиках Пушкина, в частности, названо и конкретное место событий — Козловский уезд Тамбовской губернии. Именно там произошла еще одна реальная история, которая также нашла отражение в повести: полковник Крюков выиграл судебное дело о принадлежности имения у своего соседа поручика Мартынова.

Судебные тяжбы с подобными исходами происходили неоднократно. По всей России у небогатых помещиков отбирали имения более состоятельные дворяне. Вопиющая несправедливость суда в подобной ситуации возмущала Пушкина, он решился описать похожую ситуацию с максимально тонкими деталями. Среди жертв именитых и беспринципных соседей-аристократов был и помещик Дубровский.

Можно сказать, что образ Владимира Дубровского был собирательным. То же самое можно сказать и о самом сюжете повести. История, составившая его, из ряда вон выходящей не была. Причиной этому являются недостатки судебной системы, которая была создана еще Петром I, но существенных изменений с его времени не претерпела. Судебной системе России первой половины XIX века были присущи многие недостатки, из которых главные — отсутствие открытости и гласности суда. Кроме того, несовершенной была правовая база, касающаяся имущественного права. В допетровскую эпоху распространенными предметами споров были границы владений помещиков, но законодательство о межевании к XIX веку уже было развито. Вопрос о правах собственности на недвижимое имущество продолжал оставаться проблемным, и эпизоды, ставшие основой повести А.С. Пушкина «Дубровский», свидетельствуют о том, что проблема рейдерства была характерна и для XIX века.

Рассмотрим события, предшествующие началу тяжбы между отцом Владимира Дубровского Андреем Гавриловичем и соседом Кирилой Петровичем Троекуровым:

«— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение, — как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына, и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться.

— Мудрено, ваше высокопревосходительство, вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! чего ж вам лучше? — в таком случае извольте действовать по закону, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу...» (VIII, 1; 166)

Кто такой Шабашкин?

При императоре Александре I в судебной системе начался процесс возврата к организационным принципам, заложенным еще Екатериной II и уничтоженным Павлом I. Первые шаги были направлены на реорганизацию местной юстиции. В сентябре 1801 года были восстановлены палаты гражданского и уголовного суда в том виде, в каком они существовали до 1796 года. Как следует из содержания повести А.С. Пушкина «Дубровский», дело Троекурова и Дубровского рассматривалось в уездном суде, дело же рассматривал земский судья. Уездные суды также были созданы при Екатерине II и восстановлены после правления Павла I Александром II. Новацией стало включение в их состав выборных заседателей от дворянства, благодаря чему предполагалось усилить роль общества в осуществлении правосудия. Шабашкин и был таким заседателем. Уездный судья, вероятнее всего, представлял

Нижний уездный суд (до 1837 года земский суд делился на Верхний и Нижний).

Какие указы мог иметь в виду Кирила Петрович?

Возможно, речь шла об указе Петра I о форме суда 1723 года. В тексте этого документа, в частности, говорилось: «Понеже о форме суда многия указы прежде были сочинены, из которых ныне собрано, и как судить надлежит, тому форма яснее изображена, по которой во всяких делах, какого б оные звания ни были, исполнять должно, а не по старым о том указом, ибо в судах много дают лишняго говорить, и много ненадобного пишут, что весьма запрещается, и не надлежит различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск, но токмо один суд...»

Иначе говоря, основная суть этого указа состоит в разделении суда и следствия. И при подаче прошения об иске процедура досудебной проверки не должна проводиться и исковое прошение рассматривается безусловно. После Петра I никаких новых указов, касающихся организации судопроизводства, не издавалось, т. е. данный указ Петра I оставался в силе.

Рассмотрим определение суда, приведенное в тексте повести. Из его текста мы знаем, что Кистеневка изначально была куплена отцом Кирилы Петровича Троекурова у канцеляриста Спицына, а у него самого ее купил отец Андрея Гавриловича Дубровского. При этом купчая крепость на покупку Кистеневки отцом Троекурова у Спицына сохранилась, но на покупку отцом Андрея Дубровского у отца Кирилы Петровича — не сохранилась. При этом сохранилась доверенность, оформленная отцом Андрея Дубровского на титулярного советника Григория Соболева, но не имеющая юридической силы, так как доверитель, т. е. отец Андрея Гавриловича Дубровского, умер. В тексте определения суда содержится также упоминание главы 19 Генерального Регламента¹, составленного еще Петром I. Согласно Генеральному Регламенту, к данной доверенности должна быть приложена подлинная купчая крепость или доказательство того, что она была составлена. Но Андрей Гаврилович Дубровский не мог знать, была ли составлена купчая крепость, равно как и когда и где она могла быть составлена, так как в год совершения сделки был малолетним. По существовавшему в то время в императорской России законодательству купчая крепость должна быть обязательно составлена в день совершения купли-продажи имущества в том случае,

¹ *Лебедев В.И.* Реформы Петра I: сборник документов. М., 1937. С. 119.

если покупатель уплатил продавцу не всю сумму сразу. Согласно тексту определения суда отец Андрея Гавриловича Дубровского уплатил отцу Кирилы Петровича Троекурова всю сумму сразу, поэтому последний не стал настаивать на немедленном составлении купчей крепости. Из текста определения суда следует, что пожар в Кистеневке действительно был. Тем не менее доверенность уцелела.

Андрей Гаврилович Дубровский был уверен в своей правоте, так как Кистеневка ему досталась по наследству. В своде законов Российской империи говорится, что завещание должно быть написано в месте пребывания завещателя и представлено в Гражданской палате². Неизвестно, сохранился ли у него текст завещания. Но если он и не сохранился, в Гражданской палате соответствующая запись была сделана. Проблема состоит в том, что за давностью ее было бы затруднительно найти, так как возникла бы необходимость обращаться в архив.

Следует отметить, что купчая крепость составляется в двух экземплярах — для продавца и покупателя. Поэтому, если купчая крепость была составлена, она должна была сохраниться у Кирилы Петровича Троекурова. Разумеется, если купчая крепость существовала, последний этот факт скрыл. Процедура проверки судом факта ее существования не была предусмотрена. В тексте повести А.С. Пушкина «Дубровский» сказано, что Шабашкин страшал и подкупал судей. Вероятно, он добивался того, чтобы судьи не проявляли инициативу и не проводили проверку сами. Основанием к такой проверке могла бы быть подача Андреем Гавриловичем Дубровским апелляции, чего он не сделал.

Но каковы были бы его шансы, если бы он подал на апелляцию? В то время апелляционные дела рассматривал Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. Это значит, что бумага об апелляции должна быть отправлена в Петербург. И поэтому длительного времени потребовало бы ожидание любого решения, как положительного, так и отрицательного.

Законодательством Российской империи было предусмотрено восстановление купчей крепости³, но для этого должны быть представлены доказательства не только утраты оригинала купчей, но и самого факта, что она была составлена. Как было упомянуто выше, ни в том, ни в другом Андрей Гаврилович Дубровский удостовериться не мог. При этом

² Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские.

³ Там же.

купчая крепость не является единственным документом, доказывающим законность владения недвижимым имуществом. Доказательством может являться также выписка из книги актовых записей. Но для того, чтобы сделать такую выписку, необходимо знать хотя бы год совершения сделки — в противном случае процедура будет длительной. Сделки совершаются в палате гражданского суда — уездного или земского. Но, как следует из содержания определения суда, Дубровские владели Кистеневкой 70 лет. Следовательно, книга актовых записей, где отражен акт сделки, была передана в архив. Чтобы найти в нем соответствующую выписку, также потребовалось бы время, даже если архив в уездном городе есть.

Положение Андрея Гавриловича Дубровского осложняло и то, что в то время не существовало адвокатов. О необходимости введения адвокатской службы говорил еще князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844), когда он находился в должности московского генерал-губернатора. Эту должность он исполнял с 1819 года до самой смерти. Н.М. Колмаков в своих воспоминаниях⁴ приводит его рассказ. Князь Дмитрий Владимирович Голицын рассказывал, что после его назначения на должность московского генерал-губернатора ему были доставлены на утверждение протоколы местной уголовной палаты. В этих протоколах определялась торговая казнь через палачей на площадях. Согласно законодательству того времени, протоколы должны были приводиться в исполнение только после утверждения их генерал-губернатором. Князь Дмитрий Владимирович Голицын отказался подписывать эти протоколы и, когда был вызван для объяснений к императору Александру I, объяснил свое решение тем, что наделен административной властью, но не судебной, и потому не может подписать протоколы, не будучи уверенным в правильности решения судебной палаты. Государь на это возразил, что для суждения о правильности решения в подчинении генерал-губернатора есть прокуроры и стряпчие. Князь Дмитрий Владимирович Голицын, в свою очередь, в ответ на это возразил, что прокуроры и стряпчие — это преследователи, но нужны защитники, т. е. адвокаты. Государь в ответ заявил князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, что он долго жил во Франции и, «кажется, еще во время революции» (хотя именно в это время он вместе с семьей, напротив,

⁴ Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. 1886. Т. LI–LII. Вып. 9–12. С. 534–536.

покинул Францию), и добавил, что именно адвокаты и погубили Францию и пока он находится у власти, в России адвокатов не будет. В привычном понимании их не было и в царствование императора Николая I. В то время в обиходе не было термина «адвокат», и служащих, выполнявших их функции, называли присяжными стряпчими. Они существовали в западных губерниях (территория Белоруссии и Литвы), в Юго-Западном крае (Украина) и в Остзейских (Прибалтийских) землях. Институт присяжных стряпчих был создан по указу императора Николая I от 14 мая 1832 года. На основании этого указа было введено Высочайше утвержденное Учреждение коммерческих судов и устав их судопроизводства.

Существенные изменения в судебной системе Российской империи произошли только в царствование императора Александра II. В сентябре 1862 года на заседании Государственного Совета были одобрены подготовленные правоведами «Главные, основные начала» судебной реформы. Они стали своего рода ее концепцией, утвержденной императором. Из подготовленных комиссией «Основных положений преобразования судебной части в России» основными принципами судебной реформы, которые были закреплены в них, С.И. Зарудный считал:

- 1) отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной, а в гражданском судопроизводстве — судебной от обвинительной;
- 2) принцип гласности;
- 3) несменяемость судей;
- 4) устройство самостоятельной мировой юстиции для дел маловажных отдельно от общих судов;
- 5) устройство прокурорского надзора;
- 6) введение присяжных поверенных и их советов;
- 7) учреждение присяжных заседателей;
- 8) отмену в уголовном судопроизводстве теории формальных доказательств;
- 9) учреждение кассационного суда;
- 10) создание нотариата. В течение 11 месяцев были составлены Судебные уставы, утвержденные императором 20 ноября 1864 года⁵.

В контексте проблемы, затронутой в повести А.С. Пушкина «Дубровский», важным пунктом является принцип гласности суда. Вновь

⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971. С. 934.

было введено судоговорение (оно было отменено в ходе судебной реформы Екатерины II 1765 года, когда все дела велись только письменно). Важным пунктом была и организация мировых судов. Разрешение имущественных споров находилось именно в их компетенции. И, говоря о проблеме тяжбы Кирилы Петровича Троекурова и Андрея Гавриловича Дубровского, важнейшим пунктом судебной реформы Александра II стало учреждение нотариата. Отсутствие этого института значительно осложнило позиции Андрея Гавриловича Дубровского. Когда не существовало нотариальных контор и нотариусов, такие документы, как купчие крепости, грамоты о наследстве и прочие, составлялись в Палате суда и расправы. В нотариальной конторе восстановить утраченную купчую крепость было бы легче, а заседателю Шабашкину было бы труднее проводить махинации, так как факт наличия или отсутствия купчей крепости можно было бы установить быстрее.

Важным пунктом было и введение присяжных поверенных и их советов, что положило начало появлению адвокатуры в России повсеместно. Идеологом ее учреждения в России стал Константин Петрович Победоносцев. Начальник II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (которое ведало составлением законов) граф Д.Н. Блудов 8 сентября 1858 года подал императору Александру II доклад «Об установлении присяжных стряпчих». По итогам Комиссии Д.Н. Блудова император Александр II утвердил «Основные положения преобразования судебной части в России». В этом документе был определен правовой статус адвокатов, которые рассматривались не как государственные служащие, а как «установленные в государственных интересах представители свободной профессии».

Цель судебной реформы формулировалась следующим образом: суд должен быть скорым и правым. Таким образом, был сделан существенный шаг по интеграции России в Европу.

Валерий Мокиенко, Константин Сидоренко

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ
РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
К 200-летию начала работы А.С. Пушкина над романом

Александр Сергеевич Пушкин, как известно, для каждого русского имеет особую притягательную силу, с возрастом и накоплением жизненного опыта лишь растущую. Ребенка захватывает волшебство пушкинских сказок, юношу — упоение его любовной лирикой, старца — диалектическая мудрость его жизненной философии. В каком-то смысле книги поэта в России воспринимаются как Божье откровение, пророческое провиденье, заменяя — особенно в периоды жестких запретов на религию — Священное Писание. И — да не покажется верующим такая мысль богохульственной — к книгам А.С. Пушкина можно отнести его же слова, сказанные им по поводу Библии за год до кончины, в статье-отклике «Об обязанностях человека», впервые опубликованной в третьем томе «Современника» (1836): «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *половицею народов...*» (XII, 99).

В творчестве А.С. Пушкина также всё, казалось бы, уже истолковано, проповедано, заучено наизусть и вошло в поговорку. И тем не менее и читатели, и интерпретаторы продолжают искать и находить в нем новые и новые источники мудрости и душевного освежения. И к такому поиску побуждает значимый юбилей 2023 года — 200-летие «энциклопедии русской жизни», романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Именно в 1823 году поэт начал писать свой роман, а завершил его в 1831 году. Публиковалась книга по частям с февраля 1825 по январь 1832 года, а первое полное издание увидело свет в марте 1833-го. Выхода каждой из восьми глав романа современники А.С. Пушкина ожидали с нетерпением, как очередного поэтического вдохновения автора.

С тех пор любовь читателей к «Евгению Онегину» росла, захватывая всё новые пространства и поражая масштабностью изданий. Современ-

менной статистики книготорговли пока, к сожалению, привести нет возможности, но к 175-летию со дня рождения поэта Всесоюзная книжная палата сообщала, что этот роман издавался в советский период 114 раз общим тиражом в 9 миллионов 842 тысячи экземпляров на 26 языках¹.

Феномен Пушкина многие пытались и пытаются объяснить исключительно «русским духом», глубинной народностью его творчества. Опровергнуть это объяснение невозможно, как невозможно оспорить, что причина его бессмертия — поэтический гений. Есть, однако, еще нечто, объясняющее феномен нашего поэта в России. А.С. Пушкин в литературе и языке, подобно Петру Первому в политике, соединил Россию с Европой. Европа со времен А.С. Пушкина, конечно, изменилась, но для нас, русских, она сохранена в его произведениях, и мы часто воспринимаем современную Европу в ореоле пушкинских крылатых слов и выражений. Как воспринимаем, между прочим, и традиционную матушку-Русь пушкинской эпохи, повторяя хрестоматийные фразы нашего поэта.

Двойная ипостась А.С. Пушкина — русская европейскость и европейская русскость — не только многое объясняет в судьбе творчества поэта, но и отражается на всех аспектах этого творчества. Влияние его поэтического и идейного наследия на формирование «русской души» несравнимо ни с чьим более. Многие исследователи этого пушкинского наследия, особенно в известных энциклопедических комментариях Ю.М. Лотмана и В.В. Набокова, раскрыли тайны этого творческого процесса. Поразителен след, который оставил великий поэт в виде крылатых слов и выражений, запечатлевших муки его языкотворчества.

Цитировать А.С. Пушкина начали уже тогда, когда в печати и в списках появились его первые произведения. В разговорах и частных письмах, журнальных обзорах и рецензиях присутствует живое слово поэта. Несколько позже его, явно или скрыто, стали цитировать писатели. Со временем А.С. Пушкин стал наиболее часто упоминаемым автором, а выражения из его произведений становятся объектом словарного описания. Они вошли как в корпус русской фразеологии и афористики общего типа, так и в состав специализированной крылатологической «Пушкинианы»². В проектируемом словаре мы попытались максимально полно охватить это наследие лексикографическими средствами,

¹ Русская речь. 1974. № 3. С. 144.

² Мокшенок В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. ; М., 2005.

используя материалы как нашей многолетней картотеки, так возможности Национального корпуса русского языка. В результате было описано более 3 000 цитат и около 10 000 иллюстративных примеров из художественной, публицистической и научно-популярной литературы, в которых творчество поэта было спроецировано на почти двухсотлетнее полотно русского художественного языка.

Центральное место на этом полотне, как известно, занимает роман в стихах «Евгений Онегин». К его 200-летию мы предлагаем проект словаря-справочника «Мой дядя самых честных правил» (крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»). Это специализированный филологический словарь одного, на зато самого знаменитого произведения великого поэта. Цель этого словаря — продемонстрировать крылатые слова пушкинского романа в стихах в максимально полном объеме и текстовой динамике. Объем конкретных словарных статей, их иллюстративный материал и система описания показывают как активность и частотность употребления, так и степень включенности пушкинизма в систему крылатых единиц русского литературного языка.

В словаре — более 1 000 словарных статей (включая отсылочные), что является максимально полным собранием интертекстуальных единиц, источник которых — «энциклопедия русской жизни», созданная А.С. Пушкиным. Такой словарный максимализм соответствует одному из главных принципов школы профессора Б.А. Ларина — принципу лексикографической полноты, когда объектом описания становятся как центр, так и периферия, а каждая деталь характеризуемой языковой единицы описывается во всех возможных аспектах и семантических нюансах.

Разумеется, что за два столетия восприятие читателями романа «Евгений Онегин» не оставалось неизменным. И концептная канва, и оценка описываемых в нем ситуаций, и языковая плоть текста менялись, кое-что переосмысливалось, кое-что теряло актуальность. Не оставался неизменным и сам набор крылатых слов и выражений, порожденный романом в стихах, расширялся и их вариантный диапазон. И тем не менее, несмотря на все подобные двухсотлетние мутации, в течение всего этого длительного времени существовала и по-прежнему существует преемственность и постоянство в обращении к пушкинскому слову и в отношении к нему.

Представленный в Словаре материал довольно разнороден. В словарь включены и фразеологизированные единицы, и афоризмы, и сентен-

ции, обретшие благодаря пушкинскому употреблению статус пословиц, и цитаты (прямые и скрытые, точные и измененные), и реминисценции, аллюзии на исходные тексты, и отдельные слова, приобретшие «крылатость», и межтекстовый параллелизм и переклички, а также — разного рода модификации, шуточные подражания, пародирование и т. п.

Основные типы крылатых выражений из романа «Евгений Онегин», обогативших русский литературный язык, таковы:

- цитаты описательно-бытового характера: *В тот год осенняя погода стояла долго на дворе; И так, я жил тогда в Одессе; В окно смотрел и мух давил; И за столом у них гостям носили блюда по чинам; Она езжала по работам, солила на зиму грибы; Перед избушкой две рябины; Приближалась довольно скучная пора; С кувшином охтинка спешит; Шипел вечерний самовар; теперь мила мне балалайка да пьяный топот трепака* и др.

- цитаты поэтического характера: *А счастье было так возможно, так близко!; Москва... как много в этом звуке для сердца русского слылось; Сойду в таинственную сень; Там соловей, весны любовник, всю ночь поет; цветет шиповник* и др.

- афоризмы: *Блажен, кто смолоду был молод; Любви все возрасты покорны; Обычай деспот меж людей; Привычка свыше нам дана: замена счастью она* и др.

- обороты перифрастического (описательного) характера: *Наука страсти нежной; Охота к перемене мест; Сатиры смелый властелин; Сын египетской земли* и др.

Перечень классификационных позиций можно было бы без труда продолжить. При этом нельзя не подчеркнуть условности подобного распределения: подвижность границ между этими группами совершенно очевидна.

Как и в наших словарях, посвященных крылатым выражениям из художественного наследия А.С. Пушкина, И.А. Крылова и И. Ильфа и Е. Петрова, в проектируемом словаре мы уделяли особое внимание подбору иллюстративного контекстного материала, следуя принципам ленинградской/петербургской лексикографической школы, — в частности, знаменитому «практическому требованию» Л.В. Щербы к составителям словарей из «Опыта общей теории лексикографии»: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров».

Не случайно, как кажется, в этой рекомендации Л.В. Щербы употреблено крылатое пушкинское выражение. В наши же дни участки

употребления пушкинского слова значительно расширились и мы, составители Словаря, были обязаны обращаться ко всем из них — публицистике, художественной литературе, эпистолярному творчеству, научной и научно-популярной литературе, а в некоторых случаях — к либретто оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин», популярность которой не увядает. В XXI веке контекстная активность перемещается и в пространство Интернета, где встречаются реакции на тему, заголовки сообщений, вопросно-ответные чаты и т. п. В Словаре, в меру контекстной целесообразности, используются и такие актуальные материалы.

Текст пушкинского романа в стихах реагирует на огромное количество обсуждаемых вопросов, ситуаций, тем. При этом особо выделяются единицы, имеющие высокую частотность, обычно узнаваемые и воспроизводимые в разных контекстах: *Наука страсти нежной, Волна и камень, Мы все учились понемногу, Любви все возрасты покорны, Гусей крикливых караван, Кудри черные до плеч, Сливки мальчик подавал, Мечтам и годам нет возврата, Морозной пылью серебрится его бровь-вый воротник, Москва... как много в этом звуке, Мы все глядим в Наполеоны, Охота к перемене мест.*

Многие же выражения относятся к относительно редким, но, как правило, не уникальным: *Вид в окно сквозь сумрак синий, Вздыхать о сумрачной России, Волкан Неаполя пылал, Выходит на дорогу волк, Гребенки, пилочки стальные, Дитя расчета и отваги, И первым снегом с кровли бани умыть лицо, плеча и грудь, Лепажка стволы роковые, На красных лапках гусь тяжелый, Назло правописанью, Он сердцем милый был невежда, Идет меж кресел по ногам, Перед избушкой две рябины, По чашкам темною струею уже душистый чай бежал, Полужуравль и полукот, Роптанье вечное души, Светил небесных дивный хор, Себе присвоить ум чуждой, Сердись иль пей* и многие другие.

Представленные интертекстовые единицы не всегда позволяли воплотить жесткие, стандартные принципы обработки в силу своего разнообразия, различной степени устойчивости, структурно-семантической нечеткости, проблемности выделения и паспортизации. Традиционные дефиниции часто не могли быть полезны и возможны, поэтому и подход к материалу оказался разноплановым. Афоризм, развернутое высказывание, цитата в живой речи может «рассыпаться», отдельное слово в этом случае получает автономный статус, что давало возможность вводить его как вокабулу (заголовок) словарной статьи, представляющую интертекстовую единицу. Обычно заголовок словарной статьи был

соотнесен с исходной грамматической формой, а если мы нарушали подобный педантизм, то ставился знак звездочка (*), например:

*ДРОВНИ

Евгений Онегин, 5, II

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,

На дровнях обновляет путь...

В свободном пересказе строфы.

Слишком уж всё было похоже. «В ТУЛУПЕ, В КРАСНОМ КУШАЧКЕ» — это Андрюша, а «КРЕСТЬЯНИН ТОРЖЕСТВУЯ» — это дворник, а ДРОВНИ — это дрова, А МАТЬ — наша МАТЬ, когда мы, поджидая няню на прогулку к Памятник-Пушкину, едим снег или лижем лед (М. Цветаева. Мой Пушкин).

См. А МАТЬ ГРОЗИТ ЕМУ В ОКНО

См. В ТУЛУПЕ, В КРАСНОМ КУШАКЕ

См. КРЕСТЬЯНИН, ТОРЖЕСТВУЯ

Пушкинское слово часто употребляется в измененном виде, однако «эффект узнавания» определяет его жизнь и энергию трансформации. Такие изменения соответствуют всем основным типам индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов в художественных текстах, особенно — в языке поэзии³ и как таковые подвергаются детализированному описанию в нашем словаре. Особое внимание уделяется случаям креативного обыгрывания пушкинизмов. Так, в статье КРЕСТЬЯНИН, ТОРЖЕСТВУЯ, ссылка на которую дана выше, приводится подобное обыгрывание этого хрестоматийного выражения И. Бродским:

Знаешь, когда ЗИМА тревожит бор Красноносом,
когда ТОРЖЕСТВО КРЕСТЬЯНИНА под вопросом,
сказуемое, ведомое подлежащим,
уходит в прошедшее время,
жертвует настоящим...

(И. Бродский. «Помнишь свалку вещей на железном стуле...»)

³ Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI веков. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под науч. ред. В.М. Мокиенко. Кострома, 2016.

Нередко многие преобразования имеют комплексный характер и объединяют в себе несколько типов индивидуально-авторских изменений, что и демонстрируется в соответствующих словарных статьях.

Структура словарных статей опирается на оправдавший себя лексикографический опыт составления упомянутых выше наших словарей крылатых слов:

1. Заголовок (слово, словосочетание, предложение).

2. Пушкинский контекст. Если заголовок словарной статьи самодостаточен или повторяется в составе иллюстрации, развернутый контекст не дается.

3. Краткий комментарий к заголовку (в отдельных случаях).

4. Толкование, которое является наиболее сложной и проблемной части словарной статьи, поскольку содержание крылатого выражения в каждом случае настолько оригинально и специфично, что выработанные в лексикографии приемы обычно здесь не подходят. Поэтому определения нередко имеют характер комментария к той ситуации, в которой само выражение и употреблялось.

5. Крылатые выражения в иллюстративных примерах даются полужирным прописным курсивом. Однако если посмотреть внимательно на новый текст (т. е. условия введения пушкинского слова), то становится очевидным, что собственно объект описания сопровождается элементами второстепенными, «осколками», «отзвуками» самого выражения. Эти «отзвуки», не будучи в строгом смысле пушкинизмами, также выделяются в составе иллюстративных примеров.

6. Стилистическая характеристика предлагается лишь в тех случаях, когда ее введение признается нами целесообразным. Обычно это контраст или несовпадение с исходной экспрессией, разного рода стилистические изменения.

7. В конце словарной статьи может быть дана одна или несколько отсылок «См.», если в примерах содержатся единицы, получившие отдельную обработку, или если обращение к другой статье представляется целесообразным.

Продемонстрируем описанные принципы лексикографирования на примере двух словарных статей. Одна из них характеризует крылатое выражение, относящееся к центру пушкинизмов «Евгения Онегина», другая — к их периферии. Однако нередко «периферийные» крылатые выражения А.С. Пушкина актуализируются в конкретных текстах и обретают особую знаковую символичность. Вот, например, одно из них:

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ.

(Отрок, отроковица — возраст от 7 до 15 лет, утверждает знаменитый толковый словарь Владимира Даля).

(А. Котровский. Взгляд сексолога на роман «Евгений Онегин». <https://www.b17.ru/blog/9302/>)

● О круге чтения русской дворянской девушки.

В той творческой атмосфере, которая создалась в тесном швейцарском кружке летом 1816 года, даже секретарь и домашний врач Байрона Джон Полидори написал страшную романтическую повесть «Вампир», которая была опубликована и имела успех. А.С. Пушкин упоминает эту повесть в «Евгении Онегине», характеризуя круг чтения образованной русской девушки:

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ
ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ,
И СТАЛ ТЕПЕРЬ ЕЕ КУМИР
ИЛИ ЗАДУМЧИВЫЙ ВАМПИР,
ИЛИ МЕЛЬМОТ, БРОДЯГА МРАЧНЫЙ.

(p_i_f. Мери Шелли. <https://p-i-f.livejournal.com/274532.html>)

● Как негативная оценка газетной информации.

— Что в газете, Андреич? — спросил Нержин.

Потапов, щурясь с хохлацкой хитрецей, посмотрел вверх на свесившегося Нержина:

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ
ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ.

Эти наг-ле-цы утверждают, что...

Тому уже шел четвертый год, как Нержин и Потапов встретились в гудящей, тревожной, избыточно переполненной, даже в июльские дни полутемной бутырской камере второго послевоенного лета (А. Солженицын. В круге первом. Т. 1).

Разумеется, разграничение крылатологического наследия А.С. Пушкина на «центр» и «периферию» относительно. Ведь постоянное обращение к его роману в стихах читателями разных поколений и интересов нередко — как в случае с выражением *Британской музыки небылицы* — актуализирует даже периферийные, на первый взгляд, обороты, придавая им новый смысл и символику. Именно поэтому в предлагаемом нами словаре крылатых слов, цитат и образов из романа в

стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» дается комплексная характеристика таких пушкинизмов в их максимальной полноте. Характеристика, еще раз подтверждающая, что «окрыленное» творчество поэта — это «наше всё».

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК ПРОТИВ
«МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О «КОЛОМЕНСКОМ ДИПТИХЕ»
А.С. ПУШКИНА

Петербург А.С. Пушкина — четвертый по времени «образ города».

Первым был петровский Петербург, «парадиз», очень точно обозначенный как «умышленный город», в котором был вызов времени и пространству и который характеризовался дерзостью и аскетизмом. Это был город, созданием которого Петр I стремился реализовать мысль об идеале. Но это был и город, существовавший главным образом в мысли, своеобразный город-фантом. А.С. Пушкина неудержимо влекла его тайна, излучаемая им энергия, властная требовательность служения идее во имя великого будущего; его, как и всех иных, очарованных Петровской эпохой, завораживала победительная действенность жертвенности, страшное и героическое, содержащее всю палитру психологических состояний в предельно учащенной динамике, рождение новой империи. Коломна своей приземленностью была слишком явной антитезой городу-фантому.

Второй Петербург, елизаветинский — город-фантазия времени роскошных дворцов, интриг и легкомысленного флирта; жизни как маскарада, в котором отдыхают от перенапряжения Петровской эпохи. Большая идея, заложенная основателем, в этом городе еще теплится, но присутствие ее в нем инерционно. Елизаветинский Петербург отражал только один из ликов «умышленного города», лишившегося в одиночестве своем оправдания. Коломна в этот «маскарад» не попадала, ее обывательский реализм не поддавался театрализованной эстетике эпохи. Впрочем, и самого А.С. Пушкина эта эпоха не интересовала, и, соответственно, в его творчестве она никак не отразится.

Третий Петербург — екатерининский, с характерной для него героической суровостью. Соединение несоединимого — Европы и Азии — в избыточном пафосе монументального величия абсолютизма. И в этом самогипнозе, самоочаровании грандиозными победами и собственным превосходством, в искусственности синтеза содержалась хрупкость, зыбкость, обманчивость. В «Пиковой даме», сочетающей

пушкинскую простоту рассказа с inferнальной трагичностью фавулы, поэт в полной мере выразит свое настороженное отношение к той эпохе.

Тот Петербург, которому суждено было войти в историю как пушкинскому, был столицей золотого века русской культуры. Когда А.С. Пушкин был «коломенским жителем», этот Петербург только рождался в счастливом и исполненном светлых надежд сиянии Отечественной войны 1812 года, заграничных походов, триумфального вступления русских войск в Париж. Идеалистический романтизм юного поэта вливался в общее восторженное одушевление, питался сознанием принадлежности к столь грандиозной эпохе, когда Россия взметнулась благодаря поколению победителей на вершину своего могущества. Как известно, за точкой зенита начинается закат, и А.С. Пушкину, как и его современникам, пришлось пережить разочарование в иллюзиях и объяснить время. Но это будет потом — очень скоро, но не в коломенское счастливое трехлетие. И в героический ампир Петербурга скучная Коломна оскорбительно не вписывалась, она была словно бы из иного измерения. Для А.С. Пушкина Коломна как явление и тип на то время принципиально не существует — как досадный и обреченный реликт. И тем не менее в подсознании поэта образ Коломны остался, и должно было пройти время, прежде чем он ему понадобился. И понадобился именно для осмысления времени.

Случайно ли действие столь разных по характеру, по стилю произведений, как «Домик в Коломне» и «Медный всадник», создание которых разделено тремя годами (1830 и 1833 соответственно), разворачивается в этом окраинно-провинциальном районе Северной Пальмиры? Случайны ли в них совпадения персоналий?

«Домик в Коломне» — не поэма, скорее, это шутка, даже анекдот или водевиль (и как настоящий театральный, А.С. Пушкин водевиль вовсе не считал «низким жанром»). В «Медном всаднике» вовсе нет ничего комического, это настоящая и подлинно классическая трагедия, повествующая о роковом столкновении человека со сверхъестественной силой стихии — природной и метафизической. В «Домике в Коломне» место действия заявлено уже в названии и за эти пределы не выходит. В «Медном всаднике» место действия несоизмеримо шире, и Коломна в пространстве, охваченном роком, угадывается. Комизм ситуации «Домика в Коломне» не трансформируется во что-либо более серьезное именно потому, что действие не выплескивается за узкие пределы

Покровского прихода; уютность персонажей обусловлена их соразмерностью месту действия. То, что в иной ситуации и с иными характерами стало бы предметом драмы или даже трагедии, не найдя для развития почвы, так и осталось анекдотом. В «Медном всаднике» трагизм, как и положено в классической трагедии, возникает из принципиального несоответствия места и характера действия с характером героя (точнее, в «Медном всаднике» представлен негероический персонаж в ситуации, требующей героического характера).

Оба произведения, словно в подтверждение их значительности (впрочем, это судьба очень многих пушкинских сочинений), нашли со временем новую, театрально-музыкальную, форму. В 1922 году в Париже увидела свет комическая одноактная опера Ф.И. Стравинского — можно сказать, уроженца Коломны: его детство прошло в доме на Крюковом канале против Литовского замка, — «Мавра»: сочинение, любимое вестернизированной и фрондирующей музыкальной общественностью, хотя язычески экспрессивному таланту Стравинского менее всего свойственна сфера легкого комизма.

Премьера балета Р.М. Глиэра «Медный всадник» состоялась в 1949 году (14 марта в Государственном академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова в Ленинграде, 27 июня в Государственном академическом Большом театре СССР в Москве): это один из лучших образцов драмбалета, благодаря хореографии Р. Захарова и искусству Н. Дудинской, Ф. Балабиной, А. Шелест, К. Сергеева, Б. Брегвадзе. Популярность его очень велика, но музыка Р.М. Глиэра преимущественно иллюстративна, хотя весьма мелодична. Если «Руслан и Людмила» и «Борис Годунов» конгениальны своим литературным основам, ибо М.И. Глинка и М.П. Мусоргский сомасштабны А.С. Пушкину, то «Домик в Коломне» и «Медному всаднику» в этом плане не повезло; впрочем, они вполне самодостаточны¹.

¹ Подробнее о премьере в Государственном академическом Большом театре СССР см.: Наш Большой театр / сост. А.В. Медведев. М., 1977; *Шавердян А.* Большой театр Союза ССР. М., 1952. О премьере в Государственном академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова см.: Ленинградский театр оперы и балета имени С.М. Кирова. 1917–1967 / под ред. И.В. Голубовского. Л., 1967; Театр оперы и балета имени С.М. Кирова. 1957 / под ред. И.П. Хрущевича. Л., 1957; *Гамалей Ю.В.* Маринка и моя жизнь (воспоминания дирижера). СПб., 1999; *Ивашнев В., Ильина К.* Ростислав Захаров. М., 1982; Константин Сергеев: сборник статей. М., 1978.

«Домик в Коломне» был написан в 1830 году, когда А.С. Пушкин был счастлив, вступив в брак с Н. Гончаровой. Это был московский период его жизни, и в Петербурге он бывал только наездами. Хотя, заметим, симптоматично, что в связи с обретением статуса семейного человека он вспомнил именно Коломну, что как в ретроспективе, так и в перспективе последних семи лет его жизни обретает драматическое и даже зловещее звучание. Во-первых, А.С. Пушкин пытается изжить (проговорив и высмеяв) страх превратиться с течением времени в настоящего омещавшегося «коломенского жителя», страх «уснуть» в «тихом семейном счастье». С другой стороны, сюжет с проникшим в дом переодевшимся гусаром — это не только фиксированная реминисценция баек, известных ему еще с лицейских времен, но и проявляемая вполне отчетливо свойственная А.С. Пушкину ревнивость. Впрочем, обывателем он не мог стать органически. Ревнивость же, как одна из красок его темперамента, в конечном счете окажется движущей силой трагической развязки — вот такой оборот приобретает шутка в контексте жизни поэта. Но это мы теперь можем «увидеть» и «прочитать». Сам А.С. Пушкин писал именно шутку. Или сатиру? Надо сказать, что и сама композиция поэмы в своей парадоксальности более чем иронична — и то же можно сказать о выведенных в ней образах. «Домик в Коломне» (как, кстати, и «Медный всадник») начинается развернутой преамбулой, занимающей целых восемь строф. Их октавный строй и многословная живописность находятся в разительном (так и хочется сказать — язвительном!) контрасте с незначительностью сюжета. Чего только в них нет: и рассуждения о рифме, «о женском и мужском слогах», и Тамерлан, и Наполеон, и Феб, и Пегас, и Парнас. Всё это интересно и, при не вдруг раскрывающейся интонационной иронии, умно. Какое отношение вся эта богатая фактура имеет к Параше, к ее старушке-матери и к комичному (но пустяковому) эпизоду в их размеренной и скучной жизни? В том-то и дело, что никакого! Кроме, конечно, жесткой (даже жестокой) констатации — есть мир, в котором бурлит, пульсирует жизнь во всём ее богатстве и блеске, а есть такая вот глушь Коломна, в которой всё остановилось и где ничто не может происходить...

Но почему ничего не происходит и не может произойти? Ответ прост — люди таковы. И переходя к их описанию и изложению коллизии, поэт не скрывает своей язвительности:

Усядьяся, муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки! Не вертись, резвушка!
Теперь начнем...

(V, 85)

Музе и в самом деле должно быть скучно от «смиренной лачужки» и столь же «смиренной» Параша, тип которой совершенно невозможен для подлинной поэтизации, ибо не может быть опоэтизирован (не должен!) мир тоскливого обывательства. В сущности, сюжет «Домика в Коломне» мог происходить где угодно в провинциальной России (и сюжет этот не раз будет обыгрываться в русских водевилях). Но от факта, что «провинция» находится в двух шагах от растреллиевских дворцов, кваренгиевских общественных зданий и от завершающейся грандиозной градостроительной российской стройки (когда Петербург обрел завершённое имперское величие), от того факта, что пустынный сюжет разворачивается в двух шагах от событий, охватывающих судьбы многих народов, грандиозных замыслов и шекспировского накала страстей, пушкинский рассказ приобретает гротескный характер. О Параше ничего нельзя сказать плохого. А что можно вообще о ней сказать?

Умела мыть и гладить, шить и плесть...
Поручено ей было счеты вести,
При ней варилась гречневая каша...

(V, 87)

Для поэмы, для поэзии вообще, всё это в высшей степени неуместно. И совсем нет нужды говорить о «маленьком человеке», которого гений Пушкина ввел в поэзию. Нужно очень постараться, чтобы не заметить пушкинского сарказма. Поэзия (как песня, как танец) рождается от избытка чувства, от напряжения, выходящего за пределы нормы. Должна присутствовать страсть, выплеск энергии... Но ничего этого в Параше нет. Она антипоэтична. И А.С. Пушкин не без сарказма это акцентирует, когда живописует «духовные потребности» коломенской девицы.

Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка — на луну еще смотрела
И слушала мяуканье котов...
Да стражи дальный крик, да бой часов...

(V, 88)

Если бы всё было всерьез, то поэт не преминул бы далее дать развернутый внутренний монолог, т. е. прибегнул бы к декларативному самовыражению героини. Но в том-то и дело, что «декларировать» нечего. Если поэт не находит нужным ввести внутренний монолог, значит, ничто — ни «стражи дальный крик», ни «бой часов», ни даже свет луны, ни тем более «мяуканье котов» — не рождает в Параше никаких более-менее очевидных (и вообще-то естественных для ее возраста) ассоциаций. Даже при том, что, казалось бы, «предпосылки» какие-то были: «И кто бы ни проехал иль не шел, всех успевала видеть...» (V, 87), Параша заботлива (угадываются ее отношения со старой матерью), но совершенно аморфна и лишена поэзии. Она — прямой антипод Татьяны из «Евгения Онегина». Кстати, закономерность их сравнения поэт подчеркивает тем, что сталкивает их в Покровской церкви².

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо...

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал...

(V, 88–89)

² Церковь Покрова Богородицы на Покровской площади — центр петербургской Коломны. Церковь эта появилась почти одновременно с рождением А.С. Пушкина. Заложенная в 1798 году по проекту архитектора В.П. Стасова, она была освящена в 1803 году. К моменту поселения А.С. Пушкина после окончания Лицея в 1817 году в доме Клокачева на Фонтанке у церкви была воздвигнута ограда с двумя часовнями. Храм был разобран в 1936 году, как раз к моменту широко отмечаемого в стране столетия со дня гибели поэта.

Можно возразить, что Татьяна, став дамой петербургского света, была не «графиней», а «княгиней Греминой». Но это возражение несущественно. Возможно, А.С. Пушкин избегал прямых ассоциаций, однако, скорее всего, перед нами уместный прием авторского самоустранения, заставляющего читателя активнее включаться в смысл (!) повествования («Звали как, не помню, право» — очевидная игра, тем более допускающая путаницу в титулах).

«Евгений Онегин» был начат в 1823 году, последняя точка была поставлена в 1831 году. В основном эта «энциклопедия русской жизни» была закончена в Болдине, осенью 1830 года, значит — одновременно с шуточной поэмой о коломенской мещанке. Связь образов здесь неизбежна. Если Татьяна по общему и единодушному мнению — самый поэтический и самый национальный образ русской литературы («Татьяна, русская душою...»), то кто же тогда Параша?

Татьяна вышла из провинции и стала органична столичному Петербургу. Цена этой органики — тяжелый путь, где были и страсть, и любовь, и долг, где было исполненное страданий душевное и духовное возрастание. И это тот самый путь, который изложен в «иной повести», где «долгие печали, смиренье жалоб...», в которые и «вникал» А.С. Пушкин (в «Евгении Онегине»). У Татьяны есть внутренний монолог — и не только внутренний, да и не один. И она имеет на них право, они необходимы, ибо образ этот богат в своей душевной динамике. Антипод Татьяны в «Евгении Онегине» — ее сестра Ольга, румяная и легкомысленная резвушка: образ однокрасочный, но всё же живой. У Ольги-то точно не вышло бы всё так нелепо, случись она на месте Параша: обязательно вышел бы какой-то водевильный роман. А у Параша? Ничего не случилось. Ничего! Параша в принципе не способна ни на какой поступок, в ней нет ни фантазии, ни даже намёка на поэтическое чувство. Перед нами существо инертное. И в этом она — именно она, Параша! — является полным антиподом Татьяны. Пожалуй, не будет каким-либо преувеличением утверждать, что Татьяна — любимый образ поэта. А Параша? Столкнув их скольжением сюжета в Покровской церкви, А.С. Пушкин буквально принуждает нас к ответу на этот вопрос (явно неудобный для «демократического реализма» с его навязчивой любовью к «маленькому человеку»).

Известно, что Петербург — город непростой и требовательный. Этот город «умышлен», как идеальная столица идеальной империи. И, соответственно, он должен населяться людьми, исполненными ис-

кренним стремлением к служению идеалу. Трагедия города в том, что «умышленное» (мечта!) неизбежно и роковым образом сталкивается с реалиями жизни, слишком далекими от какого-либо идеала. Быть петербуржцем значит совершить усилие для того, чтобы хоть как-то ему соответствовать. Родиться в Петербурге мало, чтобы стать петербуржцем, нужен труд постижения этого города-идеи, сроднение с его культурой, и это означает, что нужно духовно-интеллектуальное взросление (а как же в этом без страдания, без осмысления бытия, без творчества). И вот тогда Петербург становится не просто «местом жительства», а судьбой! А.С. Пушкин стал истинным петербуржцем (хотя и родился в Москве), потому что сознательно возрастал в ту полноту идеала, которую осознавал всей своей творческой натурой. Родившаяся в провинции Татьяна потому и любима бесконечно автором, что она выросла в согласии с Петербургом, стала органична ему. А Параша, формально петербурженка (и надо полагать, по рождению таковая), по существу своему, по бесконечно заурядному качеству, так ею и не стала.

«Ни одно из [его] произведений (кроме, конечно, «Евгения Онегина») не оставило такого глубокого следа в дальнейшей истории русской стихотворной повести, не вызвало столько подражаний и вариаций, как «Домик в Коломне»³, писал Б. Томашевский, который как последовательный воспитанник «русского демократического реализма» был полон сочувствия Параше, а равно был уверен, что те же чувства испытывал и А.С. Пушкин, который «опозитизировал маленького человека». Да, подражаний будет много, но мысль поэта о несоразмерности «маленького человека» и Петербурга как идеи, кажется, не понял никто, кроме Н.В. Гоголя, который в своих inferнальных фантазиях «Шинель» и «Нос» показал всю кошмарность «маленького человека», который «мал» не по происхождению, а по душе. Великий мистик отечественной литературы, Н.В. Гоголь проговорил вслед А.С. Пушкину все предчувствия и страхи о «маленьком человеке», если тот вдруг обретет возможность к доминированию. Времена изменились, но типы, проблемы и страхи — неизменны. Сегодня мы воочию видим, что означает «историческое торжество» Параша над Татьяной, что значит Акакий Акакиевич во главе департамента, а майор Кольцов —

³ Томашевский Б. Пушкин. В 2 кн. / отв. ред. В.Г. Базанов. М. ; Л., 1956–1961. Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837). М. ; Л., 1961. С. 516.

в законодателях. Теперь Петербург (со своей «умышленной» идеей, со своей историей и культурой, со свойственной ему породистой стильностью) неуместен в царстве «маленького человека», который начинает изменять его строгую красоту в соответствии со своими (вполне зощенковскими) представлениями.

Заслуживает ли Параша сочувствия? Для А.С. Пушкина она не заслуживает даже того, чтобы произнести ее имя полностью — Прасковья (а ведь Татьяна не именуется Таней, даже когда она была не княгиня Гремина, а только Ларина); она не заслуживает и того, чтобы достойно окончить поэму, которую поэт обрывает не столько поспешно (на риторике преамбулы времени было не жаль!), сколько демонстративно. В самом деле, «что говорить, когда нечего говорить»?

Но, тем не менее, А.С. Пушкин нашел что сказать в продолжение и завершение «Домика в Коломне». (История, как известно, начавшись трагедией, повторяется фарсом, а у А.С. Пушкина его «коломенская история», начавшаяся анекдотом, завершается трагедией; мы склонны согласиться с ним, во всяком случае относительно «конца истории».) В необыкновенно плодотворный болдинский период 1833 года (когда, впрочем, уже принято решение о возвращении в Петербург) рождается «Медный всадник», произведение удивительной классической целостности. И в то же время, как и в случае с «Домиком в Коломне», его драматургию определяют контрасты.

Вступление («На берегу пустынных волн...»), содержащее в себе искренний пафос и мощь, представляющее подлинный гимн Петербургу, а равно и его основателю (который для А.С. Пушкина без иронии и каких-либо сносок всегда Великий), почти без перехода (беглое пятистрочное portamento) сменяется описанием жизни и мечтаний некоего Евгения. Естественно предположить, что выбранное для героя поэмы имя — Евгений — вряд ли случайно. Ассоциации с главным персонажем «Евгения Онегина», которым именно в 1833 году зачитывалась вся Россия, неизбежны. А.С. Пушкин не мог этого не понимать, и, следовательно, ассоциация не просто закономерна, но и программна. Подобно тому, как Параша есть антитеза Татьяны, так и Евгений «Медного всадника» есть антитеза Онегина. Характеристика его убийственна, хотя в отличие от сочинения 1830 года поэт не иронизирует и тем более не язвит.

Наш герой
Живет в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

(V, 138)

Прежде всего, для А.С. Пушкина указание на Коломну как среду обитания — оценочная (и, подчеркнем, негативная!) категория. Негативность усиливается тем, что об этом Евгений «не тужит», т. е. не испытывает дискомфорта, наоборот, он органичен этому анти-Петербургу, вовсе не желает выйти за эти душевные пределы. К умножению негатива нельзя не отнести и столь красноречивое «дичится», т. е. имеет тяжелый, неуживчивый, неконтактный характер. Однако главное осуждение Евгения не в этом. Он ведь «не тужит» (не испытывает сожаления) о своих (надо полагать, умерших) родителях, не имеет даже малого интереса к прошлому своего рода. Для А.С. Пушкина — это тяжкий грех: он ведь воспитан был в Лицее на образцах эллинских и римских добродетелей, на образцах античного права, где человек «вне рода и памяти» ни при каких условиях не может считаться полноценным членом общества и гражданином. Евгений и не является гражданином (не в буржуазном значении этого слова, а в понятиях античности), ибо не имеет ни памяти, ни родства, ни состояния, ни дерзостных мечтаний, т. е. таких, какие бы выводили его за узко очерченные бытовые рамки. Перед нами, в сущности, гоголевский Акакий Акакиевич в юности. В поэме Евгений погибает. А если бы не погиб, если бы продолжал «тянуть ляжку» в канцелярии, то трансформация героя «Медного всадника» в героя «Шинели» была бы неизбежна. Евгений оскорбительно (на контрасте с гимническим «Введением») зауряден и душевно робок, в своем обывательстве он слишком нормален и в состоянии ставить перед собой только заведомо решаемые задачи.

И вот этот «маленький человек», укоренившийся «коломенский житель», мечтает заурядно и о заурядном. И в мечтаниях этих совершенно естественно возникает Параша. Та ли самая, из «Домика в Коломне»? Даже если отбросить законное соображение, что такой поэт, как А.С. Пушкин, неизменно осмысленно точный в деталях, всегда со значением дает имена своим героям, то совпадений окажется слишком много (тут и «домик», и Коломна, и старушка-мать, она же вдова).

Мечта о женитьбе на Параше — в пределах разумного. Скажем более, это был бы совершенно гармоничный союз двух «маленьких людей», которые могли прожить вполне благополучно долгие, размеренные и не отмеченные ничем значительным годы. Мечты Евгения совершенно лишены свойственной юности поэтичности (т. е. он столь же антипоэтичен, как и его суженая), и здесь уж мы замечаем прорвавшуюся иронию автора: «Евгений тут вздохнул сердечно. И размечтался, как поэт» (V, 139). Мечтание, т. е. внутренний монолог Евгения, обескураживает своей приземленностью.

Жениться? Ну... за чем же нет?
Оно и тяжело, конечно,
Но что ж, он молод и здоров...

(V, 139)

Как видим, о любви речи не идет (о любви вообще в «Медном всаднике» говорится только в отношении Петербурга: «Люблю тебя, Петра творенье...»). Есть только целесообразность: подошло время и, видимо, приличия (да и представления о том, «какая правильная должна быть жизнь») подвигают к женитьбе. И, что говорить, кандидатура наиболее подходящая.

Он кое-как себе устроит
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокоит.
«Пройдет, быть может, год другой —
Местечко получу — Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить — и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

(V, 139)

По складу мыслей и по ничтожности темперамента Евгений — полный двойник Парашы. В мечтаниях Евгения нет ничего предосудительного. Но не симптоматично ли, что вместо слов любви — слова о бла-

гополучных похоронах. Впрочем, иной мечты у Евгения нет. А мечта — это стратегическая мысль, которая определяет действия (в данном случае нельзя говорить о «поступке», лишь об инерционном «действии»). Мысль и сопряженные с нею действия есть жизнь. Разбушевавшаяся стихия уничтожает объект мечтаний Евгения. Следовательно, лишает его мысли и, соответственно, действия, по сути — убивает в нем человека. Правда, А.С. Пушкин, описывая состояние Евгения, сидящего верхом на мраморном льве (кстати, весьма перспективный и значительный образ — «маленький человек», оседлавший символ власти, но терзающийся о своем «маленьком счастье»), говорит: «Он страшился, бедный, / Не за себя...» (V, 141–142).

Его отчаянные взоры
На край один наведены...
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта...

(V, 142)

Ни слова о любви до того; ни слова о любви и теперь. Обратим внимание, что если в «Домике в Коломне» Параша хотя бы появляется (пусть и во всей своей, так сказать, замороженной инерционности и незначительности), то в «Медном всаднике» она лишь «имеется в виде рассуждений», она полностью безлична. Ведь это поразительно — нет личности, но нет и образа, способного вызвать любовь. Следовательно, речь никак не о любви. Речь — о «его мечте» (т. е. мечте о «маленьком счастье маленького человека»). Речь о Параше — ведь она основная часть «его мечты»: отсюда и логичное «присваивание», «моя Параша», ибо она есть его собственность через «мечту». Нет, именно за себя переживает среди стихии Евгений, ибо его переживания — о мысленно им присвоенном, о той «мысли», которую (единственную!) он в состоянии реализовать и в которой может (единственно!) себя позиционировать. Стихия уничтожает материальные знаки мечты Евгения. И без них мечта исчезает, потому что ничего духовного в ней не было. В «маленькой

мечте маленького человека» всё только материальное (тленное!), оно не зиждется на фундаменте духовном, элементы этой конструкции не скреплены духовным единством. Так что терзания Евгения, сидящего посреди бушующих волн верхом на мраморном льве, — это терзания (животный страх! так будет точнее) приговоренного к смерти. Он и умирает — сходит с ума.

Столкновение человека с непостижимым для него роком стихии это и есть основа античной трагедии (а уж античную литературу в Александровском лицее А.И. Галич, Н.Ф. Кошанский и П.Е. Георгиевский преподавали на совесть). Почему боги Олимпа обрушивают свой гнев — не дано знать несчастному, и скорее всего, он этого так и не поймет. Задача героя — не в преодолении рока, ибо его преодолеть невозможно. Задача героя и не в разгадывании причин божественного гнева, обрекающего на страдания и в конечном счете на гибель. Задача в том, чтобы при всех обрушивающихся со всех сторон тяжких ударах — потерях, изменах, физических и духовных муках — до последнего мгновения сохранить достоинство. Героизм не в том, чтобы победить (победить богов-олимпийцев нельзя!), а в том, чтобы остаться человеком во время катастрофы. А для этого нужно, чтобы человек соответствовал вызовам своей судьбы, что означает — он должен быть личностью. Герой — это и значит личность! Только уже состоявшаяся личность способна вырастать во время катастрофы. И хотя эллины были язычниками, они, подобно христианам, знали, что в основе личности — высота духовного помысла. Личность всегда духовна, недуховной личности нет по определению. Духовная основа позволяет личности (герою) сохранить внутреннюю гармонию, а это, в свою очередь, позволяет достойно встретить свою судьбу.

Разгул стихии в поэме А.С. Пушкина — это несколько больше, чем наводнение 1824 года. Хотя в коротком прозаическом «Предисловии» к «Медному всаднику» говорится: «Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине» (V, 133). А сомневающимся отправляют для справки к В.Н. Берху (это один из многознатцев, состоящих в знакомстве с А.С. Пушкиным; литератор и историк флота, он в 1832 году, т. е. за два года до своей кончины, издал книгу о наводнениях в Петербурге, которая, конечно, была в библиотеке поэта). Можно не сомневаться, что случай, легший в основу поэмы, имел место в реальности и, скорее всего, подобных случаев были многие сотни. Заурядный рассказчик только излагает сюжет с большей или меньшей занимательностью. Талантли-

вый художник в рассказе ищет типическое. Поэт, объемля триединство текста, подтекста и контекста, выводит сюжет в пространство метафизики и возносит в высоту метафоры.

Стихия, поглотившая Евгения и Парашу, это, конечно, символ истории как процесса непостижимого и всеограшительного. «Судьба неизбежно, но и неповинно гибнувшего человека... пред торжествующим ходом истории государства», — так утверждает Б. Томашевский⁴. Нет, образ стихии — это образ не государства, а именно самой истории в ее предвечной мощи. Образ государства (еще точнее империи) — это и те самые львы, за которых цеплялся во время наводнения Евгений, и монумент Петру I, который тот же Евгений во время наводнения видел перед собою выступающим из воды, в конце концов, это сам Петербург, ибо Российская империя есть в той же мере творение Петра Великого, в какой его творением является и сама новая столица России; Петербург есть образ «идеальной империи» в такой же мере, в какой Москва была образом Третьего Рима. Собственно, Петербург — он тоже Третий Рим, но только во «втором и исправленном» Петром I «издании» (хорошо оно, это «издание», или нет — вопрос отдельный). Не на Евгения и Парашу обрушилась стихия истории, а на Петербург (что однозначно — на Россию), причем «как зверь остервеняясь». И в хаосе всеобщей катастрофы

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

(V, 142)

Несокрушимым остается идеал, воплощенный в образе Петра Великого. Заметим, образ противоречивый, отражающий двойственное отношение самого поэта (да и двойственное отношение любого человека) к государству. С одной стороны — кумир, указывающий на природу языческую, требующую жертвенного служения (как здесь не вспомнить пушкинского старшего современника Гегеля с его рассуждениями о государстве как «холодном и коварном чудовище», которое тем не менее «единственное своей свирепой волей в состоянии предотвратить хаос»).

⁴ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 2. С. 523.

С другой стороны, кумир этот «в неколебимой вышине». А какая это «вышина»? Ангельская! И что значит «простертая рука»? Указующая? Благословляющая? Двойственность восприятия как отражение сразу двух совмещенных природ — это продолжение образа Петра I в «Полтаве» (1825 год), где первый император одновременно и «ужасен», и «прекрасен» (причем красота есть следствие действия!).

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

(V, 147)

Вопреки почти всеобщему мнению в этой строфе нет ничего угрожающе-таинственного и жутковато-инфернального; наоборот, она по характеру мажорная. Кстати, Николай I, испещривший пометками и вопросительными знаками поля рукописи «Медного всадника», поставил против этой строфы не знак вопроса, а как раз восклицательный знак. Образ Петра Великого (образ задуманной и созданной им империи) «ужасен» лишь в искажающей «мгле», т. е. в изломах времени, а равно и в изломах человеческого сознания, в своей незавершенности. И будет ли он всё так же «ужасен» при солнечном свете, тогда, когда идеал будет наконец воплощен в жизнь? Вряд ли, ибо далее А.С. Пушкин не скрывает восторга: он не вопрошает в тревоге о том, что за «сила» и что за «дума» оказались «сокрыты», а восхищен фактом и «силы», и «думы», — их позитивность и доброкачественность для поэта несомненны. Да и в финальном вопросе скорее риторика, эмоционально продолжающая начало строфы и созвучная ему. Как христианин, А.С. Пушкин не может не знать, что «гордый конь» остановится лишь в конце истории, когда прозвучат трубы ангелов Апокалипсиса, не раньше. Понятно, что в пушкинской метафоре имеется в виду не государство как обусловленное текучестью конъюнктур и прихотью человеческих амбиций социально-политическая многофункциональная организация, а некая героическая идея империи как «идеального универсума». Не «государство как реальность», а «государство как мысль»; в первом слу-

чае — время остановлено (факт совершен и завершен, и он «ужасен»), во втором случае — в движении времени совершается неостановимый процесс воплощения (и именно эта эсхатологическая установка того, «что совершается решительно в устремлении к идеалу», «прекрасно»). А.С. Пушкин знал два конных монумента Петру I — на Сенатской площади, работы Фальконе, и на площади Коннетабля, работы Растрелли-старшего: обе работы — абсолютные шедевры, в исчерпывающей мере воплотившие эстетику своего времени (у Растрелли барокко, у Фальконе — классицизм). Растреллиевский монумент оставил поэта равнодушным, хотя он и создавался по заказу основателя Петербурга и под его руководством, в творческом наследии А.С. Пушкина он приметного следа не оставит. Но причина не в эстетике, а в философии. В работе Фальконе А.С. Пушкин принимает правду художественного образа, суть которого — героико-романтический порыв в неведомое, движение властное и победительное, восхищающее и завораживающее не столько внешней, сколько внутренней динамикой и мощью. В этом устремленном в будущее всаднике — пушкинский образ судьбы России: не «русской судьбы» как категории философско-психологической, а именно России как соборного феномена в его историософской, эсхатологической природе. И с этой Россией поэт себя ассоциирует, более того, растворяет себя творчески, соучаствуя в созидательном (!) движении сквозь пространство и время. Эта Россия будет сокрушаема стихиями, но не будет сокрушена, ибо идея о совершенстве неуязвима для хаоса. И неуязвим тот, кто сослуживает этой идее. В такой идеологеме А.С. Пушкин вполне национально традиционен (достаточно вспомнить легенду о граде Китеже). Воплощаемая в Петербурге Россия подобна «Великому Китежу», неуязвимому для врагов, куда нет дороги и нет места людям порочным, подобно «убоявшемуся мук» Гришке Кутерьме. Защита «Великого Китежа» — это защита святости воплощаемой в нем и являющейся его содержанием идеи «идеального Града». «Малый Китеж» — противоположность «Великого Китежа», в нем нет защищающей его идеи, его тварная форма и является его содержанием; всё тварное временно и тленно, а потому этот город (мир, укоренившийся в материальности) обречен и в конечном счете гибнет вместе со всеми своими жителями.

Если «Великий Китеж» это — созданный и продолжающий создаваться по лекалам идеала Петербург, то «Малый Китеж» это — Колмна. Нашествие татар в легенде о Китеже подобно разгулу стихии

в «Медном всаднике»: как татары разрушают «Малый Китеж», так и наводнение уничтожает Коломну. Подобно беспутному Кутерьме, бросающему оскорбления Февронии, пушкинский Евгений угрожает (в этом-то и есть безумие!) образу Петра I. Но, как и Кутерьма, который от угрозы тотчас переходит к слезливым жалобам, так же непоследователен Евгений, ничтожность которого не способна на бунт. Вот он грозит, «злобно задрожав»: «Добро, строитель чудотворный! Ужо тебе!» И вот он через мгновение обращается в бегство — «вдруг стремглав пустился». Как и Кутерьма, оказавшийся не в состоянии пережить «Малого Китежа», но так и не нашедший дорогу по ничтожности своего существа и духовной опустошенности в «Великий Китеж», пушкинский «коломенский обыватель» Евгений тоже сходит с ума. «Аки зверь дикий» мечется по лесной чаще Кутерьма; так и Евгений «скоро свету стал чужд».

И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света
Ни призрак мертвый...

(V, 146)

Именно для него — не для нас и не по истине — образ основателя Петербурга есть «горделивый истукан». Название «Медный всадник» за долгие десятилетия стало любимой метафорой. Почему-то мы сегодня не замечаем — надо полагать, лишь в силу инерции мысли, опирающейся на традицию когда-то и кем-то изложенных «мнений», — уничижительность и даже оскорбительность этой метафоры. Ее А.С. Пушкин не мог отнести к Петру Великому — ни к реальному, ни к тому образу, что воплощен в монументе работы Фальконе. В самом деле, «медный лоб», «медный котел», «медный таз» и т. д. — вовсе не обозначение достойное. Памятник отлит из бронзы, и утверждение его «медности» — демонстративное снижение его качества во всех отношениях, и в художественном, и в идейном. Как никто иной А.С. Пушкин был чувствителен к смысловой окраске слова.

Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал...

(V, 148)

«Медный всадник» — образ, рожденный большим воображением Евгения. В этот поистине демонический образ облекся в его несчастной, но от того не менее ничтожной душе (которая так и не выросла в страданиях, поскольку наглухо закрыта для всякой возвышенной мысли и бездуховна) образ столь дорогой для поэта «идеи империи как универсума, устремленного к идеалу». Но удивительно ли, что негероический герой (антигерой) оказался враждебен героической эпохе, которая требовала от него служения, а не службы, поступка, а не прозябания? В античной трагедии героя от негероя отличить просто: герой может «вопрошать богов», но он никогда их не оскорбляет, ибо принимает свою участь, как испытание, а негерой — он богат на оскорбления, поскольку не принимает своей судьбы. Не потому ли inferнальный призрак был принят как «поэтический образ Российского государства», что так называемым апологетами и толкователями А.С. Пушкина (вестернизированной либеральной русской интеллигенции) его мысль о России была чужда — как чужда была им идея героического и самоотверженного служения идее, мешавшей «самовыражаться», как чуждо было духовное смирение в единстве веры «Великого Китежа» в отличие от тварной пестроты «Малого Китежа»?

Размышляя о главном герое русской литературы (и, соответственно, всей русской культуры, во всяком случае, в «осевом» для истории страны XIX веке) в контексте культурно-цивилизационных предпосылок «русской идеи» (как духовно-интеллектуального феномена, определяющего судьбу восточноевропейской субцивилизации), Ю.А. Пивоваров полагает таковым «лишнего человека», тождественного «маленькому человеку». «У них общая трагедия (судьба), — пишет Ю.А. Пивоваров, — им невыносимо бремя человека, бремя личности. И то

и другое — опыт... невозможности быть». И далее, обобщая и типизируя, автор впадает в парадокс, утверждая, что все великие произведения русской литературы — «про невозможность человека на Руси». «И эта идея была еще у Пушкина! — акцентирует он свое умозаключение. — Причем он сказал это не где-нибудь, а в центральных своих произведениях. Да, да, это была русская идея»⁵. Внесем коррективу в самоуверенный и тенденциозный ход мыслей ведущего отечественного либерала-гуманитария: прежде всего А.С. Пушкин, вообще-то, в своем творчестве вовсе не говорил о «невозможности человека на Руси», ибо если бы это было именно так, то первого поэта России пришлось бы считать законченным русофобом, каковым он по определению не является и быть не может. Если под «человеком» Ю.А. Пивоваровым понимается «личность», то мысль А.С. Пушкина здесь совершенно утвердительно, т. е. только человек (личность!) и возможен на Руси. Если под «человеком» понимается именно «маленький человек», то возможен — к сожалению! — и он («Домик в Коломне»), более того, он вполне комфортно может прозябать до очередного крутого поворота истории. Если же говорить о «невозможности», то да, «маленький человек» «невозможен» для всего того, что одушевлено возвышенной идеей, ибо он к этому — мертв. И этой мертвости (постепенного омертвления, засасывания прозой жизни в мертвость) А.С. Пушкин опасался, проговаривая в «Медном всаднике» свои послелицейские подсознательные (и, надо полагать, изжитые или, в связи с женитьбой, вновь всколыхнувшиеся) страхи «коломенского трехлетия», когда логика разумного (с житейской точки зрения) бытования готовила ему судьбу Евгения.

Сострадателен ли А.С. Пушкин Евгению и Параше? Мы понимаем, что любить он их не может, ибо в них воплощено всё поэту противоположное, им осуждаемое — пошлость обывательства, неспособность к поступку, инертность заснувшей (точнее, так и не проснувшейся даже в несчастье!) души, пустота и бесплодность мысли. Вся эта недостойность, унижающая возвышенную природу человека, и воплощалась поэтом в таком сформировавшемся в нем понятии, как «Коломна». В отличие от последующей волны писателей разночинного «демократического реализма», А.С. Пушкин не умиляется «маленькому человеку». Он описывает «маленького человека» как явление распространенное

⁵ Пивоваров Ю.А. «Русская идея». Культурно-цивилизационные предпосылки // Синтез цивилизации и культуры: сборник статей. М., 2003. С. 112.

и опасное. Жалеет ли его? Скорее, он сожалеет о нем. Такая позиция не будет понята во времена всеобщего разрушения идеалов. Тем не менее, у А.С.Пушкина всё же найдутся те, кто разделят его позицию и продолжат развитие его темы в своем творчестве — Н.В. Гоголь и А.П. Чехов. Сам же поэт, не оправдывая и не сочувствуя, констатирует неуместность «маленького человека», т. е. факт того, что он и в самом деле «лишний». Чему «неуместен»? Где «лишний»? Можно — по Ю.А. Пивоварову — «русской идее». Можно и обобщить: в принципе любой идее, лежащей вне пространства сугубо тварного бытия. И значит, «лишний» в России — той России, которая созиждется трудами «личностей». Не просто «лишний», а смертельно опасный.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ПУШКИНА В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Посвящается памяти известного псковского историка, краеведа Е.П. Матвеева, который беззаветно служил малой родине и защищал историко-культурное наследие Псковской земли

Семья — это начало всех начал. На семью возложена миссия развития и становления новой личности. Само слово «воспитание» исторически восходит к старославянскому слову «питати», т. е. вскормить, взрастить. То, что мы вскормим, взрастим в ребенке, то и получим. У термина «образование» — много десятков определений, но мы будем рассматривать его как процесс передачи культурного наследия от одного поколения другому. Семейное образование — это форма получения образования вне стен образовательного учреждения, когда процесс обучения организован силами семьи — родители или сами выступают в роли педагогов, или находят репетиторов или подходящие образовательные интернет-платформы.

Но не всё зависит от семьи и окружения. Профессор Псковского государственного педагогического института (теперь Псковский государственный университет) Людмила Михайловна Лузина любила повторять на своих лекциях по педагогике: «Из семени березы пальмочку не вырастишь». Смысл этой фразы стал понятен только после создания собственной семьи: личность проявляется сразу после рождения (а некоторые матери скажут — даже еще раньше, до рождения). В одной и той же семье, в одних и тех же условиях подрастают совершенно разные личности. Задача родителей — увидеть все хорошие задатки и постараться создать условия для их развития и совершенствования, найти в себе силы признать недостатки ребенка — и не сломить человека, а попытаться направить их развитие по нужному руслу.

В нашей семье в настоящий момент воспитывается восемь детей — от одного месяца до 12 лет. Все они абсолютно разные, и наша задача как родителей — найти то важное, что может объединить всю семью. Как в притче о банке с камнями: вначале нужно наполнить человека тем важным, без чего его жизнь бессмысленна, затем добавить второстепенные вещи, а в конце — мелочи, отсутствие которых совсем не должно

огорчать человека. Только в каждой семье в качестве крупных камней могут быть разные ценности. Как сказал блаженный Августин, «если Бог будет на первом месте, то всё остальное будет на своем». Российский Президент В. Путин подчеркивает особую роль религии в жизни каждого человека: «По моему глубокому убеждению, моральные ценности, без которых не может жить ни всё человечество, ни конкретный человек, не могут быть никакими другими, кроме религиозных» (из интервью журналу «Time»). Новые поправки к Конституции также отражают эту идею: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». Именно семья и должна взять на себя роль проводников этих идеалов — веры, любви к Отечеству, традиционных семейных ценностей русского человека, чтобы противостоять духовно-нравственной и культурной деградации.

Наша семья проживает в Псковской области, которая является сокровищницей мировой и отечественной культуры. Псковская земля — хранитель старины, история России неразрывно связана с историей нашего края. В воспитании и обучении наших детей мы постоянно обращаемся к тем неиссякаемым ресурсам, которые можно черпать из наследия родного края. Все дети находятся на семейном обучении и воспитании, поэтому мы как педагоги используем по возможности ресурсы нашего края в обучении почти по всем предметам: русский язык, литература, окружающий мир, история, изобразительное искусство, музыка, биология, география, основы духовно-нравственной культуры народов России.

Целью воспитания в нашей семье является нравственное совершенствование человека, определение своего места в жизни и предназначения. Воспитание должно быть непременно полным, гармоничным, разнообразным с личными способностями воспитанника, непрерывным и постоянным.

Особое место в воспитании и обучении детей отводится семейному чтению, которое мы практикуем на протяжении 12 лет. В настоящий момент книга во многих семьях потеряла свой авторитет, уступила место телевизору, компьютеру, смартфону, планшету. Но детские психологи отмечают большое значение именно книги для морально-нравственного развития детей. Электронные гаджеты и развивающие игры не заменят обычную книгу, которая является не только источником знаний, но и мощным воспитательным средством, воздействующим на душу

ребенка и формирующим его личность. Здесь важно всё: что читать, с кем читать, когда читать и как читать. В.А. Сухомлинский писал: «Чтение — это один из истоков мышления и умственного развития». В настоящий момент в книжных магазинах — обилие детской литературы, но не все книги одинаково полезны для детей, а некоторые откровенно вредны для детской психики (речь идет о пропаганде насилия и нетрадиционных сексуальных отношений). Мы стараемся выбирать проверенные временем произведения, соответствующие возрасту, обязательно с хорошими авторскими иллюстрациями (не компьютерная графика), на качественной бумаге. С самого раннего возраста (с 2–3 месяцев) дети слушают произведения К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, А. Барто, С.В. Михалкова и, конечно, сказки А.С. Пушкина. Пока ребенок не освоил грамоту, читает вслух один из родителей. Затем подросшие дети читают для малышей. Книги читаются не только перед сном — поход к врачу, прогулка, длительная поездка не обходятся без книги.

Сказки Пушкина написаны в стихах, а, как известно, чтение стихов имеет огромное значение для речевого развития. Ребенок с младенчества учится чувствовать ритм, рифму, ударение в словах, деление на слоги. Стихи положительно влияют на дикцию, воображение, формируют эстетический вкус, повышают эрудицию. Малыши вначале повторяют последний ударный слог в строке, затем всё слово, вскоре целую строку стихотворения, а с трех лет два — три четверостишия и более. Начиная с двух-трехлетнего возраста, дети принимают участие в небольших домашних представлениях по сказкам Пушкина. Любимыми для инсценировки являются «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке». Дети школьного возраста много рисуют, в том числе по сказкам Пушкина, принимают участие в школьных, всероссийских, международных конкурсах. На занятиях по рисованию рассматриваем портреты Александра Сергеевича кисти разных художников — Кипренского, Тروпинина. Читаем описание его внешности по воспоминаниям его современников. Также изучаем иллюстрации знаменитых художников к сказкам Пушкина — «большой билибинский» стиль, радостные и красочные рисунки Владимира Конашевича, орнаментальные рамки Вячеслава Назарука. После прочтения сказок дети создают собственные иллюстрации.

На занятиях по музыке мы слушали оперу Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Также можно прослушать оперы «Сказ-

ка о золотом петушке» Римского-Корсакова и «Руслан и Людмила» М.И. Глинки.

Начиная со второго класса в рамках сохранения и развития русской культуры и языка и исторического и культурного наследия введены новые предметы — «Родной русский язык» и «Родная литература». На занятиях по родному русскому языку мы решили изучать лингвистические явления на примере текстов А.С. Пушкина (полногласие и неполногласие, историзмы и архаизмы, обращения, этимология слова и пр.). На уроках родной литературы ребята узнают родословную поэта, особенности воспитания в семье Пушкиных: французский язык, сменяющиеся гувернеры, литературные вечера, лето в селе Захарово, роль бабушки Марии Алексеевны Ганнибал; лицейские годы поэта, творческий и жизненный путь поэта — и, конечно же, изучают его произведения. В качестве аттестационных работ наши школьники занимаются проектной и исследовательской деятельностью, пишут сочинения.

Вот некоторые работы ребят (со второго по шестой класс).

В работе «Обращение героев пушкинских сказок к природе» ученица рассматривает обращение королевича Елисея в поисках своей невесты за помощью к силам природы: к солнцу, месяцу, ветру. Делает свои иллюстрации к рассматриваемым фрагментам.

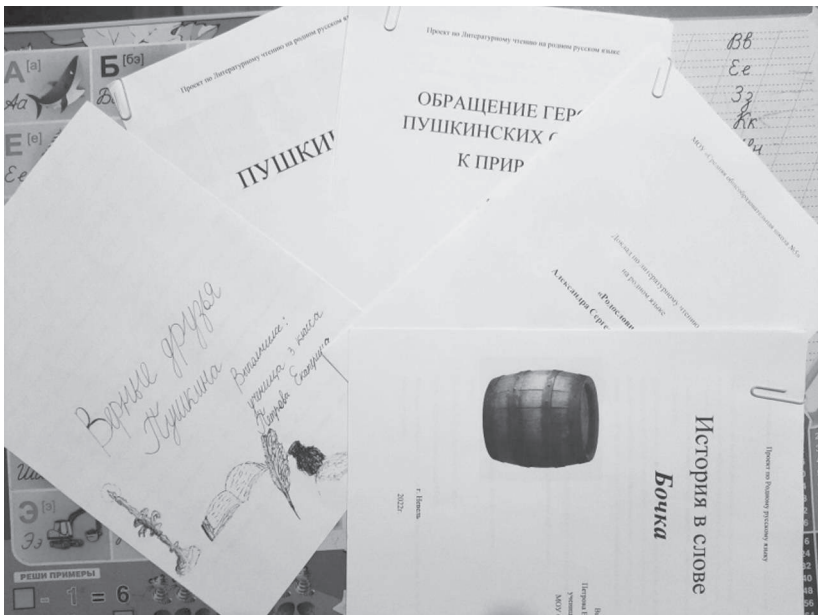
В работе «Пушкин и я» ученик второго класса перечисляет сказки А.С. Пушкина, которые он прочитал, известных иллюстраторов сказок, а также связанные с жизнью Пушкина места, которые он посетил.

В работе «История в слове: наименования предметов традиционно-русского быта на примере сказок А.С. Пушкина» ученица рассматривает архаизмы и историзмы, встречающиеся в сказках поэта; делит их на категории: названия строений (изба, терем, темница и др.), предметы традиционной одежды (душгрейка, кичка и др.), орудия труда (невод), домашняя утварь (корыто, ступа и др.), единицы измерения (аршин, верста), дает им определения.

Работа «Верные друзья Пушкина» посвящена книгам. Ученица описывает отношение поэта к книгам — он дружил с ними с детства. Своей начитанностью он поражал своих лицейских друзей. Книга была его неизменным спутником в поездках, в изгнании.

В работе «Друзья мои, прекрасен наш союз!» описываются встречи поэта с лицейскими друзьями в Михайловском.

Всего за пять лет выполнено 12 работ по «пушкиноведению».

Исследовательские работы учеников

Огромное впечатление произвела на детей поездка в Пушкинские Горы. Летом 2021 года мы посетили музей-усадьбу «Михайловское», могилу поэта в Святогорском Свято-Успенском монастыре, а весной 2022 года — «Тригорское». Самое верное средство прикоснуться к поэту — посетить место, где он жил, черпал вдохновение, воспринять ландшафт, предметы, которые его окружали. После экскурсии в музей образ поэта становится навсегда близким и родным.

Творчество Пушкина будет актуальным во все времена. Произведения Пушкина проникнуты мыслями и чувствами, которые волновали и будут всегда волновать человека — дружба, влюбленность, патриотизм. Но особое место в его творчестве принадлежит сказкам, написанным специально для детей. Они знакомят с народным творчеством, историей и традициями народа, способствуют формированию нравственных эталонов (трудолюбие, доброта, смелость, нестяжательство), обогащают знаниями об окружающем мире, прививают интерес к русскому слову, развивают эстетический вкус, являются

В музее

неиссякаемым источником для литературных и лингвистических исследований. Педагогическое значение текстов сказок А.С. Пушкина заключается в том, что в них добро всегда побеждает зло, каждая сказка несет в себе нравственный урок, а язык сказок понятен даже дошкольнику.

Сказки Пушкина можно использовать на занятиях по разным предметам — литература, русский язык, изобразительное искусство, музыка, технология, основы духовно-нравственной культуры, история. Это способствует формированию целостной картины мира — и поэтому же они актуальны при семейном обучении, когда родитель выступает в роли педагога по всем предметам.

Портреты А.С. Пушкина, выполненные ребятами

Иллюстрации к сказкам А.С. Пушкина

Примерные задания по сказкам А.С. Пушкина для работы с детьми разного возраста

1. Полногласные и неполногласные сочетания — это особые фонетические исключения, представляющие собой слова и словоформы с единым корнем. Найдите в сказках А.С. Пушкина исторически однокоренные слова с полногласием и неполногласием (берег — брег, голова — глава, город — град и др.).

2. Приведите примеры постоянных эпитетов (выразительные описания, которые образуют образно-поэтические выражения) из сказок Пушкина (красная девица, невеста молодая, матушка родная и др.).

3. Обращение — это слово или словосочетание, называющее лицо, к которому обращена речь. Найдите и запишите примеры обращения к живой и неживой природе в сказках Пушкина.

4. Устаревшие слова можно разделить на две группы: архаизмы и историзмы. Архаизмы — это слова, которые в связи с появлением новых слов вышли из употребления. Но их синонимы есть в современном русском языке. Историзмы — это слова, которые обозначают явления или предметы, которые полностью исчезли или перестали существовать в результате дальнейшего развития общества. Найдите примеры архаизмов и историзмов в текстах сказок, выпишите их определение из толкового словаря.

5. Фрагмент урока «История в слове»

В «Сказке о царе Салтане...» А.С. Пушкина бояре посадили царицу и царевича в бочку:

...И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

Давайте узнаем историю этого слова.

В толковом словаре мы находим следующее определение слову «бочка»: деревянное обтянутое обручами или металлическое цилиндри-

ческое вместилище с двумя днищами и обычно с несколько выгнутыми боками.

В этимологическом словаре мы обнаруживаем, что слово бочка происходит от слова «бок».

Бочки раньше делали из лиственных и хвойных деревьев, наиболее ценным материалом является дуб. Внутри бочку обжигали, а снаружи укрепляли металлическими обручами. В бочках хранили зерно, напитки, делали соленья. Сейчас мы можем встретить бочки, изготовленные из пластика или металла.

Фразеологизмы:

бочку катить на кого-то — нападать, устраивать неприятности кому-либо;

каждой бочке затычка — встревать во все дела, разговоры.

Поговорки:

Ложка дегтя в бочке меда

В пустой бочке звону много (о хвастливом человеке)

Загадка:

Катится бочка, на нее ни сучочка (яйцо)

Бочар — мастер, изготавливающий бочки.

Фамилии, в основе которых лежит наименование по занятию:

Бочарников, Бочаров, Бочкарев.

**ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ-УШКУЙНИК —
АВТОР ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ПУШКИНСКИЕ УГОЛКИ
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ»**

Путеводитель «Пушкинские уголки Псковской губернии» Федора Алексеевича Васильева-Ушкуйника вышел в свет 98 лет назад. Информация, помещенная на его страницах, актуальна до сих пор. На него ссылаются в своих исследованиях пушкинисты и краеведы. К.Б. Жучков в своей статье «Никифоровский является весьма ценным работником...»¹, В.К. Иванова в статье «Слобода Тоболонец (Святые Горы) глазами паломников и путешественников XIX — начала XX века»² приводят цитаты из этого путеводителя. Кандидат филологических наук, научный сотрудник рукописного отдела Института русской литературы (ИРЛИ) РАН Е.А. Зонтова сообщает в своей статье «Пушкинский уголок» в путеводной литературе конца XIX — XX века»³: «Еще в 1924 году вышел первый специализированный путеводитель с методическими разработками экскурсий — «Пушкинские уголки Псковской губернии». Путеводитель был составлен Ф.А. Васильевым-Ушкуйником, с теоретической стороны — по методико-экскурсионным пособиям, имеющимся в экскурсионной литературе. А с практической — на опыте нескольких одиночных посещений Уголков Пушкина и одной групповой экскурсии...»

Свидетелем этой групповой экскурсии, о которой Федор Алексеевич пишет: «Автору пришлось в разное время несколько раз посетить Св. Горы, Михайловское и Тригорское, причем одно из этих посещений было групповой экскурсией школьного типа. Хотя экскурсия эта, совершенная пешком в 90-х годах прошлого столетия, когда экскурсии как метод образовательной работы еще не существовали, была скорее

¹ *Жучков К.Б.* «Никифоровский является весьма ценным работником, который вполне оправдал оказанное ему доверие...» // Псков. 2016. № 45.

² *Иванова В.К.* «Мы въезжаем в монастырскую слободу...» Слобода Тоболонец (Святые Горы) глазами паломников и путешественников XIX — начала XX века // Псков. 2007.

³ *Зонтова Е.А.* «Пушкинский уголок» в путеводной литературе конца XIX — первой половине XX века // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 3.

паломничеством на могилу поэта...»⁴ — можно считать открытку из фотоархива семьи Васильевых с изображением памятника на могиле А.С. Пушкина. Надпись на обороте гласит: «6 Мая 1896 года получена на память о пребывании в Святогорском монастыре от о. настоятеля, иеромонаха Иоанна».

Поникла тихо без ответа
лавр гордо несшая глава,
Но жив в России дух поэта
И песня дивная жива.

На обложке собственного путеводителя, обращаясь к Ольге Эрастовне Озаровской, он пишет:

«Глубокоуважаемой Ольге Эрастовне на память об «уголках» в юбилейные дни 12–16 сент. 1924 г. от автора.

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.
Но остались песни и остались дни.

А. Блок⁵.

Личность Федора Алексеевича Васильева стала доступна для исследования после того, как ко мне попал архив моего деда, Михаила Ильича Воробьева (1911–1992). В составе этого архива был сохранен фотоархив семьи бывшего статского советника Министерства народного просвещения Федора Алексеевича Васильева (*см. Приложение в конце статьи*). Ушкуйник, Дядя Ваня, Божедаров, Скороспелый, Друг детей — это лишь его псевдонимы, которые отражены в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова⁶.

⁴ *Васильев-Ушкуйник, Федор Алексеевич*. Пушкинские уголки Псковской губернии / Ф.А.Васильев-Ушкуйник; Серия сборников по устройству общеобразовательных экскурсий / под ред. Н.С. Ашукина, А.М. Лебедева, В.Г. Полякова, И.В. Устинова. Вып. 9. М., 1924.

⁵ Экземпляр путеводителя из собрания Музея-квартиры А.С. Пушкина в Петербурге.

⁶ *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 96.

Одним из мостиков, соединяющих время издания путеводителя с сегодняшним днем, являются «Дополнительные сведения (получены во время печатания книжки)», напечатанные в самом конце путеводителя, на 71 странице: «Постановлением Совнаркома (от 17 марта 1922 года) села Михайловское и Тригорское признаны заповедной усадьбой под названием «Государственный заповедник «Пушкинский уголок» и переданы Наркомпросу по Главмузею».

Столетие со дня основания отмечает музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» в 2022 году, и путеводитель Ф.А. Васильева является связующим звеном между нашим временем — и далеким и тревожным временем основания музея-заповедника.

Федор Алексеевич Васильев родился 7 февраля (по ст. ст.) 1871 года в деревне Екимово Заборовской конторы Островского уезда Псковской губернии в семье крестьянина Алексея Васильева и его жены Дарьи Михайловой. Крестили мальчика спустя два дня, 9 февраля, в Троицком соборе города Острова. Восприемниками стали мировой судья города Острова коллежский советник Валерян Игнатьевич Трояновский и крестьянская девица Татяна Михайлова⁷.

В 1887 году Федор Васильев оканчивает Опочецкое городское четырехклассное училище Псковской губернии и получает от Педагогического совета училища удостоверение № 123, в котором его рекомендуют к поступлению в Учительский институт С.-Петербурга⁸.

В институт Федор был зачислен казеннокоштным воспитанником⁹.

После окончания института и получения Аттестата № 311 со званием учителя городского училища, Федор Васильев с 15 августа 1891 года назначается учителем в Онежское городское училище Архангельской губернии¹⁰.

В дальнейшем он служил у себя на родине, в городском училище города Опочки¹¹, наставником учительских семинарий города Бялы Сед-

⁷ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 4. Д. 265. Л. 9 об.–10. Метрическая книга Троицкого собора города Острова за 1871 год. Автор благодарит хранителя фондов Опочецкого краеведческого музея А.В. Кондратеню за помощь в работе.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 412. Оп. 1. Д. 492. С. 3.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Д. 626; Ф. 139. Оп. 1. Д. 8033.

¹¹ Памятная книжка Псковской губернии на 1895 год // Националь-

лецкой губернии¹², городов Семипалатинска и Тобольска¹³, Омска¹⁴, инспектором народных училищ Верхнеудинского и Баргузинского округов Забайкальской¹⁵, Амурской¹⁶ областей и одиннадцатого района в городе Туринске Тобольской губернии¹⁷.

В справочном издании «Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год» он указан в чине статского советника, который получил еще во время службы наставником Семипалатинской учительской семинарии 2 мая 1911 года, в должности инспектора народных училищ одиннадцатого района (город Туринск и Туринский уезд Тобольской губернии) с годовым жалованьем 3 600 рублей. Награды — медаль в память царствования императора Александра III, за Всеобщую

ная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_66085?page=111&rotate=0&theme=white].

¹² Памятная книжка Седлецкой губернии на 1897 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1220790?page=139&rotate=0&theme=white]; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1898 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1220791?page=137&rotate=0&theme=white]; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1899 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1220792?page=137&rotate=0&theme=white].

¹³ Адрес-календарь Семипалатинской области на 1912 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1610862?page=99&rotate=0&theme=white]; Памятная книжка Семипалатинской области на 1913 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1610863?page=120&rotate=0&theme=white].

¹⁴ *Вотиховская М.П., Кочурина С.А., Перова О.В.* Учительские семинарии и учительские институты западно-Сибирского учебного округа. Сборник документов и материалов. Томск, 2011.

¹⁵ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_75840?page=180&rotate=0&theme=white].

¹⁶ Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1437334/].

¹⁷ Памятная книжка Амурской области за 1904 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_00009_010738766?page=95&rotate=0&theme=white].

перепись 1897 года и в память 300-летия царствования Дома Романовых¹⁸.

В 1918 году семья Васильевых, в которой было уже трое взрослых детей, оказывается в Омске. Федор Алексеевич был назначен наставником Омской учительской семинарии.

Во время сибирских гастролей художника Давида Бурлюка в Омске в 1919 году Федор Алексеевич оказался в числе его почитателей и стал заказчиком портретов дочерей Аллы и Елены (Эли). Портрет Аллы, заказанный Васильевым, украшает сейчас постоянную экспозицию Омского музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля¹⁹.

Написанные маслом портреты Аллы и Эли с частью своей коллекции Федор Васильев показал на третьей весенней выставке Общества художников Степного края, которая открылась в апреле 1919 года. Из каталога известно, что он был художником-любителем²⁰.

Сын Федора Алексеевича — Сергей (1898–1937) в 1921 году, после участия в Гражданской войне в качестве начальника Политотдела 32-й и 38-й дивизий Рабоче-крестьянской Красной армии на Юго-Востоке России и редакторской работы в многочисленных революционных изданиях, оказывается в Москве для продолжения учебы в Институте красной профессуры²¹.

К нему в Москву перебираются сестры — Елена (1897 — не ранее 1963) и Алла (1902–1991). Позже к ним присоединяются родители. Справочник «Вся Москва» второй половины 1920-х годов называет

¹⁸ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/002676_000027_D3BAF829-CDDB-4FC0-BEC7-2B813E092A77?page=401&rotate=0&theme=white].

¹⁹ *Девятьярова И.Г.* Давид Бурлюк: Сибирское турне. Новые материалы из Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Декабрьские диалоги. Вып. 20. Материалы Всероссийской научной конференции памяти Ф.В. Мелехина (6–7 декабря 2015 года). Омск, 2017. С. 39–42; *Девятьярова И.Г., Нехотин В.В.* Литературное окружение Давида Бурлюка в Омске (1919). К истории «Большого сибирского турне» // Декабрьские диалоги. Вып. 20. С. 44–50.

²⁰ Общество художников и любителей изящных искусств Степного края. Третья весенняя выставка: каталог. Омск, 1919. С. 6; *Н.Р.* Весенняя выставка // Сибирская речь. 29(16).04.1919 (№ 89). С. 4.

²¹ Архив Российской академии наук. Москва. Ф. 154. Оп. 2. Д. 5. Л. 8.

адреса семьи Васильевых в эти годы²². В справочнике Федор Алексеевич указан как сотрудник Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского²³.

Летом 1923 года он совершает поездку на свою родину, в Опочку, посещает пушкинские места, встречается с теми, кто жил в Колонии престарелых литераторов до ее разорения²⁴. На основе этих впечатлений в «Серии сборников по организации общеобразовательных экскурсий» был издан путеводитель «Пушкинские уголки Псковской губернии» тиражом четыре тысячи экземпляров, который продолжают цитировать пушкинисты и краеведы в XXI веке. Экземпляры путеводителя хранятся в библиотеках, музеях и университетах по всему миру: в Японии, США, Израиле, Чехии, Белоруссии, Узбекистане и во всех крупных библиотеках России²⁵.

Прежде чем окончательно отредактировать свой путеводитель, Федор Алексеевич обращается в письме от 17 марта 1924 года к Варваре Васильевне Тимофеевой (Починковской), литератору, мемуаристке, автору воспоминаний «Шесть лет в Михайловском», которая была очевидицей всего, что происходило в Святых Горах на протяжении 1910–1920-х годов: «...Глубокоуважаемая Варвара Васильевна! Когда я посетил Вас в Святых Горах, экскурсируя по пушкинским местам, то имел удовольствие заслушать некоторые страницы Ваших воспоминаний, связанных с разгромом Михайловского. Очень прошу дать, как материал, фактические данные об этом варварском моменте, мне нужны факты, только факты, рисующие картину происшествия. Я выпускаю методико-экскурсионную книжечку для проведения экскурсий в пушкинских местах и нуждаюсь в материале для освещения этого тяжелого события...»²⁶

²² Вся Москва. 1925 год // Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003180499?page=1552&rotate=0&theme=white].

²³ Там же.

²⁴ *Васильев-Ушкуйник Ф.А.* Пушкинские уголки Псковской губернии.

²⁵ Российская национальная библиотека. Электронный каталог [Электронный ресурс: https://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=07NLR_VU1&docId=&fromSitemap=1&afterPDS=true].

²⁶ *Кошценко И.* Путеводитель В.В. Тимофеевой «Пушкинский уголок прежде и теперь» // Михайловская пушкиниана. Вып. 69. Сельцо Михайловское, 2017. С. 217.

То, что интерес Федора Алексеевича к Пушкину и всему, что с ним связано, был не случаен, указывает его переписка с В.Д. Бонч-Бруевичем, следы которой хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В своем ответном письме от 13 мая 1933 года Бонч-Бруевич благодарит его за сообщение об архиве, который остался у вдовы пушкиниста Л.С. Гинзбурга, а также настойчиво просит посетить ее с целью изучения этого архива и возможности приобрести архив для Гослитмузея.

В письме Бонч-Бруевич сообщает: «...Вашу книжку о Пушкинских уголках с удовольствием сегодня же прочту, ранее я ее не видел. На «Заповедники» Пушкина, конечно, надо будет обратить внимание, и я убежден, что когда наш Музей (Государственный Литературный музей) превратится в титульное учреждение и будет разворачиваться в своей деятельности, то мы и эту сторону дела хорошенько выправим и устроим»²⁷.

В Институте русской литературы РАН, Государственном литературном музее и Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся письма Федора Алексеевича на разные темы. Например, в Государственном литературном музее есть его заявление 1926 года о приеме в литературное общество «Никитинские субботники»²⁸.

Переписка, хранящаяся в РГАЛИ, рассказывает о том, что Федор Алексеевич в течение нескольких лет глубоко интересовался творчеством писателя Ф.К. Сологуба (1863–1927)²⁹.

Последнее письмо Васильева из РГАЛИ написано детской рукой с трогательными орфографическими ошибками. Федор Алексеевич ссылается на свою болезнь. Именно в 1939 году умирает его многолетняя спутница жизни — Мария Михайловна (1872–1939). После всех перенесенных испытаний заболевает и он сам, тогда письма за него начинают писать внуки — Гай Протопопов и, возможно, Вадим Минухин³⁰.

Скончался Федор Алексеевич в городе Верхнеуральске Челябинской области в 1942 году, где оказался в эвакуации вместе с большой

²⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 612. Оп. 1. Д. 565.

²⁸ Архив Гослитмузея. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 64.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 565.

семьей своей дочери Елены³¹. Изучив весь доступный на сегодняшний день архивный материал о Федоре Алексеевиче Васильеве, невозможно остаться безучастным к его судьбе и к трагическим судьбам членов его семьи.

Благодаря вновь открытому фотоархиву Васильевых мы можем внимательно рассмотреть облик того, кто стоял у истоков музея-заповедника «Михайловское» и с любовью и вниманием составил замечательный путеводитель «Пушкинские уголки Псковской губернии».

³¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 99. Л. 51.

Коллежский ассессор Федор Алексеевич Васильев (1871–1942) — инспектор народных училищ Амурской области. Благовещенск, 1904 год. Из личного архива автора

*Преподаватели Семипалатинской учительской семинарии.
Семипалатинск, 1909–1911 годы. Из личного архива автора*

*Ф.А. Васильев с женой и друзьями на природе.
Место и год снимка неизвестны
(конец XIX века). Из личного архива автора*

*Мария Михайловна, будущая супруга учителя народных училищ
Ф.А. Васильева. Псков, 1894 год.
Из личного архива автора*

*М.М. Васильева (1872–1939), супруга инспектора народных училищ
Амурской области Ф.А. Васильева. Благовещенск, около 1904 года.
Из личного архива автора*

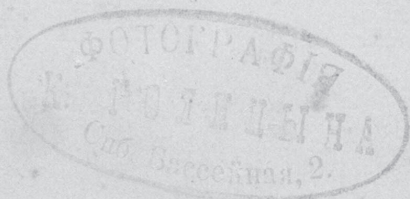
*М.М. Васильева с детьми Еленой и Сергеем в городе Влоцлавке.
1900 год. Из личного архива автора*

Открытка из фотоархива Ф.А. Васильева о посещении Святогорского монастыря в 1896 году. Из личного архива автора

6го мая 1896г. поспешно из
написать о предвзвѣннѣ въ Свят
тогорского монастыря отъ
о. настоятеля, сего монаха
Година.

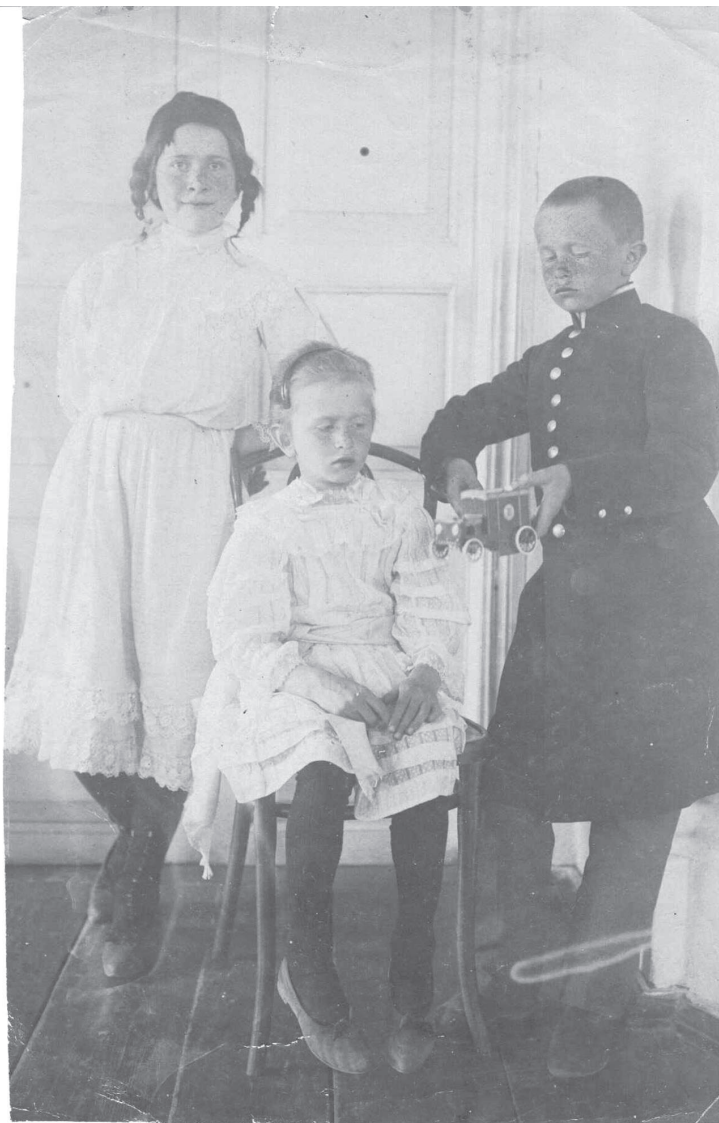
« Пошлите мне безъ отговорок
какие-либо сведения о монахе,
но прежде въ Россіи были пойма
и провѣдъ двубагъ друга »

Открытка из фотоархива Ф.А. Васильева о посещении
Святогорского монастыря (оборот). Из личного архива автора

*Елена Васильева (1897 — не ранее 1963). Около 1914 года.
Из личного архива автора*

*Дети наставника Семипалатинской учительской семинарии Ф.А. Васильева.
Семипалатинск, 1909–1913 годы. Из личного архива автора*

*Алла Васильева. Фотография из личного дела из ВХУТЕМАСа. 1922 год.
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)*

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1871

Очерк ро- дственных линий	Место и день		Имена роди- вшихся.	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого званно- вания.	Звание, имя, отчество и фамилия покрестников.
	Место рождения	Место и день			
23	7	3. Свободы	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	
24	10	12. Свободы	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	
25	3	13. Монахи	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	
26	12	14. Монахи	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	
27	11	14. Монахи	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	
28	12	14. Свободы	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	
29	12	14. Свободы	Иван Иванович Васильев	Мать его вдова, и дядя Климентий Иванович Васильев, и дядя Иван Иванович Васильев, дядя Иван Иванович Васильев.	

Метрическая книга Свято-Троицкого храма города Острова от 1871 года.
Запись о рождении сына крестьянина Федора Васильева.
Государственный архив Псковской области (ГАПО).
Ф. 39. Оп. 4. Д. 265. Л. 9 об.

ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О РОДИВШИХСЯ	
Кто совершалъ таинство крещенія	Рукоприкладство свидѣтелей записи по желанию
<p>Въ свѣдѣніи Федора Васильева, <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	
<p>Мотинера Оскара Владимировича <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	
<p>Мотинера Оскара Владимировича <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	
<p>Въ свѣдѣніи Федора Васильева <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	
<p>Мотинера Оскара Владимировича <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	
<p>Мотинера Оскара Владимировича <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	
<p>Мотинера Оскара Владимировича <small>Въ свѣдѣніи Федора Васильева</small> Федора Фроима Васильева. <small>Полномочатъ Алексѣи Васильева</small></p>	

Метрическая книга Свято-Троицкого храма о рождении Федора Васильева.
 Вторая часть записи. ГАПО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 265. Л. 10

3) Ершовъ Иванъ Дмитриевичъ,
24½ года, сынъ крестьянина Новгород-
ского уезда, кончилъ курсы въ Новгород-
ской учительской школѣ и былъ два
года каровымъ учителемъ въ Ново-
родской губерніи.

Очень хорошо изучилъ по всемъ пред-
метамъ, имѣетъ способности и три-
мелковъ. Къ школьному труду больше по
наружности, но безъ себя отменно.
Характеръ несколько меланхоли-
чeskій, но разговорливъ и по обществу-
мелкъ; но давалъ уроки очень толково.
Къ исполнительнымъ способностямъ не
имѣетъ.

Состоитъ въ запасъ и подполковникъ
призыву въ 1891 году.

Полковникъ Петръ Ивановичъ
Городъ уланъ со 13 снт. 1891 года.

4) Васильевъ Федоръ Алексеевичъ,
20 летъ, сынъ крестьянина Опо-
тецкаго уезда Тесовской губерніи,
кончилъ курсы въ Ополецкомъ городскомъ
училищѣ и оставался тамъ лишній
годъ. По документамъ оставался два года
въ первомъ классѣ.

Учился хорошо и имѣетъ способности,
но былъ не всегда прилеженъ. Безъ
себя танцевать хорошо, однако иногда былъ
замеченъ въ невольномъ ~~отхожденіи~~
къ обращенію къ преподавателямъ. Ха-
рактеръ несколько строптивый и
неуживчивый. Завалит уроки очень
хорошо и любитъ играть. Часто фран-
говалъ на головныхъ боляхъ и вралъ ~~забав-~~
ный, у него замечалъ расстройство
первого. Я не буду удивленъ, если онъ съ
ума сойдетъ. Отлично работалъ по
музыкальной трубу и играетъ на
скрипкѣ. Состоитъ на гимнаст. курсахъ.

Нарочная учительская
въ Олонецкое Город.
Училищу, съ 15 Авг.

Характеристика воспитанника
Петербургскаго учительскаго института Ф.А. Васильева, ЦГИА

С-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
УЧИТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТЪ.

1. Юни 1891.

№ 311

С.-Петербургъ.

АТТЕСТАТЪ

Отъ Педагогическаго Совѣта С.-Петербургскаго Учительскаго Института, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 31 Мая 1872 года Положенія объ Учительскихъ Институтахъ, выданъ сей аттестатъ названному воспитанику Учительскаго Института

Одору Александровичу Васильеву

въ томъ, что онъ, при отличномъ поведеніи, оказалъ усѣбхи:

- Въ Законѣ Божіемъ 4.
- Педагогикѣ и дидактикѣ 4.
- Русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ 4.
- Математикѣ (арифметикѣ, алгебрѣ и геометріи). 3.
- Исторіи 4.
- Географіи 5.
- Естественнѣйшимъ 4.
- Физикѣ 4.
- Нѣмецкомъ языкѣ —
- Черченіи, чистописаніи и рисованіи 5.
- Пѣніи 4.
- Гимнастикѣ 5.

Вслѣдствіе чего онъ, *Васильевъ*, удостоивается званія учителя городского училища и, при вступленіи на означенную должность, въ которой обязанъ прослужить, по назначенію учебнаго начальства, не менѣе шести лѣтъ, считая со времени выпуска изъ института, имѣть пользоваться всеми правами, той должности присвоенными; въ отношеніи же отбыванія воинской повинности онъ пользуется правами, означенными въ 1 пунктѣ 56 ст. Устава о воинской повинности.

Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта, Директоръ

см. аттестатъ Ѳдыкова.

Члены Педагогическаго Совѣта:

Васильевъ

Аттестат № 311 от 1891 года Ф.А. Васильева об окончании
Петербургского учительского института. ЦГИА

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ

под редакцией:

Ашукина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, В. Г., Устинова, И. В.

Выпуск IX

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ-УШКУЙНИК

*Глубоко уважаемая Ольга Драстова
ка посылать об уголки в юбилейные
дни 12-16 сент. 1924г. от автора*

ПУШКИНСКИЕ УГОЛКИ

Васильев

ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

*"Многого замечало. Многие узнал.
Много духи чувству по краю земли.
Но остались песни и остались дни."
А. Блок.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВ, и-ки бр. САЛАЕВЫХ“

МОСКВА—1924 г.

Обложка путеводителя «Пушкинские уголки Псковской губернии»
с автографом автора, адресованным О.Э. Озаровской. 1924 год.
Из собрания Музея-квартиры А.С. Пушкина в Петербурге

Автобиография.

Родился в 1898 г. в сентябре месяце в г. Омске Николаевой губернии. Отец был учителем, мать — учительницей. Детство начал с 6 лет в казенной школе. В 12 лет поступил в первый класс Павловской гимназии, откуда вскоре был вынужден перевестись в Сибирскую, в которую перешел до 6-го класса. Оттуда ушел в Томскую гимназию в 1916 г. и поступил в Томский Технологический Институт на химический факультет.

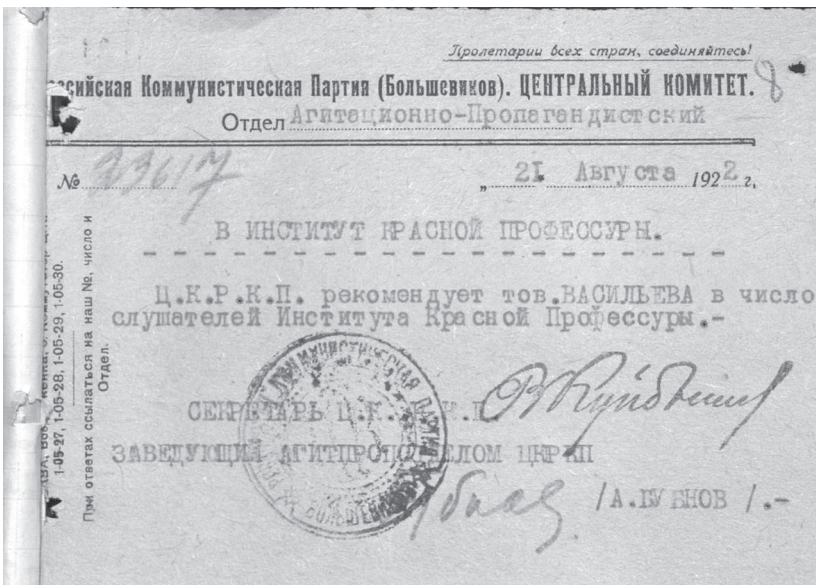
В Томске в 1916 г. вошел в организацию партии С.Р., в которой работал до мая 1917 г. принимал участие в работе коммунистической группы. Период перенесения домашних обязанностей коммунистической работой.

С началом работы партии партии С.Р. я перешел в Кемерово, где работал в редакции ~~местного~~ ^{местного} ~~экономического~~ органа. Занимался по поручению Крайнего С.Р. партией там перешел в Саратов, где был членом ред. коллегии партийного органа партии, «Власть Революции».

Позже в организацию «агробуржуйки» партии левых-экономистов Ч.К. в 1917 г. член ~~муниципальной~~ ^{муниципальной} ~~экономического~~ ^{экономического} органа. Занимался (Рудник, Диндик, Колман, Вильямс и др.) партией в Р.К.К.

После этого Ч.К.К. в Саратове я работал там в музее и занимался в газете редактора или члена ред. коллегии и вел литературную работу. В 1918 г. добровольцем ушел на фронт в военную службу, где вел коммунистическую работу в дивизионных газетах. Демобилизованный в 1920 г. я был назначен заместителем Каменского Крайнего Комитета Ч.К. (Кабатова Ч.К.) и редактировал его орган. В 1920 г. с переводом в Каменского Район в Ростов н/Д. и редактировал его в «Революционный Мисс Доуна», а редактировал его орган «Советский Юг», пока в 1921 г. не был назначен Кабатова в Грузию, где занялся

Автобиография С. Ф. Васильева при поступлении
в Институт красной профессуры в 1922 году.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Ф. Р-5205. Оп. 2. Д. 294. Л. 9

*Рекомендация С.Ф. Васильеву за подписью В. Куйбышева
для поступления в Институт красной профессуры в 1922 году.
ГАРФ. Ф. Р-5205. Оп. 2. Д. 294. Л. 8*

По заполнению подлежит обязательному
возвращению в ЦК ВКП (б).

Заполняется чернилами исключительно
на русском языке.

ОТЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
на п./б. № 0609366

Фамилия Васильев

Имя и отчество Сергей Федорович

Год рождения 1898г

Время вступления в партию 17 - 1918г

Наименование организации, выдавшей билет Сборг
Комиссия Моск. ВКП(б) Органа

М. П. Секретарь Васильев
Парткома

Личная подпись получившего на руки партбилет Васильев

Время выдачи партбилета 18/III 1924 г.

Отчетная карточка С.Ф. Васильева, члена ВКП(б) с 1918 года.
Российский государственный архив социально-политической истории
(РГАСПИ). Ф. 4019. Оп. 1. Д. 1

РОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
УПРАВЛЕНИЕ НКВД ССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 11089

04 мая дня 1938 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела УГБ
Управления НКВД ССР по Московской области

Рязанькову на производство
арест - розыск

Васильевой
Аллу Федоровну

адресу: Б-Ордынка 13/9 кв 3

ПРИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать
содействие в исполнении ордера, полное содействие для успешного
исполнения

Нач. Управления НКВД ССР
по Московской области

Начальник 2-го отдела УГБ
Упр. НКВД ССР по МО

Зач. 300

Ордер на арест А.Ф. Васильевой (1902–1991) в 1938 году.
ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 24547

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА 299363 16

Особого совещания при Нарбедном комиссаре внутренних дел СССР

от " 15 " ИЮЛЯ 193 8 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
154: Дело № 6515/МО - о ВАСИЛЬЕВОЙ Алле Федоров- не, 1902 г.р.	ВАСИЛЬЕВУ Аллу Федоровну - как члена семьи изменника родины - заключить в исправ- трудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, сч. срок с 31.У-38 г. Дело сдать в архив.

Отв. секретарь Особого совещания

Т. им. Воровского. Н. 13015

Выписка из протокола А.Ф. Васильевой.
ГАРФ, Ф. 10035. Оп. 1. Д. 24547

ПУШКИНСКИЙ КАБИНЕТ В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

В 1934 году в библиотеке Пушкинского Дома Академии наук СССР в Ленинграде был организован Пушкинский кабинет — специальный отдел, в котором были собраны издания по пушкиноведению.

Пушкинский Дом был учрежден в Петербурге в 1905 году в память о Пушкине и с целью собирания и изучения всего, что имеет отношение к жизни и творчеству поэта, а также к изучению русской литературы в ее связях с мировой культурой. СобираТЕЛЬСКАЯ история Пушкинского Дома началась с приобретения личной библиотеки Пушкина, которая и положила начало уникальному книжному собранию по разным областям филологии, которое насчитывает сейчас более 800 000 экземпляров¹.

Первоначально библиотека Пушкинского Дома пополнялась в основном за счет пожертвований. Ее функционирование в первые годы было непростым: до получения постоянного места в здании на Тучковой набережной (ныне набережной адмирала Макарова) Пушкинский Дом несколько раз менял адреса, при этом книги часто находились в неразобранном и запакованном виде. В 1927 году Пушкинский Дом обосновался в здании бывшей таможни, библиотека разместилась в хранилище на первом этаже. Фонд ее насчитывал в это время более 120 000 экземпляров и был сформирован по тематическим и персональным коллекциям. В 1930 году библиотека Пушкинского Дома стала одним из отделов Библиотеки Академии наук, что повлекло за собой введение новых правил учета, шифрования и комплектования фонда.

Несмотря на сложности первого периода существования библиотеки, уже в начале 1920-х годов сотрудниками Пушкинского Дома высказывались предложения об организации самостоятельного, пушкинского отдела библиотеки. Такое подразделение должно было стать «подсобным аппаратом для научно-исследовательских работ»². Условия для соз-

¹ Бахарева Г.В. «Даруй мне тишь твоих библиотек...» // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 371–381.

² Положение об Отделе книжных собраний Пушкинского Дома (Библиотеке). Цит по: Беляев Н.С. История библиотеки Пушкинского Дома: 1906–2016. СПб., 2019. С. 39.

дания персонального отдела имелись, поскольку в библиотеке уже был сформирован фонд, в который входили издания сочинений Пушкина, русская и иностранная пушкиноведческая литература и переводы сочинений Пушкина. В плане работы библиотеки на 1929 год впервые был упомянут «Кабинет пушкинской эпохи», организация которого и осуществилась в 1934 году.

В начале 1930-х годов в нашей стране началась подготовка к столетней годовщине со дня гибели Пушкина. В плане памятных мероприятий было издание академического полного собрания сочинений Пушкина. По постановлению Совнаркома «Об ознаменовании столетия со дня гибели А.С. Пушкина», опубликованного в декабре 1935 года, это собрание сочинений должно было быть выпущено к 1937 году. Уже на этапе планирования стало очевидным, что в такие краткие сроки издание выпустить невозможно. Впоследствии работа над ним была прервана войной, и последние тома шестнадцатитомника вышли в 1949 году — уже к юбилею со дня рождения Пушкина. С 1930 года при Пушкинском Доме работала комиссия по изданию сочинений Пушкина и, переименованный в этом же году в научно-исследовательский Институт литературы, Пушкинский Дом с 1933 года стал ведущей организацией по подготовке академического издания.

Для успешной работы над полным собранием сочинений Пушкина и был основан Пушкинский кабинет. Такой кабинет представлялся создателям, и прежде всего — заведующему библиотекой, С.Д. Балухатому, аналогом рабочей комнаты ученого с удобно организованным книжным фондом, рабочими местами и справочным аппаратом в виде разнообразных каталогов и картотек. Организацией такого кабинета стала заниматься первая его заведующая — Л.Г. Гринберг.

Кроме личной библиотеки Пушкина, которая хранилась как отдельное, особо ценное собрание и не входила в состав Пушкинского кабинета, библиотека института в это время располагала двумя коллекционными пушкинианами, которые собирались в течение нескольких десятилетий. В 1918 году в Пушкинский Дом поступило собрание Музея императорского Александровского лицея, книжная часть которого составляла более 2 000 наименований³. С 1928 в Пушкинском Доме находился парижский музей А.Ф. Онегина, пушкиниана которого

³ *Аснаш С.М., Яхонтов А.Н.* Описание Пушкинского музея Александровского лицея. СПб., 1899.

насчитывала также около 2 000 томов⁴. Эти книги были собраны в единый фонд и расставлены на библиотечных полках в соответствии с содержанием и рядом формальных признаков. Принадлежность к музейной или частной коллекции в расчет не принималась, поскольку важно было подобрать тематический фонд, в котором приоритетом было содержание книг, а не их владельческое происхождение.

Первоначально пушкиниана находилась в помещении общего книгохранилища. При поступлении книг в Пушкинский Дом, как и при поступлении книг в любую государственную библиотеку, на них составлялась карточка с полным библиографическим описанием, которая включалась в каталог. Однако для научной работы в области пушкиноведения необходимо было сделать специальные каталоги и сформировать систему картотек, соответствующих специфике читательских запросов и, по возможности, построенную так, чтобы максимально быстро находить публикации по конкретной теме. Это было важной и методически сложной задачей. Еще одной задачей было пополнение пушкинианы книгами из общего фонда библиотеки, имевшими отношение к истории русской литературы пушкинского периода: периодикой, альманахами, книгами XVIII века, известными Пушкину как читателю, исследованиями по истории русской литературы. Фонд кабинета дополнялся и нехарактерными для обычной библиотеки видами печатных изданий: оттисками из журналов и сборников, а также газетными вырезками, которые расклеивались в альбомы.

Единственным вариантом библиотечного справочного аппарата в то время были карточные каталоги, построенные по алфавиту, хронологии, видам изданий и их тематике. Поскольку речь шла о подготовке комментированного издания полного собрания сочинений, то в первую очередь нужно было составить картотеки, отражающие издания текстов Пушкина и представлявшие полную историю этих публикаций — от прижизненных до советских. Вторым направлением работы было формирование каталогов и картотек, раскрывающих содержание исследований, посвященных жизни и творчеству Пушкина.

В 1940 году Л.Г. Гринберг опубликовала небольшую статью о библиотеке Пушкинского Дома, большая часть которой посвящалась спра-

⁴ «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А.Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997.

вочному аппарату Пушкинского кабинета⁵. Судя по этой публикации, за первые пять лет работы кабинета был не только тщательно подобран пушкинский фонд, но и создана сложная система каталогов и картотек. Она состояла из нескольких взаимосвязанных разделов, организованных по разным принципам и разносторонне раскрывающих особенности книжного собрания.

Обобщая краткий обзор Л.Г. Гринберг, можно сделать вывод о том, что каталоги и картотеки кабинета формировались по двум направлениям: формальному и содержательному. Первые фиксировали факт существования публикации и ее формальные особенности (год издания, авторский коллектив, иллюстрации); вторые раскрывали тему и содержание публикации. Одно и то же издание могло включаться в разные тематические картотеки.

К формальной части относились алфавитная картотека изданий сочинений Пушкина, хронологические погодные росписи новой литературы, каталоги факсимиле, иллюстраций, переводов и нот. Формальным, построенным в алфавите авторов и заглавий, был и общий каталог «Литература о Пушкине». Он содержал основные сведения о публикациях, содержание которых подробно отражалось в двух предметных картотеках: «Литература о произведениях Пушкина» и «Литература о жизни и творчестве Пушкина». Эти картотеки строились в алфавите рубрик, за каждой из которых собирались сведения о публикациях по теме рубрики. В картотеке «Литература о произведениях» рубрикой являлось название пушкинского текста, в картотеке «Литература о жизни и творчестве» — общепринятое понятие, имеющее отношение к Пушкину. Рубрикой в этой картотеке мог быть научный термин, географическое название, историческое событие, биографический факт или персоналия.

Объектом библиографирования была отдельная книга, отдельная статья или отдельный документ. Составляя первоначальное основное описание публикации или издания, библиотекарь определял количество рубрик и дублировал карточки, которые отличались друг от друга верхней строкой, на которой записывалась рубрика, и, при необходимости, конкретной аннотацией. Для того, чтобы вся информация о публикации помещалась на лицевой стороне библиотечной карточки, для каталогов использовались карточки большого формата. Количество дублирован-

⁵ Гринберг Л.Г. Библиотека Института литературы Академии наук СССР // Советская библиография. М., 1940. Сб. 1(18). С. 198–199.

ных карточек колебалось от нескольких штук до нескольких сотен. До 1990-х годов эта работа велась вручную, и каталог кабинета — это рукописный памятник библиотечным работникам Пушкинского Дома.

Система каталогов, основанная в тридцатые годы, сохранена и успешно используется в настоящее время. Предметные картотеки позволяют быстро находить литературу по конкретному запросу, формальные дают информацию по видам публикаций и хронологии⁶. Единственное изменение коснулось алфавитного каталога «Литература о Пушкине», который был слит с одноименной предметной картотеккой. Теперь в этой картотеке в едином алфавите находятся и авторские описания, и предметные рубрики. Предметные картотеки и каталоги оказались удобными для научной библиотеки, посвященной творчеству одного писателя. Процесс поиска в таких каталогах аналогичен поиску в современных электронных поисковых системах.

Дополнительным справочным источником в Пушкинском кабинете является собрание оттисков, ксероксов и вырезок из журналов и книжных изданий — то есть малых печатных форм, из которых формируются тематические подборки. Эти подборки не всегда соответствуют рубрикам каталога и могут дать первоначальное представление о конкретной проблеме, ускорить поиск публикаций по нужной тематике или представить коллекцию определенного вида изданий. Есть среди них и подборки, которые невозможно быстро найти в каталоге, например, «Критика современников Пушкина», «Публичные чтения», «Стихи о Пушкине», «Программы спектаклей», «Юбилейные статьи» определенного года.

В 1956 году в Пушкинском Доме впервые за его историю была организован отдел пушкиноведения. Пушкинский кабинет получил отдельное помещение, в котором разместились шкафы с книгами и рабочие столы пушкиноведов. Так он фактически стал рабочей комнатой для ученых, как и было задумано при его основании. Работа библиотекаря усложнилась, поскольку нужно было не только заниматься фондом и каталогами кабинета, но и вести ежедневную работу по обслуживанию сотрудников отдела и сторонних читателей, принимать участие в плановых работах института: библиографическом сопровождении публикаций, подборе иллюстраций, организации книжных выставок, составлении вспомогательных указателей к трудам отдела пушкиноведения.

⁶ Характеристику каталогов и картотек см.: [Левкович Я.Л.] Пушкинский кабинет // 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. С. 51–53.

К 1956 году фонд кабинета насчитывал 15 000 единиц. Его пополнение велось за счет даров и централизованного комплектования через Библиотеку Академии наук. Однако к 1970-м годам стало очевидно, что собрать полную коллекцию современной пушкиноведческой литературы невозможно, и в каталоги кабинета стали включаться сведения о публикациях и изданиях, которых ни в кабинете, ни в библиотеке Пушкинского Дома не было. Эти материалы выявлялись при изучении выставок новых книжных поступлений в Библиотеке Академии наук и при просмотре текущих библиографических указателей по гуманитарным областям знания. Таким образом, библиотекарь кабинета фактически выполнял первоначальный этап филологической работы: поиск и аннотирование научной и ненаучной литературы, которой в области пушкиноведения было весьма много.

С 1963 года в институте выпускался «Временник Пушкинской комиссии», в котором печатались ежегодные обзоры новой литературы по пушкиноведению, подготовленные библиотекарем Пушкинского кабинета. Многие годы эту работу выполняла В.В. Зайцева. Совместными усилиями ученых института и сотрудников библиотеки в 1950-е — 1970-е годы было подготовлено несколько справочников под общим названием «Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем», учитывающих публикации за 1937–1957 годы; в основе этих изданий были сведения из картотек и каталогов Пушкинского кабинета.

В начале 1990-х годов по инициативе заведующего Отделом пушкиноведения С.А. Фомичева руководство Пушкинского Дома выделило средства на создание электронного каталога Пушкинского кабинета. С 1994 года все новые поступления вносятся в этот каталог. Поначалу библиографические записи из электронного каталога распечатывались для вливания в карточные каталоги и картотеки, но с 2000 года эта работа была прекращена, и теперь читательские запросы выполняются по двум источникам — карточным и электронным. Электронный каталог пополняется за счет записей о новых публикациях и ввода сведений из карточных каталогов. К настоящему времени база данных электронного каталога содержит более 55 000 записей. В перспективе планируется полный ввод сведений из карточного каталога в электронный и представление этих данных на сайте Пушкинского Дома.

Основанный для выполнения «производственной задачи» по изданию собрания сочинений, Пушкинский кабинет постепенно стал специальной пушкиноведческой библиотекой, в которой собран уникальный

книжный фонд, обеспеченный удобным справочно-библиографическим аппаратом. Услугами Пушкинского кабинета пользуются не только сотрудники Пушкинского Дома, но и ученые из разных стран, аспиранты, учителя, работники культуры, краеведы и любители пушкинского творчества.

С начала 2001 года Пушкинский кабинет занимает большое помещение, в котором есть хранилище и читальный зал с фондом открытого доступа и каталогами. В настоящее время общий фонд кабинета составляет более 25 000 печатных изданий, опубликованных от конца XVIII века и до настоящего времени. Это книги, брошюры, журналы, книжные и журнальные оттиски, ксерокопии, буклеты, листовки и газеты.

Самая большая ценность кабинета — полное собрание прижизненных изданий Пушкина. Почти полное собрание изданий Пушкина XIX века происходит из Александровского лицея и онегинской пушкинианы, из личных библиотек пушкинистов — П.А. Ефремова, Б.Л. Модзалевского, П.Е. Щеголева. Библиофильские экземпляры из собраний П.Е. Рейнбота и А.Ф. Онегина могут удивить любителей художественных переплетов. Многие книги содержат маргиналии и экслибрисы владельцев. Большая коллекция иллюстрированных изданий произведений Пушкина была использована при составлении двухтомного каталога «А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации» (М., 1987).

Особый фонд — собрание отдельных выпусков журналов, посвященных Пушкину, на русском и иностранных языках. Ценным фондом является и собрание авторефератов диссертаций, насчитывающее более 300 экземпляров, по которому можно проследить этапы развития отечественного пушкиноведения. В отдельное собрание выделена коллекция миниатюрных изданий, самые малоформатные из которых принадлежали А.Ф. Онегину — это «Все поэмы» и «Евгений Онегин» в издании М. Шольца (Варшава, 1899) размером 1,7 × 2,5 см.

В кабинете есть коллекция иноязычной пушкинианы и переводов Пушкина, а также небольшое собрание публикаций из периодики русского зарубежья 1920–1940-х годов. В отдельные фонды выделены личные библиотеки пушкинистов Н.В. Измайлова и М.А. Цявловского, а также зарубежная пушкиниана из собрания Л. и С. Варсоно.

Образованный в 1930-е годы фонд газетных вырезок, расклеенных в альбомы, также представляет интерес, поскольку дает богатейший ма-

териал для изучения не только пушкиноведения, но и истории нашей страны. Этот фонд дополняется отдельными выпусками газет, целиком посвященных Пушкину.

Рассказ об изданиях, уникальных по автографам, художественному оформлению, переплетам или владельцам, — отдельная книговедческая и библиофильская тема. Основными задачами Пушкинского кабинета остаются сбережение и пополнение фонда и формирование информационной базы данных о публикациях по пушкиноведению для обеспечения успешной работы филологов, занимающихся историей русской литературы первой трети XIX века.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ПУШКИН И ВОЙНА»

Представляемая на суд читателей книга «Пушкин и война» во всём необычна. Главная ее необычность в том, что в ней впервые публикуется доклад известного пушкиниста XX века Н.А. Раевского, который так и называется: «Пушкин и война». Необычность книги обусловлена еще и тем, что, во-первых, это редкая нынче по форме книга в виде журнального варианта. Она вышла как приложение к приобретаемому заметную известность в России литературному альманаху «Кавказ» творческой лаборатории Л.Г. Берберова (выпуск № 12).

Во-вторых, необычность книги предопределена величайшей актуальностью темы, разработанной Н.А. Раевским, в основу которой положено исследование пушкинского «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года». Нет у Пушкина больше столь актуального в наши дни произведения патриотического, политического и исторического характера, чем это «Путешествие». Ну, если только еще его стихотворение «Клеветникам России».

Николай Алексеевич Раевский свой доклад «Пушкин и война» представил в Праге в 1937 году на собрании членов Галлиполийского землячества в Чехословакии и сотрудников Славянского института, посвященном 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина.

Но причиной написания доклада стали не только юбилейные памятные пушкинские мероприятия. Это был скорее повод. Причиной стала надвигающаяся на Европу угроза новой мировой войны, с ее явной антисоветской, а для Раевского антирусской направленностью.

Артиллерийский капитан из Дроздовской дивизии Белой армии Врангеля Николай Раевский, успевший пройти и Первую мировую и Гражданскую войны, реально представлял масштаб возможных катастрофических последствий этой войны. Как понимал и ее роковую неизбежность. Раевский написал эту уникальную исследовательскую работу, словно пытаясь призвать в свидетели величайшего гения Пушкина, а вернее — стремясь придать вес своим мыслям о пагубности войны и тем самым попытаться остановить всё сильнее разгорающийся в Европе пожар. Дело в том, что, эпицентр этого пожара располагался как раз вокруг Чехословакии, а роль поджигателя-провокаatora сыграла... Польша!

Тогда попытка остановить начало Второй мировой войны не удалась.

В наши дни в Европе реализуется очень похожий сценарий. Состав «военного оркестра» прежний: Англия, Франция, Германия, Турция, Польша, Чехия, только вот заглавную роль дирижера, подтолкнувшего Украину к вооруженному противостоянию с ЛНР и ДНР, исполняют США. Да появились новые солисты этого «оркестра» — страны Прибалтики, Молдавия и совершенно «свободная» Грузия. Слава богу, Вооруженные силы России начали специальную военную операцию, носящую упредительный характер. Может быть, современная публикация доклада Н.А. Раевского «Пушкин и война» позволит в этот раз хотя бы предупредить жителей Европы о возможном начале Третьей мировой войны. А какой она может быть и что может послужить ее спусковым крючком, мной изложено в отдельной главе книги: «Размышления о войне активного участника «холодной войны» на море, отставного контр-адмирала Российского флота». Последнее можно отнести к третьей необычности представляемой книги.

Несколько слов о Н.А. Раевском. Его имя как пушкиниста неожиданно зазвучало в нашей стране после того, как увидели свет написанные им две замечательные книги о Пушкине и его окружении. Удивляло то, что Н.А. Раевский смог завершить и опубликовать свою первую книгу о Пушкине «Если заговорят портреты» (1964) только в возрасте 70 лет. Через десять лет в продолжение темы он выпустил вторую книгу — «Портреты заговорили». Обе книги были изданы издательством «Жазушы» (Алма-Ата). Но при этом биография пушкиниста Н.А. Раевского долгие годы оставалась неизвестна широкой публике. А она крайне интересна и трагична в отношении своего места в эпохе войн XX века. Она значима как жизнь наблюдательного, склонного к серьезному, почти философскому анализу событий человека. Немаловажным является тот факт, что Раевский получил европейское образование и знал пять языков.

Родился Н.А. Раевский в 1894 году в городе Вытегре. После окончания в 1913 году с золотой медалью гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Но тут началась Первая мировая война. По окончании второго курса Раевский добровольно поступает на ускоренные шестимесячные курсы Михайловского артиллерийского училища. В ноябре 1915 года прапорщик Раевский убывает на фронт. Воюет доблестно,

удостаивается боевых орденов Святой Анны и Святого Станислава и воинского звания поручик!

В Гражданской войне он занял сторону Белого движения и так же доблестно сражался в составе армии Врангеля — до эвакуации из Крыма в Турцию. Потом был долгий и трудный путь белоэмигранта через Болгарию в Прагу, где он окончил университет и стал заниматься исследованием жизни и творчества Пушкина.

Что касается доклада Раевского, то пересказывать его нет смысла. Следует отметить, что он написан по результатам исследования пушкинского произведения «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года».

В докладе Раевского, публикуемом в современной транслитерации, обращает на себя внимание отраженная Раевским география: Азербайджан, Армения, Турция, Нагорный Карабах и Россия. Этот клубок интересов и противоречий в Закавказье не только сегодняшней, первой четверти XXI века — но и начала века двадцатого, когда юный артиллерийский прапорщик Н. Раевский участвовал в третьем взятии Эрзурума российскими войсками; но и начала века девятнадцатого, когда в рядах Кавказского отдельного корпуса под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского, бравшего Эрзурум первый раз, находился А.С. Пушкин.

Отмечу только самое важное: в докладе обнаружилось всё то, что я и предполагал прочесть у Н.А. Раевского — офицера, участника Первой мировой и Гражданской войн, прошедшего путем Пушкина через Саганлугский хребет Закавказья, побывавшего на месте боевого крещения Пушкина на берегу речки Инжа-Су и видевшего в 1916 году Эрзурум. Тот самый Эрзурум, который за 83 года, с момента его первого взятия российскими войсками, почти не изменился.

Раевский подчеркивает, что цель поездки Пушкина — не только встреча с друзьями и братом. Великий гуманитарий Пушкин, отталкивавшийся от общечеловеческого понимания ценности жизни и трагичности смерти, хотел понять, почему цена человеческой жизни на войне так легко приравнивается к смерти.

Война и мир — две формы существования человеческой цивилизации. Одна долгая и созидательная, другая короткая и разрушительная. Похоже на то, что их соотношение между собой подвержено изменению по абсолютному времени протекания исторического процесса. На протяжении всей истории развития человечества эти две формы постоянны, а их смены цикличны. Как выйти из этой цикличности? Может ли на-

ступить вечный мир во всём мире — или с начала XXI века цивилизация ступила на грань, за которой неизбежна мировая катастрофа?

Читая доклад Н.А. Раевского, написанный им в 1937 году, абсолютно точно понимаешь, что проблемы войны и мира в ушедшем двадцатом веке те же, что были в веке девятнадцатом; и похоже, они останутся с человечеством и в обозримом будущем в наступившем столетии.

Теперь несколько слов о книге как таковой. В личном фонде Н.А. Раевского, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, находится машинописный текст доклада «Пушкин и война», с которым он, как уже отмечалось, выступал 23 февраля 1937 года в Праге. Согласно учетной фондовой записи № 83, доклад Н.А. Раевского поступил в Пушкинский Дом 14 декабря 1960 года из Праги от А.В. Флоровского, известного историка литературы из Карлова университета. Текст доклада Н.А. Раевского напечатан на пишущей машинке, имеющей дореволюционный шрифт с ятями и ижицами. Бумага тонкая, от времени уже пожелтевшая. Это не первый экземпляр, а напечатанный под копирку второй или третий. Когда было принято решение о подготовке текста доклада Раевского к печати, то стало понятно, что сделать это лучше методом переноса текста с учетом правил современной орфографии. Но ставилась задача, чтобы набранный заново текст в максимальной степени соответствовал пражскому оригиналу 1937 года. Приводимые Раевским в докладе тексты и стихотворения Пушкина были сверены с академическим полным собранием сочинений, и по современным правилам публикации к ним в квадратных скобках указаны номер тома и страницы. Это естественно: когда Раевский работал в Праге над докладом, академического полного собрания сочинений А.С. Пушкина еще не было¹. Кроме того, были учтены постраничные правки машинописного текста, сделанные Раевским, и сохранена нумерация страниц.

В начале 2021 года, в преддверии очередной Северной экспедиции, мной были предприняты решительные меры по завершению книги.

Я, конечно, лишен страха перед мистическими историческими совпадениями, но всё же... Испытания ракет — дело опасное. Да к тому же 8 августа 2019 года на архангельском полигоне «Ненокса» произошел

¹ Полное собрание сочинений Пушкина в 16 томах, приуроченное к столетней годовщине со дня смерти поэта (1937), готовилось с 1933 года при участии виднейших ученых-пушкинистов. Оно было осуществлено издательством Академии наук СССР в 1937–1949 годах; дополнительный семнадцатый том (не имеющий нумерации) увидел свет в 1959 году.

взрыв межконтинентальной крылатой ракеты «Буревестник» с ядерной энергетической установкой. В результате взрыва погибли семь человек, в том числе мой коллега — главный конструктор Вячеслав Яновский из саровского Российского федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики.

В итоге книга родилась быстро. Перенабор обнаруженного в Рукописном отделе Пушкинского Дома текста доклада Н.А. Раевского «Пушкин и война» был завершён 25 декабря 2020 года, редактирование и сличение с оригиналом с внесением необходимых корректур — 28 января 2021 года. Автор получил на руки сигнальный экземпляр книги 16 декабря 2021 года. В итоге — чуть менее года. А если учесть, что за это время моя наплаванность на атомных подводных лодках и надводных кораблях Северного флота составила более трех месяцев, то судите сами о скорости появления книги, вернее, ее журнального варианта: всего чуть более полугода.

Пришлось поднапрячься, и к 20 мая 2021 года весь материал журнального варианта книги «Пушкин и война» был готов. По договоренности он был передан литературному редактору альманаха «Кавказ» творческой лаборатории Л.Г. Берберова. А уже 21 июня я получил на вычитку верстку книги.

Случилось это благодаря личному участию руководителя творческой лаборатории Л.Г. Берберова. Без лишних слов и суеты книга «Пушкин и война» небольшим тиражом была издана в Ессентуках: объем книги — около семи условных печатных листов (страниц — 270), мягкий переплет. Она вышла и как отдельное приложение к альманаху (выпуск № 12).

Книга с публикацией доклада Н.А. Раевского 1937 года «Пушкин и война» состоит из: предисловия составителя («Пушкинист и пушкинисте, о Пушкине и о войне», где отражена автобиография и история его архивного фонда); собственно доклада Н.А. Раевского; примечания к докладу в виде постраничных сносок (по своей сути это и есть научный комментарий, без которого публиковать доклад не имело смысла) и авторских размышлений отставного контр-адмирала Российского флота — активного участника «холодной войны» на море — о войне.

Несмотря на малый формат книги, она снабжена двенадцатью иллюстрациями, большинство из которых публикуется впервые. Научным редактором этой книги выступил научный сотрудник Пушкинского Дома доктор филологических наук профессор С. Денисенко.

* * *

Несколько слов о судьбе архива Н.А. Раевского с пушкинскими материалами, находящегося, как я уже отмечал, в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Института русской литературы (ИРЛИ) РАН). Дело в том, что 11 мая 1945 года Н.А. Раевский был арестован органами СМЕРШ 4-й Гвардейской танковой армии Первого Украинского фронта как бывший белогвардейский офицер и активный член Галлиполийского союза, являвшегося структурным подразделением Русского общевойскового союза в Чехословакии. Во время ареста на квартире в Праге весь пушкинский материал был у него изъят.

Офицер СМЕРШ, производивший арест, капитан Самуил Аронович Плясков, до войны работавший школьным учителем в Николаевской области, очень внимательно отнесся к пушкинским материалам Раевского. Он упаковал их в отдельный чемодан и обеспечил сохранность.

16 июля 1945 года в Бадене близ Вены Н.А. Раевский был осужден военным трибуналом Центральной группы войск на пять лет по статье 58-4б «за связь с мировой буржуазией». Во время суда 1945 года, по информации самого Раевского, его председатель, подполковник юстиции Николай Андреевич Венедиктов, отнесся чрезвычайно участливо к самому Раевскому и бережно — к его уникальному пушкинскому материалу, проявив при этом неплохую эрудированность в творчестве нашего гениального поэта.

В итоге стараний подполковника юстиции Венедиктова весь пушкинский материал Раевского (тот самый отдельный чемодан) в декабре 1946 года попал в Пушкинский Дом Академии наук СССР, где поныне хранится в личном фонде под номером 374.

Вот в этом именном фонде Рукописного отдела Пушкинского Дома и был мной обнаружен доклад «Пушкин и война», сделанный Н.А. Раевским в феврале 1937 года в Праге, ранее нигде не публиковавшийся. Этот доклад является центральным элементом представляемой книги.

Отсидев пять лет в тюрьмах, Раевский, как пораженный в правах, еще несколько лет жил на поселении в Минусинске Красноярского края. Только после завершения этой трагической эпопеи, в конце пятидесятых годов прошлого века, Раевский смог вернуться к работе над пушкинской темой. Приехав в Ленинград, он посетил Пушкинский Дом и получил допуск к своему именному фонду. На основе этих архивных материалов Н.А. Раевскому удалось написать сначала большую статью «В замке А.Н. Фризенгоф-Гончаровой», напечатанную в 1962 году в четвертом

сборнике Пушкинского Дома «Пушкин: Исследования и материалы»; затем журнальный вариант книги «Если заговорят портреты» (в журнале «Простор», № 3 за 1964 год, город Алма-Ата). А уже после этого — две замечательные книги о Пушкине и его окружении: первая — «Если заговорят портреты» (1964); вторая — «Портреты заговорили» (1974). Обе книги вышли в казахстанском издательстве «Жазушы». Они стали полным откровением в мире пушкинистики и нашли широчайшую общественную аудиторию.

Умер писатель Н.А. Раевский в Алма-Ате 11 декабря 1988 года на 95-м году жизни. В соответствии с духовным завещанием похоронили его среди старой урюковой рощи на Нагорном кладбище, лежащем по дороге на Медео, на берегу речки Малая Алмаатинка, откуда открывается красивый вид на горы. А на надгробном постаменте выбиты три слова: «Артиллерист, писатель, биолог».

* * *

Войны пушкинского времени — это еще войны за завоевание колоний на всех континентах земного шара. Они носили локальный характер. Но европейские войны времен Наполеона вполне подходят под определение «мировые».

Первая мировая война — война, порожденная стремлением развитых капиталистических государств к пределу колоний.

Вторая мировая — война за передел сфер влияния, захват рынков сбыта и жизненного пространства.

Третья мировая — война, которая де факто уже идет, — это война за захват энергоресурсов. Дело в том, что с 1985 года на земном шаре началась новая эпоха развития человеческой цивилизации: в этот год количество добытой нефти впервые превысило количество ее разведанных запасов, и с тех пор этот разрыв только растет. Ученые уже посчитали, что к середине пятидесятих годов уже нынешнего XXI века на земном шаре будет остро ощущаться нехватка энергоресурсов: газа, нефти, угля.

Вместо того чтобы сообща двигаться в сторону разработки новых видов возобновляемой энергии, часть индустриально развитых стран, возглавляемых США, двинулась по другому пути — по пути захвата территорий с основными запасами углеводородной энергии. Захвата в том числе и путем свержения законной власти и установления подконтрольных режимов. С числом человеческих жертв при этом никто

не считается. Достаточно вспомнить Ливию и Ирак, в которых ракетами «Томагавк» насаждались демократические ценности.

Именно по этой причине — захват территории с огромными запасами углеводородной энергии — США и их союзники по блоку НАТО уже воюют с Россией при помощи Украины, как объявлено, «до последнего украинца». И цели войны объявлены: уничтожение России как государства, уничтожение русской культуры и религии. Эта война ведется военными способами, идеологическими, информационными, технологическими, санкционными и, как сейчас выясняется — химическими, бактериологическими и даже биологическими!

Простая арифметика. Возраст Вселенной ученые оценивают в 14 миллиардов лет. Солнце, как главное условие жизни на Земле, физически живет в три раза меньше — около 4,5 миллиарда лет. Срок существования жизни на земле около 100 тысяч лет, т. е. в 450 раз меньше, чем срок существования Солнца. А срок жизни человеческой цивилизации до исчерпания ресурсов — порядка 10 тысяч лет, из которых около четырех тысяч уже прошло.

Американские ученые в связи с этим сделали выводы о способе замедления скорости истощения земных ресурсов, чтобы «растянуть» оставшиеся шесть тысяч лет еще на три — четыре тысячелетия. Суть способа заключается в том, чтобы на самой Земле жило не более одного миллиарда человек. Сейчас уже живет почти восемь миллиардов человек.

Без всякой политики, чтобы меня вдруг не обвинили в том, что я занимаюсь пропагандой, повторяю — одна арифметика. Это и составляет философскую суть современной Третьей мировой войны. В подкрепление своих слов могу сообщить следующее.

Еще двадцать лет тому назад RAND Corporation в своем журнале RAND Journal of Economics на 374-х страницах опубликовала сценарий развития политических, военных и экономических событий в мире. В нем по дням было расписано то, что должно было происходить в Прибалтике, на Украине, в Грузии, Молдавии, Казахстане, Белоруссии. И ведь происходило, надо отдать должное американцам: они великие прагматики. Весь этот геополитический сценарий стал известен мировой общественности лет восемь назад. Слава богу, в Грузии, Белоруссии и Казахстане события пошли не так, как хотелось американцам.

Но главная цель деятельности США и их союзников объявлена — выкинуть Россию из истории, из культуры, лишить языка и государ-

ственности, уничтожить как нацию. Этого никогда в истории мира не было. Ни одно государство никогда не ставило подобных целей в отношении другого государства, даже фашистская Германия. Всё, что сейчас происходит, направлено на достижение этих целей, и бедная Украина — просто военное приспособление для работы заокеанских мастеров. Та же участь ожидает и Китай, а военный инструмент против него — Тайвань (это так, к слову, чтобы был понятен характер современной Третьей мировой войны).

Два слова об американской RAND Corporation. Это по юридической форме некоммерческая организация, выполняющая функции стратегического исследовательского центра по проблемам национальной безопасности. Работает компания по контрактам с Правительством и Министерством обороны США. Годовой объем финансирования 351,7 млн долларов (2020). Число постоянных сотрудников свыше 1 700 человек, называемых в Америке «солдаты разума». В числе сотрудников корпорации в разное время трудились 30 лауреатов Нобелевской премии (математики, системщики, программисты, генетики, биологи, политики и другие).

Образована компания 15 мая 1948 года (задумана в сентябре 1945 года) генералом ВВС Генрихом Х. Арнольдом. Расположена в Санта-Монике, близ Лос-Анджелеса, штат Калифорния. Имеет филиалы по всему миру.

Эта та самая корпорация, которая внесла существенный вклад в создание современного Internet, работа над которым шла под названием «цифровая революция». В настоящее время RAND Corporation интенсивно занимается развитием технологии искусственного интеллекта (ИИ). Этот факт вызывает серьезную тревогу. Поскольку на пути создания ИИ нет ни норм, ни правил, ни ограничений... ни страха. Вспомните недавнюю историю интернета: сначала встретили его создание как благо, а потом задумались над проблемой информационной безопасности этого киберпространства. А кто сказал, что у ИИ не будет второй стороны медали?

Вот об этой опасности с позиции отношения, сформулированного Н.А.Раевским в докладе «Пушкин и война», написаны и авторские разъяснения отставного контр-адмирала Российского флота о войне.

Тираж книги, можно сказать, «современный» — всего тридцать экземпляров. Остается только надеяться, что со временем появится возможность издания полноценной книги.

II. Материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника (4 декабря 2022 года)

Любовь Козмина

«СЕМЕЙНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ»: ПУШКИН — ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР ПЕТР I

Поскольку родословной А.С. Пушкина посвящено немало замечательных исследований¹, мы рассмотрим эти «семейные параллели» в новом ракурсе: в контексте пушкинского изучения истории Петра Великого как истока многих его произведений. Исходя из этого, уместно отметить, что образ царя-реформатора с его сподвижниками и его эпохой вошел с ранних лет жизни Пушкина в круг его родовых и даже семейных воспоминаний. В «Опровержении на критики» есть слова, зачеркнутые Пушкиным, но не утрачивающие от того своего смысла: «Я русский дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона» (XI, 406).

М.П. Алексеев в предисловии к книге В.М. Русакова, посвященной уже потомкам Пушкина, писал: «Пушкин любил заниматься генеалогией своих предков. Хорошо известно, что это увлечение, имевшее глубокие корни, нашло неоднократное отображение во всём его творчестве — поэзии и прозе, в критических статьях, письмах, деловых документах. Достаточно напомнить такое стихотворение, как «Моя родословная», или исторический роман «Арап Петра Великого», созданный на основе

¹ См.: *Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В.* Пушкин. Родословная роспись. Л., 1932; *Вегнер М.О.* Предки Пушкина. М., 1937; *Люблинский П.И.* Из семейного прошлого предков Пушкина // Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 159–221; *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990; *Леец Георг.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980; *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. СПб., 2007.

*Н.В. Кашина. Петр I и Пушкин. 1973 год. Бумага, фломастер. 100,4 × 75.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

его собственных генеалогических изысканий архивного характера и семейных преданий»².

Корни этого «увлечения» восходят к прочному и выстраданному поэтом убеждению, что гордость своим родом есть основа основ, столп «самостояния человека»: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (XI, 55). В письме к А.Х. Бенкендорфу, оправдывая себя по поводу стихотворения «Моя родословная», Пушкин пишет: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них» (XIV, 242).

Но не только гордость «славою своих предков» явилась побудительной причиной вывести в «Арапе Петра Великого» живых участников избранной эпохи: стрельца Пушкина, боярина Головина, боярина Ржевского и царского крестника Ибрагима Ганнибала. Прежде всего, задумывая свой «роман на старый лад», Пушкин проявил интерес к «живой литературе фактов», как назвал мемуарные и анекдотические источники П.А. Вяземский³. Выдвинутый Пушкиным тезис «историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании» (XI, 92) обозначал соотношение документальной основы, исторической правды и художественного воображения.

Интересно наблюдение одного из современников Пушкина, французского литератора-критика Лева-Веймара, близко общавшегося в Петербурге с поэтом в последнее время его жизни. В статье о Пушкине, опубликованной 3 марта 1837 года в «Journal de Debat», Веймар вспоминает, что «его беседы на исторические темы доставляли удовольствие слушателям; об истории он говорил прекрасным языком поэта, как будто сам жил в таком же близком общении со всеми этими старыми царями, в каком жил с Петром Великим его предок Ганнибал». И далее, говоря о взглядах Пушкина на основание Петербурга, подчеркивает, что они «были совершенно новы и обнаруживали в нем скорее великого и глубокого историка, чем поэта». Развивая этот тезис, Лева-Веймар, в частности, коснулся работы над «Историей Петра»: «Он не скрывал между тем серьезного смущения, которое он испытывал при мысли, что ему встретятся большие затруднения показать русскому народу Петра Великого таким, каким он был в первые годы своего царствования,

² Алексеев М.П. Предисловие // В.М. Русаков. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. Л., 1982. С. 3.

³ Перельмутер В. «Звезда разрозненной плеяды!»... М., 1993. С. 149.

когда он с яростью приносил всё в жертву своей цели. Но как великолепно проследил Пушкин эволюцию этого великого характера и с какой радостью, с каким удовлетворением правдивого историка он показывал нам государя, который когда-то разбивал зубы не желавшим отвечать на его допросах и который смягчился настолько к своей старости, что советовал не оскорблять «даже словами» мятежников, приходивших просить у него милости»⁴.

При этом следует заметить, что история как наука зарождается в России лишь во второй половине XVIII века. В этот период исследователи (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов) обращались к древнейшим эпохам русской жизни. Эпоха Петра была еще слишком близкой и не становилась объектом изучения. Плоды деятельности Петра – внешняя сила России и новый порядок внутри страны – были на глазах у каждого ближайшего потомка, а жгучая вражда недовольных постепенно становилась отдаленным воспоминанием. В обществе бытовала точка зрения, сформулированная Ломоносовым в героической поэме «Петр Великий»: «Не вымышленных петь намерен я богов, / Но истинны дела, великий труд Петров»⁵.

Первым историком, попытавшимся дать объективную оценку деятельности Петра I, становится Н.М. Карамзин. Тогда же складывались и взгляды Пушкина на историю. И хотя он не разделял исторических взглядов Карамзина, но в «Истории Государства Российского» видел «произведение великого писателя» (XVI, 47). Осенью 1833 года Пушкин рассказывал В.И. Далю о том, что «кроме деесписания» о Петре I он «создаст и художественное в память его произведение». И несмотря на то, что «еще не мог доселе постичь и объять вдруг умом этого исполина», Пушкин, объясняя свое отношение, резюмирует: «Он слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим еще к нему близко, — надо отодвинуться на два века». Но тем не менее, он постигает «его чувством», говоря: «Чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно», поэтому «не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит»⁶.

⁴ Перевод статьи Лева-Веймара см. в кн.: *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. М. ; Л., 1928. С. 346–348.

⁵ *Ломоносов М.В.* Стихотворения. М., 1984. С. 231.

⁶ *Даль В.И.* Воспоминания о Пушкине // В. Вересаев. Пушкин в жизни. Вып. I–IV. М., 1927. С. 112.

Нужно сказать, что пушкинское понимание исторических процессов как прошлого, так и своего времени развивалось параллельно: путем поэзии и художественной прозы и путем собственно исторической мысли, исторических исследований и публицистики. Представленный в монографии Фейнберга круг источников⁷ обнаруживает глубокое и многостороннее погружение Пушкина в изучение истории Петра и его эпохи. Среди них многотомные труды Голикова, труды Феофана Прокоповича, Татищева, Ломоносова; публикации и работы Миллера, Болтина, Щербатова. Здесь и документальные и официальные материалы из государственных архивов, доступ к которым Пушкин получил в 1831 году. Знал Пушкин и суждения о Петре, высказанные представителями французского Просвещения — Вольтером, Монтескье, Дидро, Мабли, Руссо. В пушкинском экземпляре «Истории Петра Великого» Вениамина Бергмана были разрезаны страницы на важных для него сообщениях: казнь стрельцов, измена Мазепы, Прутский поход Петра, дело царевича Алексея, и в том числе — страницы, посвященные А.П. Ганнибалу (том шестой), то есть разделы, говорящие о событиях, часто замалчивавшихся или искажавшихся в то время официозной историографией.

В этом кратком обзоре необходимо отметить и очерки А.О. Корниловича «Нравы русских при Петре I» и «О первых балах в России», напечатанные в альманахе «Русская старина на 1825 год». Публикуя главу из неоконченного романа о царском арапе в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, он сделал примечание: «См. Голикова и Русскую старину». Обратим внимание и на имеющиеся в библиотеке Пушкина труды В.Н. Берха⁸. Историк флота и морских географических открытий, участник первой русской кругосветной экспедиции в 1803–1806 годах на корабле «Нева» под командованием капитана первого ранга Ю.Ф. Лисянского⁹, в 1828 году он был официально утвержден Николаем I историографом военно-морского флота.

Личное знакомство Пушкина с Берхом произошло в 1832 году, 19 февраля, на обеде у А.Ф. Смирдина. Его книгой «Подробные известия о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге» (1832) Пушкин

⁷ См.: *Фейнберг И.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1979. С. 56–57.

⁸ См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. С. 8.

⁹ М.А. Ганнибал в 1800 году продала наследное поместье Кобринно, приобретенное А.П. Ганнибалом в 1762 году, жене Ю.Ф. Лисянского — Шарлоте Карловне Жандер, урожденной баронессе Брюнельд. Лисянские владели кобринским имением до 1841 года.

пользовался при работе над «Медным всадником», о чем сообщил в предисловии. При работе над «Историей Петра» в круг его исследований вошли изданные В.Н. Берхом «Собрание писем Императора Петра I к разным лицам с ответами на оные» (1829–1830) и «Жизнеописание первых Российских Адмиралов, или Опыт истории Российского флота» (1831–1834), из которых Пушкин ко всему прочему извлек сведения о своем прапрадеде, адмирале И.М. Головине.

Начиная с «Заметок по русской истории XVIII века», отмеченных датой «2 августа 1822 г.», образ Петра становится одним из центральных в творчестве Пушкина, связанным с его размышлениями о динамике исторического развития государства Российского. В «Стансах» образ Петра I — «вечного работника на троне» — предстает в связи с надеждами Пушкина на просвещенного монарха, каким освобожденному поэту из михайловской ссылки казался Николай I. Убеждая императора быть «памятью», подобно пращур, «незлобным», восстание 14 декабря 1825 года Пушкин сопоставляет с событиями 1698 года, когда с подачи царевны Софьи Алексеевны, сестры Петра I, произошел стрелецкий бунт.

Однако «начало славных дней Петра», по образному определению Пушкина, омрачено было не только «казнями» вследствие стрелецких бунтов 1682 и 1698 годов, но и «заговором Цыклера и Соковнина», раскрытым в январе 1697 года перед самым выездом Великого посольства. Находящийся в набросках статьи «Опровержение на критики» план автобиографии Пушкина включает в себя пункт, обозначенный как «Казненный Пушкин» (XI, 388). В самой статье этот пункт раскрывается, когда Пушкин пишет о своих общих предках: «При Петре они были в оппозиции...» (XI, 161).

Во фронде царским нововведениям оказался боярин Матвей Степанович Пушкин, самый крупный представитель рода Пушкиных на государственной службе, начиная с правления Алексея Михайловича и его царствующих детей — Федора III, Софьи, Ивана V и Петра I. Противясь посылке молодых дворян за границу, он навлек на себя гнев Петра. Вскоре неуступчивый боярин жестоко поплатился за участие в заговоре сына Федора Матвеевича, взявшего на себя цареубийство. С «лишением боярской чести» (т. е. всех титулов и земель) М.С. Пушкин вместе с женой и внуком был сослан в Енисейск, где и закончил свое земное бытие.

«Отсылая молодых дворян за границу, — пишет Пушкин в «Истории Петра», — Петр, кроме пользы государственной, имел и другую цель.

Он хотел удержать залогом в верности отцов во время своего собственного отсутствия. Ибо сам государь намерен был оставить надолго Россию, дабы в чужих краях учиться всему, чего недоставало еще государству, погруженному в глубокое невежество. Скоро намерение государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование. Духовенство видело в сообщении с еретиками грех, воспрещаемый священным писанием. Народ жадно слушал сии толкования и злобился на иноземцев, почитая их развратниками молодого царя. Отцы сыновей, отправляемых в чужие края, страшились и печалились. Науки и художества казались дворянам недостойным упражнением. Вскоре обнаружился заговор, коего Петр едва не сделался жертвою» (X, 30).

В «Истории Петра» пушкинская запись о заговоре открывает хронике 1697 года: «Окольничий Алекс.<ей> Соковнин, стольник Фед.<ор> Пушкин и стрелецкий полковн.<ик> Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 янв.<аря> 1697» (X, 31). Описывая эту семейную трагедию, Пушкин в завершении фиксирует стойкую решимость Петра покарать заговорщиков: «Петр во время суда занемог горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для исправления им помилования — (девять человек). Но Петр был непреклонен; слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить богу правосудием, нежели потворством» (X, 32).

В стихотворении «Моя родословная» Пушкин пишет:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

(III, 262)

Но, как известно, предпринятая казнь заговорщиков имела иные действия. И Пушкин на этот счет не заблуждался — в «Истории Петра» он делает выписку: «Казнены четвертованием 5 марта» (X, 32). Казнь через повешение, как справедливо заметил В.П. Старк, «вызывала у Пушкина ассоциации с казнью декабристов и размышлениями о самом себе в связи с событиями 14 декабря: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (XIII, 291); «И я бы мог,

как шут...» — сделанная запись на листе с рисунками виселицы с пятью повешенными»¹⁰.

Пушкина восхищает, что Петр «правдой привлек сердца» и «нравы укротил наукой» (III, 40) — начиная с 1701 года, когда была открыта школа математических и навигацких наук, по образцу которой открылись инженерная, артиллерийская школы, а затем и медицинское училище, и так по нарастающей до учреждения Академии наук и художеств в 1724 году. Безусловно, этому образовательному прогрессу предшествовало заграничное обучение многих молодых людей, ставших впоследствии главными агентами реформ Петра, среди которых будут, по выражению Пушкина, и «птенцы гнезда Петрова» — его прямые предки: И.М. Головин, Ю.А. Ржевский и А.П. Ганнибал.

Мощным стимулом для отправки русских учеников за границу явилось горячее желание Петра I создать российский флот: он понимал, что война со Швецией неизбежна. Для этого нужны были знающие люди — корабельные мастера, инженеры, морские офицеры. В начале 1697 года, за два с небольшим месяца до отъезда Великого посольства, по указу Петра в европейские государства «для изучения инженерству, корабельному искусству, архитектуре и другим наукам» (X, 29) были отправлены избранные царем стольники из лучших боярских и дворянских фамилий (в Голландию 22, в Венецию 39).

Что и говорить, этот принудительный заграничный был тяжелым испытанием: при дворе все они занимали высокие придворные звания, и вдруг простая матросская служба под командой иностранных офицеров. Вдобавок ко всему требования Петра были неукоснительными: по возвращении в Москву они должны иметь свидетельство о достигнутых успехах, ибо в случае отсутствия оно последует суровые взыскания. К тому же им вменялось сыскать «капитанов добрых... которые б сами в матросах бывали, а службою дошли чина, а не по иным причинам»¹¹.

Отправленный в заграничное обучение пращур Пушкина по отцовской линии боярин И.М. Головин (1680–1737), по сведениям «Родословной Головиных», «сначала был комнатным стольником Петра Великого, который его очень любил и брал с собою в оба Азовские походы 1695 и 1696 года. В 1697 году он находился в свите Большого посольства в чис-

¹⁰ См.: *Старк В.П.* Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVI/XVII. С. 192.

¹¹ Цит. по: *Мавродин В.В.* Рождение новой России. Л., 1988. С. 41.

ле дворян. В Голландии учился кораблестроению вместе с Государем...»¹² Учеба петровского стольника происходила на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме, где монарх, находясь инкогнито под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова, с привезенными добровольцами строил фрегат «Святые Апостолы Петр и Павел».

Пушкин в «Истории Петра» так описывает царя, прибывшего в 1697 году в Голландию: «Петр вышел на берег с веревкою в руках и не обратил на себя внимания. На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками». Отметив, что царь, записавшись «в цех плотников», «упражнялся с утра до ночи в строении корабельном», Пушкин заключает: «Корабельные мастера звали его Peter Vas, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь» (X, 35). Но вскоре столь важное дело пришлось оставить: «Петра ожидали в Италию, — запишет Пушкин под годом 1698 в «Истории Петра», — как вдруг получил он через присланного из Москвы гонца известие о новом стрелецком бунте, и государь поспешил возвратиться в Россию...» (X, 41).

М.О. Вегнер в книге «Предки Пушкина» в одном из рассказов о И.М. Головине сообщает, что он «после Голландии был отправлен в Венецию для усовершенствования в этом (мореходном) искусстве, к которому не имел никакого расположения. Возвратясь из Италии в 1701 году, он должен был вместе с другими товарищами выдержать испытание. На вопрос государя, чему он выучился, он чистосердечно отвечал: «Ничему». — «Да что же ты делал?» — «Пил вино, курил табак и играл на басу». Государь не разгневался, а только взял его в свои денщики и прозвал Басом. Другие говорили, что Петр называл его басом на голландском языке, то есть мастером, в насмешку, что он ничего не смыслит в кораблестроительном деле. Но государь любил его за искренность, простосердечие и верность»¹³.

Однако любовь царскую заслужить не так-то просто. И всё-таки напрашивается вопрос, почему Петр назначал несведущего боярина Головина на ответственные посты? Мемуарные сведения, преимущественно иностранных авторов, трактуют данное отношение императора разными

¹² См.: *Казанский П.С.* Иван Михайлович Головин // Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 172–179.

¹³ *Вегнер М.О.* Предки Пушкина // Пушкинская библиотека. Род и предки А.С. Пушкина. М., 1995. С. 180.

соображениями: камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц – «только в качестве царского любимца»¹⁴; ганноверский резидент при царском дворе Фридрих Христиан Вебер — «в наказание и в насмешку», с оговоркой, что он «во многих случаях доказал свою верность и храбрость», оттого «очень любим царем»¹⁵; граф Геннинг-Фридрих Бассевич «одним из тех капризов благоволения, от которых не изъяты и благоразумнейшие из государей»¹⁶.

Разумеется (и это отмечали как соратники, так и недоброжелатели), И.М. Головин заслужил расположение Петра в первую очередь тем, что он вовсе не был человеком бездеятельным: его можно по праву назвать одним из непосредственных создателей российского флота. Именно в огне сражений пращур Пушкина стяжал себе славу достойного сухопутного командира, проявляя чудеса храбрости. В годы Северной войны (1700–1721) он командовал пехотным полком в чине полковника, участвовал в Полтавской битве (1709), заслужив чин бригадира. В 1712 году, на следующий год после Прутского похода, получил чин генерал-майора. Вершиной его ратной карьеры можно считать участие в Гангутском сражении 27 июля 1714 года, а также организацию высадки десанта на территории Швеции, когда он захватил город Умео, уничтожив при этом несколько прибрежных судов.

В этом победном сражении при мысе Гангут, как и в Полтавской битве, принимал участие и царский крестник Абрам Петров. По воспоминаниям П.А. Ганнибала, он «был при всех тех походах и баталиях, при которых его величество своей особой присутствовать соизволил»¹⁷. В «Походном журнале за 1714 год» Петра I записано: «1-го [июня] Его Величество кушал на корабле и был у князя Ю.Ю. Трубецкого на корабле «Пернов» и на Англинском торговом корабле, и были с Его Вели-

¹⁴ *Берхгольц К.Ф.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 190.

¹⁵ Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях, в переводе / с немецкого П.И. Барсова // Русский архив. Историко-литературный сборник № 9. М., 1872. С. 8 [Электронный ресурс: <https://runivers.ru/lib/book7627/406213/>].

¹⁶ *Бассевич Г.Ф.* Записки о России при Петре Великом // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 164.

¹⁷ Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 244. Оп. 2. № 162. Воспоминания Петра Абрамовича Ганнибала.

чеством: Битка-поп¹⁸, кн. Ю.Ю. Трубецкой, Сибиряк (певчий по имени Дмитрий), Абрам и Юров (денщик Алексей Юров)». 2-го [июня] государь кушал «на шняве дацкой» в обществе того же Битки-попа, а кроме него — Абрама и Шемякина (денщик для дальних посылок)¹⁹.

Но не только радость побед испытал герой Гангута И.М. Головин. Познал он и горечь поражений, и пленение, произошедшее в следующем, 1715 году, когда, командуя восемью галерами, Головин находился в арьергарде галерного флота. Вскоре, в этом же году, русский генерал был вызволен через обмен пленными шведскими офицерами. Испытанному флотоводцу Петр поручает весьма важные задания, которые И.М. Головин неукоснительно выполняет. Поданный рапорт от 12 октября 1716 года передает его равнодушное попечение о строительстве кораблей: «Получил я, раб Твой, которое письмо... и против того Указа Твоего Царского Величества, принужден я, раб Твой, собрав у них корабельных мастеров, рапорты такие, что при сём письме до Вашего Царского Величества посылаю. Я, раб Твой, их как возмог собрать к себе и был с ними в Сенате, и после того числа у них бываю и принуждаю, что плотников надлежит и работных людей, дабы толикое число было у мастеров при работах их в собрании в скором времени; и они Г.г. Сенаторы принуждены иметь свое старание о том скорое... Еще Вашему Царскому Величеству доношу, что у которого мастера при корабельной работе сделано, и о том прилагаю рапорт же, в сём же пакете до Вашего Царского Величества»²⁰.

Видя такое усердие, Петр в 1717 году назначает его обер-сарваером, то есть главным инспектором строительства кораблей. Кстати, с этим назначением связано издание гравюры с «портретом обер-сарваера флота Ивана Михайловича Головина», предназначавшейся для пропаганды флота. Гравюра исполнена в технике офорта выдающимся граве-

¹⁸ Поборский Иван Хрисанфович (?–1720) — священник кремлевской церкви Петра и Павла. Состоял при Петре I «главным священником» и при Великом посольстве (1697–1698); в 1716–1717 годах в свите царя в заграничном путешествии в Европу. Любимый партнер Петра I в игре в шахматы; за умение выигрывать получил прозвище — Поп Битка. 23 июня 1720 года в присутствии Петра был похоронен у Лазаревской церкви в Александро-Невской лавре.

¹⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69724. Походный журнал (Юрнали) за 1714 год. СПб., 1854. С. 109–110.

²⁰ Цит. по: *Берх В.* Жизнеописание адмирала и ордена св. Александра Невского кавалера Ивана Михайловича Головина. СПб., 1825. С. 16.

*Обер-сарваер флота Иван Михайлович Головин (с корабельным флотом).
Гравюра Алексея Зубова. Санкт-Петербург, 1717–1720 годы.
Из собрания Государственного Эрмитажа*

ром петровского времени А.Ф. Зубовым. Погрудное изображение обер-сарваера, с поворотом в три четверти, взятое в овал, занимает небольшое место; на остальном поле листа — кораблестроительные инструменты и детали корабельного такелажа.

Живость портрета состоит в выраженной безмятежности, начертанной на лице Головина, — лукавый взгляд отведенных глаз, легкая, едва заметная улыбка на губах, голова в обрамлении пышного парика аллонж. Законченность образу придают изображенные в руке циркуль и линейка, являющиеся неотъемлемой принадлежностью корабеля. Увековеченный Алексеем Зубовым облик любимчика Петра I был поистине притчей во языцех у соотечественников и зарубежных очевидцев: он, якобы в знак своего достоинства, одеваясь щеголевато, постоянно носил золотой циркуль и вызывающе бряцал золотыми компасами, украшенными так же, как и циркуль, драгоценными камнями²¹.

²¹ См.: Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца // Русская старина. Т. XXV. Июнь. СПб., 1879. С. 277; Бердников Л.И. Из шутов — в адмиралы // Нева. 2007. № 6. С. 252.

Хотя, как показывают источники, должность эта вовсе не синекурой была. Из выше приведенного рапорта явствует, что И.М. Головин распоряжался работой всех корабельных мастеров и строителей, сообщаясь с Сенатом, настаивал на строгом выполнении распоряжений Петра. Но и сам проявлял деятельную инициативу, вследствие которой последовал указ императора: Головину вдобавок ко всему взять под личное управление работы якорных мануфактур в Петербурге, неся одновременно и службу тайного советника в Адмиралтейской коллегии. Но эта «тыловая служба» оказалась для Головина временной: Петр в 1722 году берет его с собой в Персидский поход как военного профессионала, отличившегося в морских сражениях Северной войны²².

За год до Персидского похода Петр I с Екатериной принимают участие в торжественном обеде в доме И.М. Головина²³ по случаю свадьбы его старшей дочери Евдокии Ивановны (1700–1725), вышедшей замуж за сержанта лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Пушкина (1686–1725). Запись в Походном журнале от 31 января 1721 года гласит: «Их Величества кушали в Доме; и были на свадьбе Пушкина, женился на дочери Князя Обер-Серваера»²⁴.

Однако посещение свадьбы предков поэта императорской четой счастье в их семейную жизнь не принесло. Пушкин в статье «Начало автобиографии» пишет: «Прадед мой Александр Петрович... умер весьма молод, в припадке сумасшествия, зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын Лев Александрович служил в артиллерии, и в 1752 году, во время возмущения, остался верен Петру III...» (XI, 161).

И об этом же в «Моей родословной»:

²² После Петра I, 21 августа 1725 года, Екатерина I назначила И.М. Головина генерал-кригскомиссаром флота, пожаловав чин вице-адмирала, и наградила орденом Св. Александра Невского. В день коронации императрицы Анны Иоанновны — 28 апреля 1730 года — он был произведен в генерал-аншефы с увольнением со службы, но через два года вновь принят на службу с переименованием в адмиралы и назначением командующим Балтийским галерным флотом.

²³ И.М. Головин был женат вторым браком на М.Б. Глебовой: они общие предки А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Их дочь Ольга Ивановна — жена князя Ю.Ю. Трубецкого, младший их сын Дмитрий — прадед Толстого. Головин имел дом в Петербурге «в 53 покоя», вблизи Зимней канавки (ныне Миллионная ул., 25); арх. Н.Ф. Гербель.

²⁴ РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69730. Походный журнал (Юрнaлы) за 1721 год. СПб., 1855. С. 20.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

(III, 262)

Сопоставляя в автобиографических записках тридцатых годов не-счастьев Ганнибала «в семейственной жизни» с судьбой обезумевшего пращура, Пушкин в третьей главе романа о царском арапе сводит Ибрагима с И.М. Головиным, который в числе других придворных стал очевидцем расположения Петра к вернувшемуся из Франции крестнику. Петр поздравил его «капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей сам он был капитаном». При этом все присутствующие «окружили Ибрагима», стараясь по-своему «обласкать нового любимца. Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметьев осведомился о своих парижских знакомых, а Головин позвал обедать» (VIII, 13). Избрав приглашение «обедать» от сановного боярина, Пушкин таким образом предваряет желание государя ввести Ибрагима в русский дворянский круг, подчеркивая при этом родство двух любимцев Петра I.

Работая над историческим романом из жизни предков, Пушкин для «погружения» в мир «коренного русского барина» приводит Петра I в роли свата к боярину Ржевскому. В описании этого эпизода он использовал факт реального посещения монархом дома своего прапрадеда Ю.А. Ржевского (1674–1729), пользовавшегося, по словам его внучки М.А. Ганнибал, доверием и дружеским расположением Петра I. Будучи стольником в царской семье, подпоручик Преображенского полка Ю.А. Ржевский вместе с братьями — Матвеем и Иваном — был отправлен в начале 1697 года в Венецию для изучения морского дела.

Д.Н. Копелев в статье «Венецианская партия Петра I»²⁵ сообщает, что за это непродолжительное время (обучение продолжалось полтора

²⁵ Копелев Д. Венецианская партия Петра I // Русский мир: журнал о России и русской цивилизации. 2022. № 4. С. 6–13.

*Неизвестный художник. Мария Алексеевна Ганнибал.
Конец 1770-х — 1780-е годы. Эмаль на меди. 3,5 × 3.
Предположение Н.И. Грановской. Атрибуция А.А. Чернова и И.В. Кулешовой.
В Русский музей миниатюра поступила из Государственного Эрмитажа
как «Портрет неизвестной в белом чепце»*

года) московские дворяне прошли курсы «навтичных наук» в Академии космографии «Аргонавт», основанной в 1684 году ученым-космографом Венецианской республики Винченцо Марией Коронелли. Прославился францисканец-минорит изготовлением в 1680-х годах двух глобусов — «Земного» и «Звездного» — по заказу Людовика XIV для королевской резиденции в Марли. Немалым авторитетом пользовался и другой преподаватель Академии — капитан Марко Мартинович (1663–1716), как специалист по математике, гидрографии и кораблевождению. В своем родном городе Перасте в 1696 году он открыл навигационную школу «Nautika» («Наутика»), куда русские навигаторы, получив в Академии теоретические знания, прибыли из Венеции в конце сентября 1697 года. Здесь, в Навигацкой школе, большое внимание уделялось практике на судах.

На живописной картине неизвестного художника, находящейся в музее города Пераста, в нижней ее части изображены сидящий за столом капитан Мартинович в окружении пяти русских учеников без указания имен. Верхнюю часть картины занимает царский титул Петра I. Ниже приведены имена семнадцати учеников, разделенные на две части: княжескую и боярскую. Между ними — российский герб. Над живописной частью картины надпись на сербохорватском языке латиницей: «Marko Martinovich usceci pricipie i gospodu moskovsku tu ime novanu na morski nauk i wladagnie» («Марко Мартинович учит поименованных здесь московских князей и бояр морским наукам и управлению»²⁶ (кораблем). В числе перечисленных учеников-бояр в правой части картины значится Иван Алексеевич Ржевский²⁷, брат Ю.А. Ржевского, имя которого не упомянуто.

Обучение российских навигаторов завершилось осенью 1698 года. 25 октября генерал-комиссар Ф.А. Головин²⁸ передал указ Петра:

²⁶ См.: *Княжецкая Е.А.* Связи России с Долмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 56–57.

²⁷ И.А. Ржевский (1660–6.07.1721), комнатный стольник Ивана V (1676). В 1697–1698 годах учился в Венеции морскому делу, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка (1699), воевода в Брянске (1708–1715), воевода Псковской провинции (1719–1721). Похоронен в Псково-Печерском монастыре.

²⁸ Федор Алексеевич Головин (1650–1706), руководитель Посольского приказа, генерал-комиссар, второй посол в Великом посольстве (1697), приходился М.И. Головину двоюродным братом. 13 ноября 1704 года в дом Ф.А. Головина в Москве были доставлены два черных мальчика, один из которых — А.П. Ганнибал — станет прадедом А.С. Пушкина.

«...всем стольникам, которые познали науку, быти к Москве из Венеции и из Амстердама...»²⁹ Прерванное заграничное учение было вызвано чрезвычайным обстоятельством — восстанием стрельцов, о чем мы говорили выше. Получив аттестаты, подписанные Сенатом, об успешном завершении обучения, делегация русских навигаторов через пять дней отправилась в Москву.

Кстати, именно в Венеции в это же время, в октябре 1697 года, переводчик Великого посольства дворянин Г.Г. Островский сыскал «двух капитанов греков» и «привез их с собою в Амстердам», исполнив таким образом требование Петра I о найме на службу морских офицеров. Согласно «Статейному списку» (отчету о проделанной работе) Островского, эти греки были «венецианские жители благочестивой веры Стомати Камера и Андрей Диопиер (Диопер), которые бывали на торговых и воинских кораблях за капитанов и знают капитанский чин и правительство, и жены и дети у них в Венеции есть». У корабелов «имеются и пасы (документы) свидетельствованные на тот их капитанский чин». И, чтобы «им быть в подлинной службе и не збежать», Островский взял «по ним поруку венецейского жителя купца Марка Каяния», получив от него «за ево рукою письмо». А так как у капитанов «дворов своих в Венеции нет», то жили они «в постоянных дворах»³⁰.

Поступившему на службу в России капитану А.П. Диоперу³¹ было суждено стать тестем А.П. Ганнибалу. В «Начале автобиографии» Пушкин пишет: «Первая жена его [Ибрагима], красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь Поликсену оставил при себе...»

²⁹ *Копелев Д.* Венецианская партия Петра I. С. 12.

³⁰ *Княжецкая Е.А.* Связи России с Долмацией и Боккой Которской при Петре I. С. 52–53.

³¹ Андрей Петрович Диопер (Деопиер) — капитан, грек, принят на русскую службу в Амстердаме (1697), состоял на службе в Азовском флоте (1698–1702), командовал кораблем «Геркулес» при проводке по реке Воронеж и Доном до Азова, находился в Воронеже на галерах (1703), переведен на Олонецкую верфь (1704). Возглавлял брандвахтенную службу в Архангельске; с 1725 по 1728 год капитан Архангельского порта, затем отправлен в Санкт-Петербург, где служил капитаном на галерном флоте. Имел двор на Адмиралтейской стороне, который в 1735 году завещал мужу и сыну старшей дочери. Жена — Агафья Ивановна, уроженка Архангельска.

(XII, 313). История женитьбы черного прадеда составляет основу пушкинского романа «Арап Петра Великого», в котором неверная жена, «красавица гречанка» — Евдокия Диопер — преобразилась в героиню романа Наталью Ржевскую.

Итак, Ю.А. Ржевский по возвращении из Италии снова служит в Преображенском полку, участвует в чине капитана в походе 1706 года из Киева до Могилева, после которого его в том же году направляют служить на бригантину «Индра». В марте 1718 года Петр I посылает капитана лейб-гвардии Ржевского в помощники епископу Питириму в борьбе со старообрядцами в Нижегородской губернии. Находясь под впечатлением от его решительных действий, Питирим в послании к Петру рекомендует «неотложно» быть Ржевскому в Нижнем вице-губернатором. Как раз в это время готовилась новая административная реформа. В результате по указу Петра I «Об устройстве губерний» от 29 мая 1719 года в Нижнем Новгороде появляется свой правитель — вице-губернатор Ю.А. Ржевский.

Целый ряд указов в течение семи последующих лет свидетельствует об активном общении Петра I с Ржевским. После завершившейся в 1721 году долгой войны со Швецией необходимо было приводить в порядок хозяйство страны. Немало важных дел предстояло решать вице-губернатору, среди которых заготовка и сплав соснового леса до Астрахани для строительства кораблей, поставка казенной соли, сбор пошлин с торгующих на Макарьевской ярмарке. Неизменный набор ярмарочных товаров, сохранившийся с XVIII века до времен Пушкина, живо предстает в «Отрывках из путешествия Онегина»:

..... перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочери — прошлогодни моды.

Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.

(VI, 198)

В 1722 году вице-губернатор Ю.А. Ржевский и интендант И.С. Потемкин получают царские указы: 30 мая «учинить верфь», чтобы делать «новым маниром» суда; в октябре об «изготовлении тридцати гекботов»³² (небольшие грузовые трехмачтовые суда для перевозок войск и воинских грузов, входившие в состав Каспийской флотилии и сыгравшие решающую роль в Персидском походе). Отправляясь в мае 1722 года в Персидский поход, Петр I прибыл в Нижний, где уже была приготовлена флотилия в 245 судов. В походном журнале императора за этот год значится: «29 мая: после обеда был у вице-губернатора Нижегородского Ржевского...»³³ Об этом же царском визите к своему прапрадеду Пушкин запишет в «Истории Петра»: «После того, как Петр I осмотрел в Нижнем Новгороде суда и велел некоторые исправить, обедал у барона (NB) Строгонова; на др<угой> день у губерн<атора>, осмотрел суда — и, нашед их все староманерными, издал опять о том указ (30 мая)» (X, 261).

Перед Персидским походом, как известно, Петр совершил второе заграничное путешествие, начавшееся 27 января 1716 года и продлившееся около двух лет. Кроме осуществления дипломатической миссии, связанной с войной со Швецией, и желания подлечиться, Петр стремился получить новые знания и увидеть действующие в европейском «свете» новинки. Именно научные и культурные интересы к различным сторонам французской жизни вышли на первый план во время его пребывания в Париже. Встречи с учеными, мастерами, художниками, коллекционерами, знакомство с парижской архитектурой и садово-парковым искусством, посещение мануфактур, арсенала, парламента, Лувра, Тюильри, Пале-Рояля, Версаля, Марли и Фонтенбло —

³² *Соболев В.С.* Император Петр I и создание Российского флота (по документам Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ) // Романовские чтения. Династия Романовых в судьбах российских земель (Кострома, 24–25 марта 2011 года) / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. Кострома, 2011. С. 5–6.

³³ *Куприянова Н.И.* Ржевский Юрий Алексеевич (1674–1729) // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1997. С. 130.

всё это увлекло Петра I и принесло, пожалуй, наиболее ощутимые результаты.

Несомненно, ассамблеи, которые начали проводиться в Петербурге с 27 ноября 1718 года, были навеяны впечатлениями от поездки во Францию. Вот и Пушкин, изображая великую эпоху в историческом романе, выбрал петровскую ассамблею местом встречи его персонажей — Ибрагима Ганнибала и юной боярышни Натальи Ржевской, с которой он протанцевал грациозный французский танец менуэт, показывая таким образом произошедший слом старинных устоев через внедрение европейских форм общения в дворянском обществе.

Но не только сам царь обогащался новыми познаниями, на этот раз «в числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим» (VIII, 3). Так начинается повествование о пребывании Ганнибала во Франции в первой главе романа «Арап Петра Великого». Замечательный знаток XVIII века, профессор Саратовского университета С.А. Мезин всесторонне исследовал хронику пребывания Петра I во Франции начиная с его приезда 21 апреля и до отъезда 24 июня 1717 года. Согласно этим детальным свидетельствам, базирующимся на широком круге документальных источников и прежде всего на «Журнале ежедневном пребывания государя Петра Алексеевича в Париже», открываются новые сведения о взаимодействиях Петра с его крестником, денщиком Абрамом (арапом) в этом заграничном вояже.

В деловых документах посольства, как отмечает исследователь, имена денщиков часто упоминаются в связи с царскими покупками и оплатой различных услуг, а также в связи с пошивом им новой одежды. Так, например, в Париже «арапу Авраму было заказано у портного платье галуном и серебряной бахромой, обошедшееся в 430 ливров, приобретены шляпа, чулки, затем еще куплены сукно и парча на платье». До этого, 27 апреля в Кале, Петром был «дан Авраму Арапу червонный на починку сундука, в котором книги и прочее возить». «Накопленные книги и другие царские покупки» Абрам «позже передал по списку Ивану Орлову (денщик, подьячий секретаря И.А. Черкасова), который их упаковывал и укладывал в сундуки для отправки в Голландию». 19 июня «Арапу Аврааму выдано остальное жалование за 1717 год», а на следующий день, 20 июня, в день Св. Троицы, Петр, выезжая из Парижа, дает поручение в письме Савве Рагузинскому: «Давать 400 ефимков

в год арапу Авраму, оставленному в Париже «для науки языка и протчих некоторых наук»³⁴.

В письме от 5 марта 1722 года, адресованном кабинет-секретарю А.В. Макарову, Абрам Петров (Ганнибал) пишет, что царь «по отъезде своем изволил нам с Алексеем Юровым³⁵ из уст своих сказать, что ежели будем моты и в тюрьму попадем [за долги], то бы нам не иметь никакой милости от его величества для нашей выкупки, потом изволил сказать, ежели мы будем прилежно учиться, также чтобы иметь доброе житье, то я вас не оставлю»³⁶.

Тем не менее, чтобы добиться желаемого императором результата, заграничному ученику нужно было преодолеть совсем не радужное его существование. Назначенное содержание по четыреста ефимков (2 000 ливров) в год обрекало его на весьма скудное существование. К тому же в это время во Франции произошел финансовый кризис из-за системы Лоу, который привел к повсеместному банкротству. В этом же письме к А.В. Макарову крестник Петра сетует на нужду: «...Мы здесь в долгу не от мотовства, но от бумажных денег» (т. е. от инфляции и связанного с ней роста цен). Ганнибалу, можно сказать, повезло; о нем позаботился П.И. Мусин-Пушкин, состоявший в то время при полномочном министре во Франции и Нидерландах князе Б.И. Куракине. «Ежели бы здесь не был Платон Иванович, — с признательностью далее пишет он, — то б я умер с голоду. Он меня по своей милости не оставил, что обедал и ужинал при нем по все дни»³⁷.

Однако при всём при этом петровский стипендиат как-то ухищрялся приобретать книги, сформировав целую библиотеку³⁸, да еще

³⁴ Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 62; 76; 100; 223.

³⁵ Алексей Иванович Юров (1690–е–1732) — денщик и крестник Петра I, находился при государе вместе с А.П. Ганнибалом в заграничном путешествии (1716–1717), оставлен во Франции для обучения «гражданским и политическим наукам», возвратился в Россию (1724), казначей при Академии наук (1726–1730). Подробнее о А.И. Юрове: *Курукин И.В.* Алексей Юров: «лишний человек» в эпоху петровских реформ и после // Россия в XVIII столетии / отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2009. Вып. III. С. 136–151.

³⁶ *Ганнибал А.С.* Ганнибалы: новые данные для их биографий // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17/18. С. 211.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: *Козмина Л.В.* Петровское: Поэт и прадед. СПб., 2012. С. 34–45.; *Ступина Е.В.* Библиотека А.П. Ганнибала // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы; М., 2005. С. 23–50.

и прикупить технический инструментарий. Он, конечно же, твердо знал, что государь, заботившийся о повсеместном пополнении частных библиотек, высоко оценит это его старание. Вениамин Бергман в «Истории Петра Великого», изданной в 1833 году, говоря о знаменитом современнике императора, отмечает присущие его натуре качества: «Способность, неустанность и охота к учению зарекомендовали Ганнибала царю: Петр взял его к себе в денщики». И далее историк резюмирует: «За успехи в инженерном искусстве этот денщик был помещен в гвардию и постепенно дослужился до высших чинов»³⁹.

По возвращении из заграничного обучения Петр своим распоряжением от 4 февраля 1724 года поручает А.Д. Меншикову: «Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетельство, того ради определить его поручиком в бомбардирскую роту к инженерам, которых из молодых в кондукторы (воинское звание, присваиваемое сверхсрочникам, обычно ближайшим помощникам офицеров-специалистов) надлежит собрать корпоральство (т. е. воинский отряд), из наших полков и их детей, которые тому обучаются»⁴⁰.

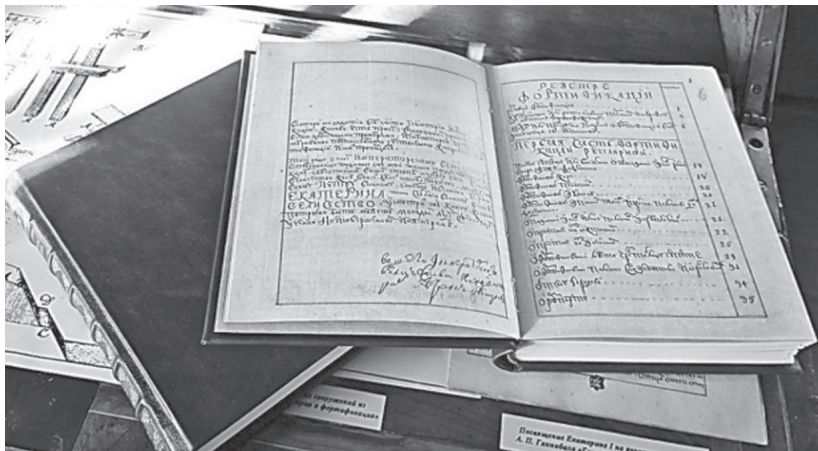
Как видим, Петр, намереваясь организовать при Бомбардирской роте лейб-гвардии Преображенского полка своего рода учебное заведение для подготовки офицеров инженерных войск, поручает Ганнибалу учить «собранных» дворян математическим и фортификационным наукам. Известный мемуарист XVIII века А.Т. Болотов рассказывает: «У дяди моего нашел я... несколько математических книг, печатных и скорописных, а особливо была у него прекрасная геометрия и фортификация, писанная и черченная самим им в молодости, когда он учился наукам сим у Ганнибала»⁴¹.

Этот рукописный учебник в двух книгах, исполненный по заданию Петра, был завершен А.П. Ганнибалом уже после кончины императора. 23 ноября 1726 года он преподнес учебник с предисловием-посвящением Екатерине I, как «во всех делах наследнице Петра Великого». В посвящении он с полным основанием пишет: «...желая в Российской империи всякое учение в совершенство привести, Петр Великий, денно и ночью попечения имея о сей науке, милосердуя о народе своем, особливо указал, чтобы российский народ обучался всем наукам не токмо в главных

³⁹ Бергман В. История Петра Великого / пер. с нем. Егор Аладьин. Т. 6. СПб., 1841. С. 132.

⁴⁰ Ганнибал А.С. Ганнибалы: новые данные для их биографий. С. 217.

⁴¹ Вегнер М.О. Предки Пушкина. С. 122.

Рукописный учебник Абрама Петрова (А.П. Ганнибала) «Практическая геометрия» и «Фортификация», составленный по поручению Петра Великого, с посвящением Екатерине I. 23 ноября 1726 года. Оригинал хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в составе библиотеки Петра I. Факсимильное издание (2015) подготовлено для Пушкинского Заповедника при содействии Библиотеки Российской академии наук, ТДК «Москва», издательства «Ломоносов», издательства «Альфарет»

академиях, но и в войске, при полках указал быть школам для обучения некоторой части инженерства»⁴².

Петр использовал Ганнибала, названного Пушкиным его «наперником», везде, где от него можно было ждать положительного результата: преподавание, составление карты местности на реке Вегмас (Карелия), проектирование новых укреплений в Рижской крепости, перевод иностранных книг. Поручая Конону Зотову перевести две книги с фран-

⁴² Петров Абрам. Посвящение императрице Екатерине I в двух книгах учебника: «Geometrie practique» (Практическая геометрия) и «Fortification» (Фортификация). Рукопись. 23 ноября 1726 г. Факсимильное издание. 2015. Оригинал хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в составе библиотеки Петра I; факсимильное издание подготовлено для Пушкинского Заповедника при содействии Библиотеки Российской академии наук, ТДК «Москва», издательства «Ломоносов», издательства «Альфарет».

цузского, Петр писал ему: «А буде вы из тех книг, которых не изволите знать терминов, то извольте согласиться с Абрамом Петровым»⁴³.

И наконец, Ганнибалу было поручено быть хранителем чертежей и карт в императорском кабинете: «Мне небезызвестно, — писала Екатерина II в сентябре 1765 года, — что многие чертежи в сохранении вашем находились в то время, когда Блаженные памяти Государь Петр Великий по способности вашей употреблял вас по многим делам, почему я думаю, что вы сохраняя память сего великаго Государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойныя бумаги...»⁴⁴ «Прежде сего счастье имел, — отвечал Екатерине А.П. Ганнибал, — при блаженны и вечны достойныя памяти Государя Петра Великаго в смотреение моем иметь собственной Его Величества кабинет, в котором все чертежи, прожекты и библиотека имелись...»⁴⁵

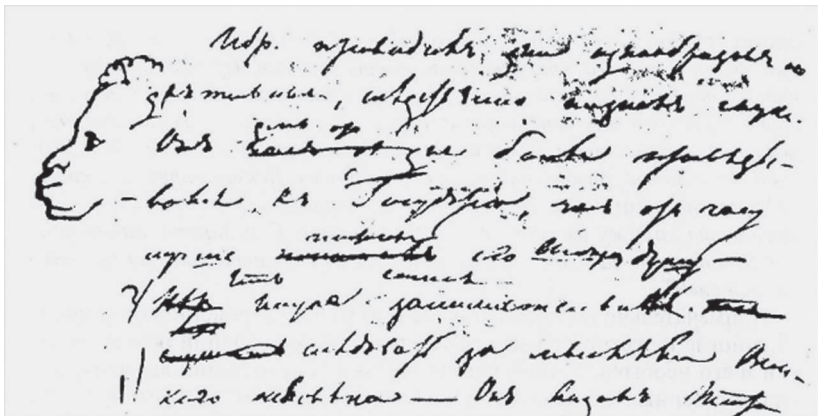
В романе «Арап Петра Великого» Россия предстает перед вернувшимся из Франции Ибрагимом в лице сподвижников Петра, концепция образа которого соответствует написанным в декабре 1826 года «Стансам». Но здесь образ Петра — «вечного работника на троне» — раскрыт уже с разных сторон. Глазами «наперсника» рисуется фигура Петра, сведенная Пушкиным с «одических» небес, на которые ее подняли поэты XVIII века. Величие Петра предстает не в минуты его героических деяний (о них только упоминается), а в подчеркнуто домашней, чисто бытовой обстановке: в кругу семьи, за игрой в шашки на ассамблее, в доме Ржевского, заботливо устраивающего семейные дела своего крестника. Личность Ибрагима, как впрочем и Ржевского, и стрельца Пушкина, стала фокусом, в котором соединились черты государственной деятельности Петра и его семейные, бытовые отношения.

Так, применив прием «семейного параллелизма», Пушкин изобразил царя-реформатора по вальтер-скоттовски «домашним образом». При отсутствии «петровского» тома в карамзинской «Истории государства

⁴³ Вегнер М.О. Предки Пушкина. С. 122–123.

⁴⁴ Ганнибал А.С. Ганнибалы: новые данные для их биографий. С. 216. Впервые письмо Екатерины II опубликовал Г.И. Сондоевский в 1897 году по подлиннику, хранившемуся у В.Ф. Коротова (1847–1908), сына правнучки А.П. Ганнибала — М.В. Коротовой (1802–1889). В 1903 году И.А. Шляпкин вторично предпринял его публикацию по подлиннику, находившемуся в Псковском археологическом музее. См.: Рукою Пушкина.

⁴⁵ Ганнибал А.С. Ганнибалы: новые данные для их биографий. С. 217.

Автопортрет в образе «арапа» (определение А.М. Эфрос);
 А.П. Ганнибал — воображаемый портрет, сделанный на основе самоизображения (определение Б.В. Томашевского, М.Д. Беляева, Т.Г. Цявловской).
 Черновой лист рукописи романа «Арап Петра Великого».
 Глава III. Михайловское, 1827 год

Российского» (она доведена до конца Смуты) Пушкин, избрав романную форму, имел новые возможности для изображения исторических персонажей — что называется, с чистого листа. Недаром С.Н. Карамзина увидела, что «многие черты характера [Ибрагима] и даже его наружности скалькированы с самого Пушкина»⁴⁶.

Этот «художественный» образ — и в романе, и в стихах, конечно же, не совпадает с тем образом «исторического» Петра, который Пушкин отметил ранее в публицистических «Заметках по русской истории XVIII века» и который он рисует в подготовительных материалах документальной хроники «Истории Петра I». Но это не значит, что в «Стансах» создается ложное представление о Петре. Стихи эти отчасти обращены лично к Николаю I: некоторое время Пушкин надеялся, что император станет истинным преемником Петра.

Зрелый Пушкин, писавший «Историю Петра Великого», отчетливо понимал принципиальную противоречивость действий царя-реформатора: «Достойна удивления разность между государственными

⁴⁶ Пушкин в письмах Карамзиных. 1836–1837 годы. М. ; Л., 1960. С. 202.

учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые — нередко жестокие — своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» (IX, 287). Однако в эпистолярном споре с Чаадаевым о специфике русской истории (10 октября 1836 года) имя Петра становится мощным аргументом в ее защите: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!» (X, 465; 489).

Наряду с этим следует отметить, что, отталкиваясь от автобиографического и историко-ситуативного интереса, Пушкин в созданной им «Петриаде», в которую входят «Заметки по русской истории XVIII века» (1822), «Стансы» (1826), «Арап Петра Великого» (1827), «Полтава» (1828), «Медный всадник» (1833), «История Петра I» (1832–1837), шел к мировоззренческому осознанию Петра I. И дело не просто в том, что для него «личная тема становится широкой политической», как писал Юрий Тынянов⁴⁷. Гораздо существеннее, что тема «истории дома» в контексте истории Отечества для него стала ценным материалом. На этом материале он мог решать наиболее актуальные политические вопросы о природе власти вообще, и, в частности, самодержавия; искать объяснения социального положения в России, связанного с созданным Петром типом государственности, и отыскивать в своем времени тенденции петровских преобразований, сказывающихся через «сто лет».

⁴⁷ Тынянов Ю.Н. Проза Пушкина // Литературный современник. 1937. № 4. С. 187.

**ИСТОРИЯ ЗАМУЖЕСТВА ДОЧЕРИ
ВЕНИАМИНА ПЕТРОВИЧА ГАННИБАЛА**

*По документам Государственного архива
Псковской области (ГАПО)*

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО), в фонде 110, опись 1, дело 436, хранятся документы, касающиеся потомков А.П. Ганнибала. Там на 57 листах собрана история семейства Марии Вениаминовны Коротовой (1802–1889), внебрачной дочери Вениамина Петровича Ганнибала (1780–1839). В книге хранителя усадьбы Петровское Л.В. Козминой¹ приведена родословная Ганнибалов — Пушкиных — Ржевских, где представлены в том числе и эти потомки по линии Петра Абрамовича (21.06.1742–8.06.1826). К теме родословия Ганнибалов обращались многие исследователи: П.В. Анненков, Д.Н. Анучин, М.О. Вегнер, Б.Л. Модзалевский, В.В. Набоков, Л.А. Черейский, Н.Я. Эйдельман, Ф. Лурье² и другие, но в основном через призму творчества А.С. Пушкина. Генеалогический интерес проявляли сами потомки Ганнибала, в частности, А.С. Ганнибал и Н.С. Белозерская³. Исторические документы, отражавшие историю рода, публиковал Г.М. Дейч, воссоздал ее Г.А. Леец, значительный вклад в эту тему внесла Т.Ю. Мальцева серией статей, позднее объединенных в книгу⁴. Архивные генеалогические изыскания по этой теме вели Н.А. Малеванов,

¹ *Козмина Л.В.* Петровское. Пушкин и Ганнибалы. М., 2003. С. 292 (Приложение).

² См.: *Анненков П.В.* Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. 1799–1826. СПб., 1874; *Вегнер М.О.* Предки Пушкина. М., 1937; *Модзалевский Б.Л.* Род Пушкина // А.С. Пушкин. Библиотека великих писателей / под ред. С.А. Венгерова. В 6 т. СПб., 1907; *Набоков В.В.* Пушкин и Ганнибал. Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989; *Лурье Ф.* В поисках родины // Нева. 2012. № 1.

³ См.: *Ганнибал А.С.* Ганнибалы. Новые данные для их биографии // Пушкин и его современники. Вып. 17–18, 19–20. СПб., 1913; *Белозерская Н.С.* Один из предков Пушкина // Исторический сборник. 1899. № 5.

⁴ См.: *Дейч Г.М.* Всё ли мы знаем о Пушкине? М., 1989; *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980; *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине / под ред. проф. Г.Н. Дубинина. М., 1999.

<p>Ваша милость угодно и просвещен на казен какия мил сий Ордена и впрочем судить оспешия, а в кого и полагания.</p>	<p>Судить оспешия, а в кого и полагания.</p>	<p>Может ли быть в дальнейшем</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>
<p>Умаров Канун Ордене Павлова сам Курьер. Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>	<p>Урагу милей у самож у нов</p>

Послужной список Ф.П. Коротова. Государственный архив

Российская Империя	Псков	Город
<p>№ 110</p> <p>№ 111</p> <p>№ 112</p> <p>№ 113</p> <p>№ 114</p> <p>№ 115</p> <p>№ 116</p> <p>№ 117</p> <p>№ 118</p> <p>№ 119</p> <p>№ 120</p> <p>№ 121</p> <p>№ 122</p> <p>№ 123</p> <p>№ 124</p> <p>№ 125</p> <p>№ 126</p> <p>№ 127</p> <p>№ 128</p> <p>№ 129</p> <p>№ 130</p> <p>№ 131</p> <p>№ 132</p> <p>№ 133</p> <p>№ 134</p> <p>№ 135</p> <p>№ 136</p> <p>№ 137</p> <p>№ 138</p> <p>№ 139</p> <p>№ 140</p> <p>№ 141</p> <p>№ 142</p> <p>№ 143</p> <p>№ 144</p> <p>№ 145</p> <p>№ 146</p> <p>№ 147</p> <p>№ 148</p> <p>№ 149</p> <p>№ 150</p> <p>№ 151</p> <p>№ 152</p> <p>№ 153</p> <p>№ 154</p> <p>№ 155</p> <p>№ 156</p> <p>№ 157</p> <p>№ 158</p> <p>№ 159</p> <p>№ 160</p> <p>№ 161</p> <p>№ 162</p> <p>№ 163</p> <p>№ 164</p> <p>№ 165</p> <p>№ 166</p> <p>№ 167</p> <p>№ 168</p> <p>№ 169</p> <p>№ 170</p> <p>№ 171</p> <p>№ 172</p> <p>№ 173</p> <p>№ 174</p> <p>№ 175</p> <p>№ 176</p> <p>№ 177</p> <p>№ 178</p> <p>№ 179</p> <p>№ 180</p> <p>№ 181</p> <p>№ 182</p> <p>№ 183</p> <p>№ 184</p> <p>№ 185</p> <p>№ 186</p> <p>№ 187</p> <p>№ 188</p> <p>№ 189</p> <p>№ 190</p> <p>№ 191</p> <p>№ 192</p> <p>№ 193</p> <p>№ 194</p> <p>№ 195</p> <p>№ 196</p> <p>№ 197</p> <p>№ 198</p> <p>№ 199</p> <p>№ 200</p>	<p>№ 110</p> <p>№ 111</p> <p>№ 112</p> <p>№ 113</p> <p>№ 114</p> <p>№ 115</p> <p>№ 116</p> <p>№ 117</p> <p>№ 118</p> <p>№ 119</p> <p>№ 120</p> <p>№ 121</p> <p>№ 122</p> <p>№ 123</p> <p>№ 124</p> <p>№ 125</p> <p>№ 126</p> <p>№ 127</p> <p>№ 128</p> <p>№ 129</p> <p>№ 130</p> <p>№ 131</p> <p>№ 132</p> <p>№ 133</p> <p>№ 134</p> <p>№ 135</p> <p>№ 136</p> <p>№ 137</p> <p>№ 138</p> <p>№ 139</p> <p>№ 140</p> <p>№ 141</p> <p>№ 142</p> <p>№ 143</p> <p>№ 144</p> <p>№ 145</p> <p>№ 146</p> <p>№ 147</p> <p>№ 148</p> <p>№ 149</p> <p>№ 150</p> <p>№ 151</p> <p>№ 152</p> <p>№ 153</p> <p>№ 154</p> <p>№ 155</p> <p>№ 156</p> <p>№ 157</p> <p>№ 158</p> <p>№ 159</p> <p>№ 160</p> <p>№ 161</p> <p>№ 162</p> <p>№ 163</p> <p>№ 164</p> <p>№ 165</p> <p>№ 166</p> <p>№ 167</p> <p>№ 168</p> <p>№ 169</p> <p>№ 170</p> <p>№ 171</p> <p>№ 172</p> <p>№ 173</p> <p>№ 174</p> <p>№ 175</p> <p>№ 176</p> <p>№ 177</p> <p>№ 178</p> <p>№ 179</p> <p>№ 180</p> <p>№ 181</p> <p>№ 182</p> <p>№ 183</p> <p>№ 184</p> <p>№ 185</p> <p>№ 186</p> <p>№ 187</p> <p>№ 188</p> <p>№ 189</p> <p>№ 190</p> <p>№ 191</p> <p>№ 192</p> <p>№ 193</p> <p>№ 194</p> <p>№ 195</p> <p>№ 196</p> <p>№ 197</p> <p>№ 198</p> <p>№ 199</p> <p>№ 200</p>	<p>№ 110</p> <p>№ 111</p> <p>№ 112</p> <p>№ 113</p> <p>№ 114</p> <p>№ 115</p> <p>№ 116</p> <p>№ 117</p> <p>№ 118</p> <p>№ 119</p> <p>№ 120</p> <p>№ 121</p> <p>№ 122</p> <p>№ 123</p> <p>№ 124</p> <p>№ 125</p> <p>№ 126</p> <p>№ 127</p> <p>№ 128</p> <p>№ 129</p> <p>№ 130</p> <p>№ 131</p> <p>№ 132</p> <p>№ 133</p> <p>№ 134</p> <p>№ 135</p> <p>№ 136</p> <p>№ 137</p> <p>№ 138</p> <p>№ 139</p> <p>№ 140</p> <p>№ 141</p> <p>№ 142</p> <p>№ 143</p> <p>№ 144</p> <p>№ 145</p> <p>№ 146</p> <p>№ 147</p> <p>№ 148</p> <p>№ 149</p> <p>№ 150</p> <p>№ 151</p> <p>№ 152</p> <p>№ 153</p> <p>№ 154</p> <p>№ 155</p> <p>№ 156</p> <p>№ 157</p> <p>№ 158</p> <p>№ 159</p> <p>№ 160</p> <p>№ 161</p> <p>№ 162</p> <p>№ 163</p> <p>№ 164</p> <p>№ 165</p> <p>№ 166</p> <p>№ 167</p> <p>№ 168</p> <p>№ 169</p> <p>№ 170</p> <p>№ 171</p> <p>№ 172</p> <p>№ 173</p> <p>№ 174</p> <p>№ 175</p> <p>№ 176</p> <p>№ 177</p> <p>№ 178</p> <p>№ 179</p> <p>№ 180</p> <p>№ 181</p> <p>№ 182</p> <p>№ 183</p> <p>№ 184</p> <p>№ 185</p> <p>№ 186</p> <p>№ 187</p> <p>№ 188</p> <p>№ 189</p> <p>№ 190</p> <p>№ 191</p> <p>№ 192</p> <p>№ 193</p> <p>№ 194</p> <p>№ 195</p> <p>№ 196</p> <p>№ 197</p> <p>№ 198</p> <p>№ 199</p> <p>№ 200</p>

Псковской области (ГАПО). 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 14 об. - 15

Н.К. Телетова, Н.И. Новиков, а также авторы, связанные с музеефикацией усадеб бывших ганнибаловских земель: С.С. Гейченко, Г.Ф. Симакина, Б.М. Козмин и Л.В. Козмина⁵.

В деле № 436 ГАПО на первом листе имеется надпись: «О внесении в дворянскую родословную книгу дворян Коротковых с выдачею документов о дворянстве». Ошибка в написании фамилии детей Марии Вениаминовны от Федора Павловича Коротова (1800–1856?) обусловлена тем, что фамилия эта в своем роде уникальна. Таких дворян не было ни в одной губернии Российской империи, включая Воронежскую, из которой, судя по формулярному списку, был родом муж Марии Вениаминовны. По крайней мере, среди воронежских дворян, внесенных в родословную книгу указом правительствующего Сената за 1788–1890 годы, такие дворяне не числятся⁶. Дворяне Коротковы есть во Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Новгородской, Тамбовской, Харьковской губерниях. А Коротовы — только в Псковской, и это потомки Марии Вениаминовны и нашего Федора Павловича Коротова. В его «формулярном списке»⁷ написано, что он был зачислен в 1817 году в Дворянский полк, а затем распределен в Новоингерманландский. Дворянский полк — первоначально Волонтерский корпус, который находился при Втором кадетском корпусе Санкт-Петербурга и был создан по указу Александра I в марте 1807 года для молодых дворян, желающих служить в армии с 16 лет⁸.

⁵ См.: *Малеванов Н.А.* Прадед поэта // Звезда. 1974. № 6. С. 156; *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004; *Новиков Н.С.* Легенды и были Пушкиногорья. По архивным изысканиям // Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007; *Гейченко С.С.* В деревне, где Петра питомец... Там, где жил «арап Петра Великого». Из прошлого сельца Петровского // С.С. Гейченко. У Лукоморья. Л., 1977; Л., 1981; *Симакина Г.Ф.* П.А. Ганнибал — двоюродный дед А.С. Пушкина. Незвестные моменты биографии // Михайловская пушкиниана. Вып. 1. М., 1996. С. 43–48; *Козмин Б.М.* К вопросу об иконографии арапа Петра Великого // Михайловская пушкиниана. Вып. 1. М., 1996. С. 39–42; *Козмина Л.В.* Петровское: Поэт и Прадед. СПб., 2012.

⁶ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И 29. Оп. 1. Д. 12. Л. 365.

⁷ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 14, 15 об.

⁸ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890; Ярославль, 1991. Т. 19. С. 203.

Причиной возникновения учебного полка был низкий образовательный ценз армейского состава в XVIII–XIX веках. Среди армейских офицеров было немало выходцев из других сословий, часто не прошедших даже начального обучения. Образование со времен Петра Великого открывало широкие возможности для желающих послужить Отечеству, достичь успехов в карьере и даже добиться дворянского достоинства. Прививалось мнение, высказанное А.С. Пушкиным в июне 1830 года в «Литературной газете»: «Дворянское достоинство в особенности ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские легко выводят в оное людей прочих званий»⁹. Дворянство как правящее сословие в России возникло как служащие при различных княжеских дворах, а затем и в госструктурах. Конечно, для достойного исполнения своих обязанностей они должны были быть хорошо образованными людьми. В «Манифесте о вольности дворянской» (1762) для них официально закреплялась обязанность иметь образование: «Чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать»¹⁰. Однако военные, храбростью и подвигами достигшие личного дворянства, часто незнатных или захудалых родов, не могли дать своим детям достойного воспитания. В конце XVIII века от всего офицерского состава, к примеру, Херсонского полка только 80% знали счет и письмо, под чем подразумевалось умение поставить подпись. Среди офицеров этого полка дворян было всего 37%, иностранцев 15%, детей сержантов, обер-офицеров и солдат по 6%, были мещане, крестьяне, цеховые и вольноопределяющиеся без формулярных списков¹¹. Значительно уменьшился возраст и имущественный ценз офицеров¹², уже не надо было, как раньше, иметь имущественную состоятельность для службы в армии¹³. В условиях постоянных войн и нехватки кадров учебный Дворянский полк был призван дать систему подготовки будущих

⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 137.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. Т. 15. М., 1887. С. 110.

¹¹ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 14.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 19. С. 204.

офицеров в сухопутных кадетских корпусах Санкт-Петербурга. Принимались молодые люди, желающие быть военными, с университетским образованием — сразу в унтер-офицеры, а прошедшие обучение только в гимназиях или пансионах — в рядовые. После обучения в Дворянском полку общим дисциплинам и начальной военной подготовке в течение двух — четырех лет в зависимости от знаний и успехов молодые люди выпускались прапорщиками в пехоту и корнетами в кавалерию. Ф.П. Коротов поступил в Дворянский полк 28 июля (по старому стилю) 1817 года «для научения порядку военной службы»¹⁴, унтер-офицером (промежуточный чин между рядовым и офицером) стал в 1820-м, а прапорщиком — в 1821 году, 24 апреля (по старому стилю) с определением в Новоингерманландский пехотный полк. В его послужном списке написано: «По российскому читать и писать умеет, обучался Закону Божьему, арифметике, военному письмоводству и судопроизводству...»¹⁵ То, что Коротов был обучен судопроизводству, давало ему неплохой шанс для карьеры, так как в воинском Уставе важным элементом было положение о полковых судах. В полках была даже должность аудитора, который отвечал за правильное ведение судебного процесса¹⁶. Надо сказать, что это была и доходная должность: в год на ведение письменных дел полка отпускалось от 100 рублей и более. Решения по воинским преступлениям выносили комендант крепости или (в военное время) полковник полка, два капитана, два поручика, два сержанта, два капрала, два или четыре рядовых и аудитор. Решения принимались большинством голосов — такой порядок учредил еще Петр I, но в царствование Екатерины II нижние чины были исключены. Суды разбирали в том числе и дела о мародерстве, хотя грабежи неприятельского города и земли были узаконены в то время¹⁷. В 1825 году из 47 офицеров Новоингерманландского полка был только один человек, обученный военному письмоводству¹⁸, — скорее всего, это был наш Ф.П. Коротов.

Считается, что Новоингерманландский полк был создан по приказу генерал-губернатора Крыма Г. Потемкина в 1785 году¹⁹. Первона-

¹⁴ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 15.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 26.

¹⁸ Там же. С. 191.

¹⁹ Там же. С. 3.

чально он назывался Херсонский пехотный и появился еще в 1784 году, при Херсонском адмиралтействе и его коменданте, сподвижнике Ивана Абрамовича Ганнибала. Он так и назывался: «Полковника Александра Соколова пехотный полк», но в 1785 году полк был переименован в Херсонский, а в 1790-м в Ингерманландский и входил в состав полевых войск²⁰. Но при этом переименовании возникла путаница, так как был еще известный с 1720-х годов Ингерманландский полк, который считался Императорской гвардией. В результате в 1791 году полк был отозван из Очакова и переименован в Новоингерманландский²¹. Он принимал участие во всех сражениях конца XVIII — начала XX века, в том числе в войне с Турцией, Польшей, Францией и в Отечественной войне 1812 года в составе различных дивизий под командованием Багратиона, Кутузова, Ермолова, Барклая-де-Толли. В битве при Бородине полк в составе 12-й дивизии стоял на левом фланге Раевского, защищая Багратионовы флеши. В бою полк потерял 9 000 бойцов, многие из командиров дрались впереди солдат; тогда отличился поручик Ржепиковский, возможно, родственник мужа сестры Вениамина Петровича Ганнибала — Александры, так же, как и майор барон Карл Егорович Врангель, после Бородина получивший чин полковника²². Врангели были в родстве с Пушкиными по линии Ганнибалов; Каролина Ивановна, двоюродная сестра Надежды Осиповны, матери А.С. Пушкина, была с 1824 года²³ вдовой Карла Рейнгольдовича фон Врангеля²⁴.

После окончательной победы над Наполеоном в 1815 году Новоингерманландский полк остался в составе оккупационных войск. А в сентябре этого же года в полк прибыл командир корпуса, оставляемого во Франции, генерал-лейтенант М.С. Воронцов. Он был человеком просвещенным, хотя Пушкин его окрестил «полу-мудрец, полу-невежда» (II, 284). С его появлением началась новая эпоха управления полком: были запрещены всякие наказания за лень, кроме двойного учения, внедряются солдатские школы по методу взаимного обучения. Эти ланкастерские, или, как у А.С. Грибоедова в «Горе от ума», «ланкартачных

²⁰ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 4.

²¹ Там же. С. 55.

²² Там же. С. 141.

²³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 19. С. 337.

²⁴ *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 173.

взаимных обучений», школы были открыты для всех чинов корпуса²⁵. Гуманное управление графа Воронцова доказало, что не только грубостью и палкой можно добиться дисциплины, но и отеческим вниманием и заботой. В благодарность все чины полка преподнесли графу при прощании в 1818 году роскошную вазу²⁶, которую, возможно, видел А.С. Пушкин. Она украсила дом Воронцова в Одессе, куда он был переведен с мая 1823 года новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области²⁷.

Новоингерманландский полк, куда был распределен в октябре 1821 года Ф.П. Коротов, состоял из достаточно молодых людей, от 19 до 49 лет, по преимуществу бессемейных и не обеспеченных материально²⁸. В 1825 году женатых было только два обер-офицера²⁹. Состав офицеров в это время был следующим: 70% из дворян, 10% обер-офицерских детей, остальные 20% производились из нижних чинов за выслугу лет из разных сословий, не исключая и крестьян³⁰. Полк этот имел свои постоянные квартиры в городе Острове и его окрестностях, где простоял зиму 1823/24 годов. Летом 1825 года полк принял участие в маневрах с гвардейским корпусом, затем в августе полк нес караулы в Санкт-Петербурге и занимался строевой подготовкой, за что ему было объявлено Высочайшее благоволение³¹. Затем полк вернулся в Псковскую губернию и расположился в Гдове, а далее в Опочке. Очевидно, там и могло состояться знакомство Коротова и Вениамина Петровича Ганнибала, который решил устроить партию для своей незаконнорожденной дочери Марии.

Мы не знаем, как выглядел наряд невесты, зато о женихе можно составить впечатление на основании реформы военной формы после восшествия на престол Николая Павловича. Если раньше офицеры носили мундир или кафтан двубортный из темно-зеленого сукна со стоячим воротником, с плоскими медными пуговицами на красной каразейной подкладке, с темно-зеленым воротником и рукавными клапанами,

²⁵ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 186.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 78.

²⁸ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 192.

²⁹ Там же. С. 194.

³⁰ Там же. С. 191.

³¹ Там же.

то с 1825 года как офицерам, так и нижним чинам были даны вместо двубортных мундиров однобортные с девятью плоскими спереди пуговицами, с красными рукавными клапанами вместо темно-зеленых и с красною выпушкою: по борту, от борта до фалд, а у офицеров и в карманных складках. На плечах офицерам было определено носить погоны со звездочками и эполеты в соответствии со званием и с цифрой «3». Серые офицерские рейтузы и белые панталоны с высокими сапогами заменены длинными темно-зелеными панталонами с красною на боковых швах выпушкою. Офицеры в строю и на парад вместо сапог под панталоны должны были надевать черные суконные полуштилеты, застегивающиеся пятью или шестью медными пуговицами. Штаб-офицерам полка и обер-офицерам, которым в строю положено быть верхом, велено носить белые полотняные или замшевые панталоны и сапоги. Головной убор — кивер из черного сукна, прошитый кожей, вначале был с черным из петушиных перьев султаном, а после с серебряным репейком с императорским вензелем, с черно-оранжевой кокардой, куда после польской кампании 1831–1833 годов добавилась серебряная середина. Сзади кивера была вызолоченная шестиконечная звездочка, за которую во время марша можно было закидывать длинные шнуры с кистями, висевшие с правой стороны головного убора. Также носили фуражки на манер кивера, но ниже, разных цветов поверху и опушке, в зависимости от батальона. Со временем кивера стали полностью кожаными, высотой около 18 см, с большими развалами, вогнутые с боков, с медными чешуйчатыми подбородными ремнями и красным околышем. Стоимость всего этого обмундирования вычиталась из жалования как офицеров, так и нижних чинов. Офицеры платили и за знамена полка, за палатки и содержание оружия. Коротов, не имея крепостных и поместий, судя по документам³², пытался поправить свое материальное положение с помощью карточной игры, а потом и выгодной женитьбы. Из литературы мы знаем, что идея выдать замуж за Коротова свою дочь принадлежала В.П. Ганнибалу³³.

Запись о венчании Марии Вениаминовны и Коротова имеется в «Деле о дворянском достоинстве» Коротовых, начатом 2 сентября 1848 года и оконченном 30 октября 1895 года³⁴. Оно было необходимо

³² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 459. Л. 14.

³³ См.: *Козмина Л.В.* Петровское. Пушкин и Ганнибалы.

³⁴ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 27.

*Пятницкая церковь при Святогорском монастыре.
Фото 1900–1910 годов. С сайта www.pastvu.com*

для определения детей, потомков Ганнибала, в казенные учебные заведения. Проверяли все метрические записи «капитана Федора Павловича Коротова с сыном Павлом и дочерьми», а также «жены его Марии Вениаминовны, по состоянию за ней недвижимому имению Псковской губернии Новоржевском и Опочецком уездах»³⁵.

В обращении Коротовых в Дворянское собрание с просьбой о признании их дворянского достоинства было написано, что венчание их было совершено в Новоржевском уезде Троицкой церкви погоста Бардова³⁶. Но при проверке брачных росписей была обнаружена недостоверность сведений. Запись о бракосочетании Коротовых нашлась в метрической книге Пятницкой церкви при Святогорском монастыре за № 10 от 24 мая 1826 года. Факт венчания обычно заносился во вторую часть метрической книги, которая называлась «О бракосочетавшихся». В графах указывались номер брака по счету в книге, дата события, полные имена, место жительства, возраст брачующихся, сословие, вероиспо-

³⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436.

³⁶ Там же. Л. 27.

ведение, который по счету брак, а для невесты имя отца и сословие. «Федор Павлович Коротов, Новоингерманландского пехотного полка поручик, 22 лет, венчан Опочецкого помещика Сельца Петровское Вениамина Петрова Ганнибалова с дочерью девицей Марьей Вениаминовой, 18 лет, первым законным браком, 24 мая»³⁷. Но если венчание происходило в 1826 году, значит, жениху было 26 лет. Так же и невеста, которая была прихожанкой Воскресенской церкви Воронича³⁸, комплиментарно записана 18-летней, а ей было уже 24. Чтобы не было подобных ошибок, брачующиеся из другого прихода или местности были обязаны предъявить документ о рождении (метрическую выписку) и справку о том, что посещают исповеди и причастие. Но Мария была незаконнорожденной, родилась, по-видимому, в Петербурге у служанки матери Вениамина Петровича — казанской помещицы. Где была сделана метрика, неизвестно, да и предоставлять ее было незачем. Что касается жениха, то он, если был военнотружашим, должен был получить разрешение на брак от командира и привезти рекомендательное письмо к священнику. Разрешение командира прикладывалось к брачному сыску, на нем священник ставил свою подпись и резолюцию. В нашем случае запись была сделана в понедельник, что само по себе странно, хотя не противоречит традиции; сама запись была сделана под «честное слово» участников торжества. Записан Коротов «поручиком», но по послужному списку мы читаем, что в 1826 году он был подпоручиком и в том же году «уволен от службы по домашним обстоятельствам 1826 года апрель»³⁹. Когда военный выходил в отставку, ему, по ходатайству начальства, могли присвоить следующий чин, но в документах он числился еще подпоручиком, а поручиком был записан только со дня поступления вновь на службу.

Во второй части метрической книги «О брачующихся» приводились данные свидетелей, поручителей, которые подтверждали факт венчания. Обычно это были родственники, близкие друзья с каждой стороны, два — три человека или более. Свидетели несли ответственность перед судом за дачу «ложных показаний», бывало что и наказывались, а достоверность сведений заранее проверялась. Но в нашем случае запись была, как мы уже сказали, сделана со слов участников бракосочетания, о чем говорит то, что список свидетелей дан без указания фамилий и званий,

³⁷ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436.

³⁸ Там же. Л. 29.

³⁹ Там же. Л. 11.

так сказать, «по-домашнему». Возможно, что это венчание произошло особым образом, а многие участники и свидетели могли присутствовать заочно. Поэтому и место венчания было перепутано, и фамилии свидетелей забыты. Хотя это выглядит странно — тем более, что сам жених был научен «судопроизводству»⁴⁰, т. е. специфической деятельности органов судебной власти, и должен был понимать важность этого события и всех записей.

За проверку данных обычно бралась Герольдия — учреждение, занимающееся делами дворянского сословия. Она была создана в 1722 году в Санкт-Петербурге как Герольдмейстерская контора и занималась наблюдением за службой дворян и их детей, составлением гербов и т. д. С середины XVIII века на нее возложили дела по производству в чины, выдачу справок о дворянстве. С 1800 года контора получила права коллегии и стало официально называться Герольдией. Коллегия составляла «Общий гербовник дворянских родов», а с 1826 года проверяла решения дворянских губернских собраний о внесении дворян в губернские родословные книги, выдаче дипломов и грамот на дворянское достоинство, документов на чины и назначения на службу⁴¹.

Так случилось, что результаты расследования Герольдии, правда, формального, зафиксированы в документе, хранящемся в ГАПО⁴²: «292. Ведомство православного исповедания Псковская Духовная консистория 13 декабря 1843 г. № 6441. В Псковское Дворянское Депутатское собрание. В следствие отношения одного Дворянского Депутатского собрания от 13 сего декабря за № 478, Псковская Духовная Консистория сим уведомляет, что по отношению одного сия Собрания от 12 истекшего ноября за № 421, делана была в Консистории справка, по коей оказалось, что в метрической книге Опочецкого уезда Пятницкой церкви что при Святогорском монастыре за тысяча восемьсот двадцать шестой год под № 10 статья наряду с прочими записана так: «Новоингерманландского пехотного полка поручик Федор Павлович Коротов двадцати двух лет венчан Опочецкого помещика сельца Петровского Вениамина Петрова Ганнибалова с дочерью девицей Марьею Вениаминою осьмнадцати лет первым законным браком двадцать четвертого мая. При сем свидетели были: со стороны

⁴⁰ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436.

⁴¹ См.: Российская империя // Энциклопедия всемирной истории. В 8 т. М., 2009. С. 145.

⁴² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 35, 35 об., 36.

жениха отставной капитан и кавалер Иосиф и венчальная мать помещица Христина Семеновна Сумароцкая...»

Кто этот «отставной капитан и кавалер Иосиф», мы можем только догадываться. Может быть, это отец Наталии Иосифовны Имберг, жены Александра Павловича Неелова, троюродного брата Пушкина, в то время мичмана⁴³? А венчальной матерью здесь названа «помещица Христина Семеновна Сумароцкая», в девичестве Неелова (1762–1834?) — племянница Петра Абрамовича Ганнибала. Она была дочерью Анны Абрамовны Ганнибал и Семена Степановича Неелова, сослуживца Абрама Петровича Ганнибала⁴⁴. Вышла замуж за Василия Герасимовича Сумородского (Сумароцкого), капитана, умершего в 1806 году, т. е. должна была быть указана «вдовой капитана»⁴⁵.

Со стороны невесты указан «венчальный отец полковник Александр», возможно, офицер Новоингерманландского полка Александр Адамович Глаубич, женатый на дочери Якова Исааковича Ганнибала, Евгении. Как раз в апреле 1826 года он был «по приказу уволен от службы за болезнью полковником и с мундиром»⁴⁶. Таким образом, все необходимые сведения о женихе мог сообщить он лично, и, очевидно, записано с его слов. Венчальной матерью записана Александра Ржепиковская⁴⁷, урожденная Ганнибал (1786–1854), сестра Вениамина Петровича и тетя невесты. Ее фамилия писалась иногда как Ржепановская, и если она была на венчании, то можно говорить о ее более раннем появлении в Опочецком уезде, чем время приобретения и межевания ею сельца Александровского Опочецкого уезда⁴⁸. Кстати, в Новоингерманландском полку во второй роте служил подпоручиком ее муж Ржепиковский⁴⁹, отмеченный орденом Св. Анны III степени за отвагу в Бородинской битве⁵⁰.

⁴³ *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 270.

⁴⁴ Там же. С. 141.

⁴⁵ Там же. С. 266.

⁴⁶ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 24.

⁴⁷ *Никифоров В.Г.* Земли родной минувшая судьба. История усадеб «Пушкинского уголка» и судьбы его обитателей // Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М., 2001. С. 234.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 126.

⁵⁰ Там же. С. 141.

44
237

Милост. Дворян
Семён Сабранин

Къ Милосту Судакому
Канцелярии

№ 11 Канцелярии 1842
1842

Дворянину Сабранину прошоу
да при семъ свидѣательство
свѣдѣнно и сурово имъ же
окоукало ~~судомъ~~ ^{судомъ}
на ~~Сабранина~~ ^{Сабранина} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
при ~~суде~~ ^{суде} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
на ~~Сабранина~~ ^{Сабранина} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
двѣдѣна въ ~~Сабранина~~ ^{Сабранина} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
~~Сабранина~~ ^{Сабранина} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
Королева, и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
ста ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
на ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
Дворян. Канцелярии ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
ства ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
Сабранинъ ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
Г. Королева ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
рад-хину.

Прошение Коротова с указанием факта венчания с Марией Вениаминовной.
ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 27

Венчал Коротовых священник Федор Федосеев⁵¹, дьякон Григорий Герасимов, дьячок Николай Антонов, а пономарил Александр Раевский, сын священника Иллариона Евдокимова Раевского, знаменитого «попа Шкоды»⁵². Акт проверки резюмировал: «Так как в метрической статье означенный отец со стороны жениха написан без означения отчества и фамилии и венчальный отец со стороны невесты написан также без означения отчества и фамилии и равно и матери венчальные написаны без показания чина, имени и отчества их, то из Консистории 25 ноября предписано, Опочецкому Духовному правлению произвести через кого следует, о том расследование. По доставлении такового Консистория не замедлит выдачею формального свидетельства о браке. Член Консистории Кафедральный протоиерей Иоанн Знаменский»⁵³. Всё это вызывает ощущение инициативы и ответственности только Вениамина Петровича, который решил за новобрачных всё в известных традициях «ганнибаловщины».

Это событие прошло мимо А.С. Пушкина, который приходился троюродным братом Марии Вениаминовне и жил в это время по соседству в Михайловском. А гостеприимный «хлебосол и весельчак»⁵⁴ Вениамин Петрович, который «близко сошелся с Пушкиным и особенно его родителями»⁵⁵, почему-то не уведомил его о свадьбе своей дочери. Считается, что поэт был знаком и с самой Марией⁵⁶, однако точных свидетельств мы не знаем. Пушкин был дружен с семейством «попа Шкоды», сын которого был записан пономарем на венчании. Всё это очень странно, даже если признать факт равнодушия Пушкина к обитателям Петровского: свадьба обычно собирает родственников — вне зависимости от межличностных отношений и их состояния. Может быть, косвенным отголоском этого события является то, что в это время Александр Сергеевич решает вопрос о своем будущем незаконнорожденном ребенке от крепостной девицы Ольги Калашниковой. Не позднее 24 мая, даты бракосочетания Марии и Коротова, он пишет П.А. Вяземскому, которого он

⁵¹ *Новиков Н.С.* Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели местные священнослужители // Духовный труженик. А.С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999. С. 206.

⁵² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 35 об.

⁵³ Там же. Л. 21.

⁵⁴ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. С. 49.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 94.

просит посодействовать в щекотливом деле: «Видел ли ты мою Эдду? Вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?» (XIII, 278). В этих сплошных знаках вопроса скрытая взволнованность, переживания за неопределенность их положения с Ольгой перед судом общества и совести. Пушкин задумывался о женитьбе, но признается, что не готов к этому: «Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная [...] род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит... Брак холостит душу» (XIII, 279).

Как мы видим, на следующий день после венчания Марии Вениаминовны он уезжает в Псков, останавливаясь в доме своего знакомого, Г.П. Назимова (13.10.1794–6.11.1850)⁵⁷. С ним, очевидно, встречает свой день рождения на следующий день, хотя точно сказать нельзя: «...проводит свой 27 день рождения, но как и с кем, неизвестно»⁵⁸. Возможно, что в компании молодого доктора, штаб-лекаря В.И. Всеволодова (1790–1863), с которым он консультируется накануне по поводу своей аневризмы⁵⁹ — поскольку в письме П.А. Вяземскому от 27 мая он пишет: «Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяну сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опочечком уезде» (XIII, 279–280). Затем Пушкин едет в село Преображенское Псковского уезда, там проводит несколько дней до своих именин, в том числе за игрой в карты с хозяином и его приятелями: Василием Николаевичем Беклешовым⁶⁰ и Федором Ивановичем Цициановым. Это явствует из приписки к пушкинскому письму от 3 июня 1826 года, в котором Пушкин, обращаясь к И.Е. Великопольскому, просит: «...Сделайте одолжение, пять сот рублей, которые вы мне должны, возвратит не мне, но Гаврилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно, Александра Пушкина» (XIII, 282). И.Е. Великопольский (1797–1868) был родом из Казани, как и Вениамин Петрович, а служил в то время в Староингерманландском полку, стоявшем в Пскове. Цицианов был однополчанином Великопольского и поручиком Псковского пехотного полка расквартированной в Пскове 3-й пехотной дивизии, куда входил и Новоингерманландский полк. С ним Пушкин был хорошо знаком,

⁵⁷ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / сост. М.А. Цявловский. Л., 1991. С. 621.

⁵⁸ *Тархова Н.А.* Жизнь Александра Сергеевича Пушкина. М., 2009. С. 330.

⁵⁹ *Старк В.* Пушкин в Преображенском, Назимово тож // «Обитель дальная трудов и чистых нег...» Псковская земля. История в лицах. М., 2008. С. 140.

⁶⁰ Там же. С. 134–136.

о чем говорят неоднократные упоминания о князе в письмах к Великопольскому (XIII, 169). Скука провинциального города была такой же, как в «глухом Михайловском» (XIII, 280), и частенько собирала компанию молодых людей за игрой в карты⁶¹. К ней пристрастился в то же время и Ф.П. Коротов, не имевший, в отличие от своих партнеров, земельных владений и крепостных. К нему с полным правом можно отнести слова Великопольского в ответном послании Пушкину:

Не говорил ли я заране:
Не сдобровать тебе с игрой,
И есть дыра в твоём кармане!

После свадьбы Федор Павлович жил с семьей вначале в городе Острове (здесь был расквартирован его полк). Об этом свидетельствует метрическая запись за № 118 в Троицком соборе о рождении сына Павла 27 июня 1827 года⁶². А крещен был младенец уже в Воронежской церкви Воскресения 6 июля. Видимо, с этого времени семья жила в Петровском до 1833 года, пока шла Польская кампания, унесшая много жизней однополчан Коротова. А после он вновь заявляется в полк «прежним поручиком чином августа 13... Прибыл к оному 23 октября 1833 года»⁶³. В 1833 году, по-видимому, произошло некое событие в благородном семействе, после чего было написано завещание Вениамина Петровича Ганнибала, в котором он, не упоминая зятя, наследниками делает своих внуков и дочь. «А до времени совершеннолетия крестных детей моих Павла, Евпраксии, Надежды и Марии Федоровых Коротовых предоставляю полное право матери их, жене отставного поручика, Марии Вениаминовне Коротовой всем здесь завещанным мною движимым имением распоряжаться по благоусмотрению ее...»⁶⁴ Судя по тому, что в завещании, написанном «лета тысяча восемьсот тридцать третье ноября третий день»⁶⁵, Мария Вениаминовна записана женой отставного поручика, Вениамин Петрович даже не знал о том, что Коротов вернулся на службу в октябре. В это время произошло реформирование

⁶¹ *Старк В.* Пушкин в Преображенском, Назимово тож // «Обитель дальная трудов и чистых нег...» Псковская земля. История в лицах. М., 2008. С.135.

⁶² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 29.

⁶³ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 11.

⁶⁴ *Козмина Л.В.* Петровское. Пушкин и Ганнибалы. С. 14.

⁶⁵ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. С. 54.

полка в связи с большими потерями во время Польской кампании в битвах под Минском, при Варве, Грохове, Остроленке. Полк вместе со Староингерманландским полком под началом генерал-майора Набокова брал Варшаву 28 августа 1831 года. За проявленные при этом подвиги все служащие в этом полку стали носить на головных уборах надпись «За Варшаву». По-видимому, такую надпись получил и Ф.П. Коротов, вступивший в полк позже, когда тот стоял в Виленской губернии. В начале 1834 года часть полка перешла в Псковскую губернию, а штат полка был полностью укомплектован.

Что же произошло, что Коротов предпочел вернуться на службу? Вениамин Петрович Ганнибал, несомненно, любил свою дочь и, выдав ее замуж за военного, поручика Федора Павловича Коротова, рассчитывал обеспечить ей положение. Но, как нам сейчас известно, расчет не оправдался — зять оказался пьяницей и картежником⁶⁶. После смерти Вениамина Петровича Коротов сразу в январе 1840 года подает рапорт и с 24 февраля этого же года приказом № 18 по корпусу увольняется «в отпуск по домашним обстоятельствам» на 28 дней. Очевидно тогда, забрав причитающееся по завещанию имущество, семейство уехало в имение Герасимово (Богородское), приобретенное для Марии Вениамином Петровичем еще при его жизни. Федор Павлович на службу не вернулся, предоставив медицинское свидетельство о «приключившейся ему болезни». Основанием для увольнения от службы офицера, не достигшего 55 лет, могла служить болезнь, если по истечении года заболевший не выздоровел⁶⁷. Окончательно он вышел в отставку 8 февраля 1841 года капитаном с мундиром. Надо сказать, что офицеры, уволенные от службы, награждались чином и правом ношения мундира лишь по особому ходатайству начальства⁶⁸. Зять Ганнибала в Новоингерманландском полку чтили — если не за его достоинства, то это можно рассматривать как своеобразную дань уважения фамилии.

Личная жизнь Коротова стала обычной для армейских служаков историй. Происходившие из низов служилые дворяне были, так сказать, продуктом своей среды. Пьянство, дебоши, драки были нормальным для них поведением. Вспомнить хотя бы печальную историю семейной жизни Алины, падчерицы П.А. Осиповой, которая была замужем

⁶⁶ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. С. 47.

⁶⁷ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 67. С. 423.

⁶⁸ Там же. С. 424.

Пописи
№ 56

Коротковичъ

1

№ 10

о внесении во вторую часть дворянской
родословной книги сына дворянина
Владимира Семеновича Короткова
Владимира, съ выдачею на имя
его свидетельства о дворянскомъ до-
стоинствѣ

Начато 19го Мая }
Решено 18го Июня } 1895 года.

Окончание дела о вписании в дворянскую книгу внука Марии Вениаминовны
Владимира Федоровича и его детей. 1895 год.
ГАПО. Ф, 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 1

за подобным армейским типажом и братом пушкинского напарника по игре в штос — П.Н. Беклешовым⁶⁹. Кстати, семейство Беклешовых было также связано с Новоингерманландским полком начиная с отца, генерал-лейтенанта Беклешова, который в 1797 году, будучи подольским генерал-губернатором, имел у себя в подчинении Днестровскую дивизию, куда входил и Новоингерманландский полк⁷⁰. А с 1824 и до 1834 года 3-й дивизией полка командовал генерал-майор И.А. Набоков⁷¹, у которого адъютантом был П.И. Цицианов, брат Ф.И. Цицианова, с которым Пушкин встречался в Пскове⁷².

В Новоингерманландском полку служил и муж незаконнорожденной дочери Якова Исааковича Ганнибала Надежды — Емельян Алексеевич Пешков⁷³. Происходя из «солдатских детей», он, поступив рядовым, благодаря храбрости и уму сделал отличную карьеру, дослужившись до капитана. В 1823 году он был поручиком в этом полку, а Коротов — подпоручиком; возможно, их связывала дружба и общее положение «беспоместных». Будучи дворянами по офицерскому чину, они могли дать своим избраницам определенный статус, а те — обеспечить материально. Кстати, личное дворянское достоинство Ф.П. Коротов получил вместе с чином прапорщика XIV класса⁷⁴ 1 октября 1821 года, имея «от роду 21 год»⁷⁵. В Указе Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Псковскому дворянскому Депутатскому Собранию по Департаменту Герольдии от 1857 года сказано: «Федор Павлович Коротов по получении им в 1821 году чина прапорщика в дворянстве утвержден с внесением во 2-ю часть дворянской родословной книги»⁷⁶. Выйдя в отставку в чине капитана IX класса, он по законам Российской империи того времени не имел права на на-

⁶⁹ *Никифоров В.Г.* Некоторые моменты к биографии Александры Ивановны Беклешовой (Осиповой) // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. М., 1999. С. 106.

⁷⁰ *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 63.

⁷¹ Там же. С. 191.

⁷² *Старк В.* Пушкин в Преображенском, Назимово тож. С. 137.

⁷³ *Никифоров В.Г.* Земли родной минувшая судьба. С. 134.

⁷⁴ *Шепелев Л.Е.* Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 32.

⁷⁵ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 436. Л. 14.

⁷⁶ Там же. Л. 46–46 об.

следное дворянство, что даровалось с VIII класса. Мария Вениаминовна оказалась хорошей женой, родила семерых детей и сумела сохранить семью, не позволив мужу совсем промотать имущество и пустить их по миру⁷⁷. И благодаря Марии Вениаминовне, владевшей поместьями, переданными ей отцом, Вениамином Петровичем Ганнибалом, их дети и внуки обрели статус дворянского достоинства, что и было окончательно подтверждено документом в 1895 году⁷⁸.

⁷⁷ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. С. 56.

⁷⁸ Там же. Д. 436. Л. 1.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОИСТОЧНИКЕ ТЕКСТА
ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ 1762 ГОДА
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
МАКСИМУ ДМИТРИЕВИЧУ ВЫНДОМСКОМУ,
ДЕДУ П.А. ОСИПОВОЙ

Что мы знаем о Жалованной грамоте, врученной Максиму Дмитриевичу Вындомскому, деду Прасковьи Александровны Осиповой, при восшествии на российский престол императрицы Екатерины II в 1762 году? Прежде всего то, что оригинал грамоты находился в Тригорском и, очевидно, переходил по наследству от одного поколения к другому. Об этом писал историк, публицист, издатель Михаил Иванович Семевский в статье «Прогулка в Тригорское» на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1866 году, предварительно, в 1865 году, побывав в гостях у Осиповых и Вульффов.

«Вот рескрипт¹ государыни, ею подписанный, — сообщил Семевский в статье читателям. — Подлинник хранится в семейном архиве села Тригорского²:

«Господин Вындонской³!

Мы, всемилостивейше приняв в уважение долголетние и верные Нам и отечеству ваши службы, пожаловали вас вечною отставкою от всей военной и гражданской Нашей службы с награждением

¹ Рескрипт, по Далю, — письмо государя на имя подданного, грамота. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. СПб., 1882. С. 94.

² Здесь и далее пунктуация и орфография оригиналов приводимых источников за исключением явных опечаток и написания ь («ер»), ъ («ять»), ї («и»).

³ Владельцы фамилии писали Вындомской, -ий, -ій, -ая, -ие. Такое написание в различных документах встречается наиболее часто. Редко: Вындомский, Вындонский, Вындовский, Вындымский — такое написание встречается практически в единичных случаях и, как правило, в государственных бумагах, исповедных росписях, клировых ведомостях, печатных изданиях, то есть в тех источниках, которые заполнялись какими-либо писарями, столоначальниками, секретарями, священнослужителями и т. п., а не владельцами фамилии. При этом и во многих государственных архивных бумагах также в большинстве случаев встречается Вындомской, -ий, -ій, -ая, -ие.

вам чина генерал-майорского, и сверх того наградили вас в вечное и потомственное наследное владение из нашей дворцовой волости в Псковском уезде, деревнями, прозываемыми Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит 1 085 душ, о чем в Наш Сенат и особливый уже указ дали; а вам особенно чрез сие объявляем, что наше императорское к вам благоволение всегда пребудет.

Санкт-Петербург. 1762 года июля в 29 день.
Екатерина»⁴.

В этой же работе Семевский дает сноску с указанием на то, что «Указ сей слушан в Сенате 30 июля 1762 года», и приводит некоторые цитаты из него. Нам остается неясным, где сам исследователь видел текст Указа. Возможно, в одном из тех источников, которые он называет помимо прочего в «Прогулке в Тригорское». Например, в «Чтениях в Имп[ераторском] Обществе истории и древностей российских при Московском университете» или в одном из номеров таких журналов, как «Отечественные записки», «Русский архив», «Русский вестник», а возможно, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и т. д. По сути, это не так принципиально. Важнее понимать, что текста два. Один текст — это текст Жалованной грамоты от 29 июля 1762 года, подлинник которого Семевский видел в Тригорском. Другой — это текст Указа Сенату от 30 июля 1762 года. Эти два текста во многом схожи, но имеют и некоторые существенные различия, одним из которых является разный адресат: в одном случае это М.Д. Вындомский, в другом — Сенат. Или: в одном случае (по Семевскому) число крестьян пожалованной вотчины — 1 085, в другом — 1 185, записанные в обоих случаях цифрами.

Где мы можем сегодня увидеть текст, адресованный Сенату? Нам известны два таких опубликованных источника: от 1885 года и от 1904 года, с датировками после выхода статьи Семевского, то есть исследователь при работе над статьей «Прогулка в Тригорское» пользоваться ими не мог.

Это, во-первых, Сборник императорского Русского исторического общества (Т. 42. СПб., 1885. С. 477–478):

⁴ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское // Дневники. Любовный быт пушкинской эпохи / ред. и вступ. ст. П.Е. Щеголева. М., 1929. С. 48–49.

«Кн. 102, л. 64. 1762. Июля дня, слушан того же 30 июля.

Указ нашему Сенату.

Всемиловнейше пожаловали Мы лейб гвардии нашей, Семеновскаго полка секунд майора Максима Вындомскаго в генерал майоры, и за его болезнью быть в вечной отставке от всякой военной и гражданской нашей службы, которья он отправлял верно ревностно нам и отечеству. В знак нашего за то удовольствия, Всемиловнейше ему жалуем в вечное потомственное наследственное владение из дворцовой воронежской волости в Псковском уезде деревни прозываемья Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит числом 1185 душ. О чем повелеваем послать куда надлежит наши указы для ведома и исполнения.

Екатерина».

И, во-вторых, Сенатский архив (Т. 11. СПб., 1904. С. 209):

«30 июля 1762 г. — Указ Нашему Сенату. Всемиловнейше пожаловали Мы л.-гвардии Нашей Семеновскаго полка сек.-майора Максима Вындомскаго в ген.-майоры и, за его болезнями, повелели быть в вечной отставке от всякой военной и гражданской Нашей службы, а за понесенные труды долголетние в Нашей же службе, которые он отправлял верно и ревностно, Нам и отечеству, в знак Нашего за то удовольствия, всемиловнейшее ему жалуем в вечное и потомственно наследное владение из дворцовой Воронежской волости в Псковском уезде деревни, называемья Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит числом 1185 душ, о чем повелеваем послать куда надлежит Наши указы для ведома и исполнения. Екатерина. Кн. 102, л. 65».

В дальнейшем текст Жалованной грамоты из статьи 1866 года «Прогулка в Тригорское» М.И. Семевского в своих генеалогических изысканиях использовал исследователь Николай Николаевич Кашкин. Это его кропотливый труд о роде Вындомских в историческом сборнике «Старина и новизна» 1909 года, а также посмертное издание в двух томах «Родословные разведки» 1912–1913 годов под редакцией Бориса Львовича Модзалевского. Напомним, что одной из последних фундаментальных работ, где приводится текст статьи «Прогулка в Тригорское», является книга за авторством самого М.И. Семевского «Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине» (составитель,

а также автор вступительной статьи и примечаний — С.В. Березкина, книга выпущена в Санкт-Петербурге в 2008 году).

Наконец, главное, ради чего мы выявили и сопоставили приведенные выше исторические исследовательские материалы различных авторов, — это еще один новонайденный источник текстов Жалованной грамоты и Указа Сенату от 1762 года. До настоящего времени данный источник ни в каких периодических изданиях и в целом в исследовательской литературе нам не встречался. Его местонахождение — Российский государственный архив древних актов (РГАДА), расположенный в Москве. В одном из фондов архива под названием «Кабинет Екатерины II» собраны, как указано в аннотации, «Черновики манифестов и указов Екатерины II, записки, письма, резолюции, автографы ее литературных трудов, прошения частных лиц Екатерине II, Александру I и Николаю I». Среди прочих значится дело со следующим описанием: «Копии именных указов Екатерины II, объявленных через канцелярию Г.Н. Теплова⁵». То есть перед тем, как какой-либо указ или письмо императрицы отправлялись в необходимую государственную инстанцию или частному лицу, с них снимали копии для хранения в архиве Сената. Таким образом, речь идет о первоисточнике рукописных текстов Жалованной грамоты и Указа Сенату непосредственно от июля 1762 года.

Первым в указанном деле под № 49 идет текст Указа:

«Указ Нашему Сенату

Всемиловитейше пожаловали Мы лейб гвардии Нашей Семеновскаго полку секунд майора Максима Вымдомскаго в генерал майоры, и за его болезнями повелели быть в вечной отставке от всякой военной и гражданской Нашей службы. А за понесенные труды долголетныя в Нашей же службе, которыя он отправлял верно и ревностно Нам и отечеству в знак Нашего за то удовольствия всемиловитейше ему жалуем в вечное и потомственное наследное владение из дворцовой Воронежской волости в Псковском уезде деревни прозываемыя Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит числом тысяча

⁵ Теплов Григорий Николаевич (1717–1779) — сенатор, статс-секретарь, государственный деятель, писатель, музыкант. Родился в городе Пскове в простой семье истопника. В дальнейшем стал известной личностью, наделенной властью при дворе императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II.

сто восемьдесят пять душ. О чем повелеваем послать куда надлежит Наши Указы для ведома и исполнения.

Июля 29 дня 1762 года.

Подписано собственною

Ея Величества рукою тако

Екатерина»⁶.

Далее, под следующим № 50 идет рукописный текст Жалованной грамоты, практически полностью совпадающий с текстом из работы М.И. Семевского:

«Господин Вымдонской

Мы всемилостивейше приняв в уважение долголетныя и верныя Нам и отечеству ваши службы, пожаловали вас вечною отставкою от всей военной и гражданской Нашей службы с награждением вам чина генерал майорского, и сверх того наградили вас в вечное и потомственно наследное владение из Нашей дворцовой волости в Псковском уезде деревнями прозываемыми Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит тысяча сто восемьдесят пять душ, о чем в Наш Сенат особый уже Указ дали, а вам особенно чрез сие объявляем, что Наше императорское к вам благоволение всегда пребудет.

Санкт-Петербург 1762 года июля в 29 день.

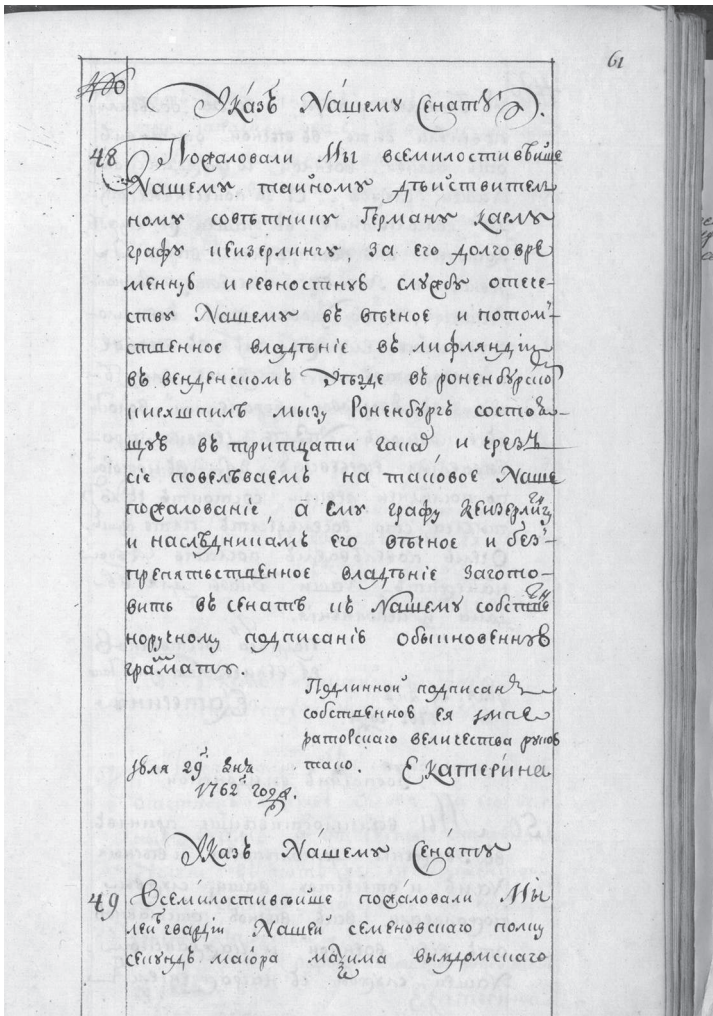
Подлинное подписано

собственною Ея величества рукою тако

Екатерина».

В обоих случаях, как видим, количество крестьян указано прописью, а значит, опечатка исключена и следует говорить о числе 1 185, а не 1 085. Возможно, при оформлении самой Жалованной грамоты в канцелярии императрицы была сделана опечатка. Ведь написана же фамилия Вындомского в двух, расположенных друг за другом текстах, под № 49 и № 50, почерком одного человека, но по-разному: Вымдомской и Вымдонской. И Семевский, находясь в Тригорском в 1865 году, мог списать именно так, как увидел в грамоте. Наверно, точнее можно сказать, изучив ревизские сказки. III ревизия проводилась

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 482. Л. 61–62.

476 Указъ Нашему Сенату.

48 Пожаловали Мы всеимостивѣйше Нашему тайному Дѣйствительному советнику Герману Карлу графу Шверингу, за его долговеренную и ревностную службу отечеству Нашему въ отъездное и потомственное владѣніе въ мифландіи въ венденскомъ уезде въ роненбургскомъ ииешманскъ мызу Роненбургъ состоящую въ тридцати душъ, и третью сіе пожаловали на такое Наше пожалованіе, а ему графу Шверингу и наследникамъ его отъездное и безпрятельственное владѣніе заготовить въ сенатѣ изъ Нашему советнику корунному подписаніи обвинованныхъ грамантъ.

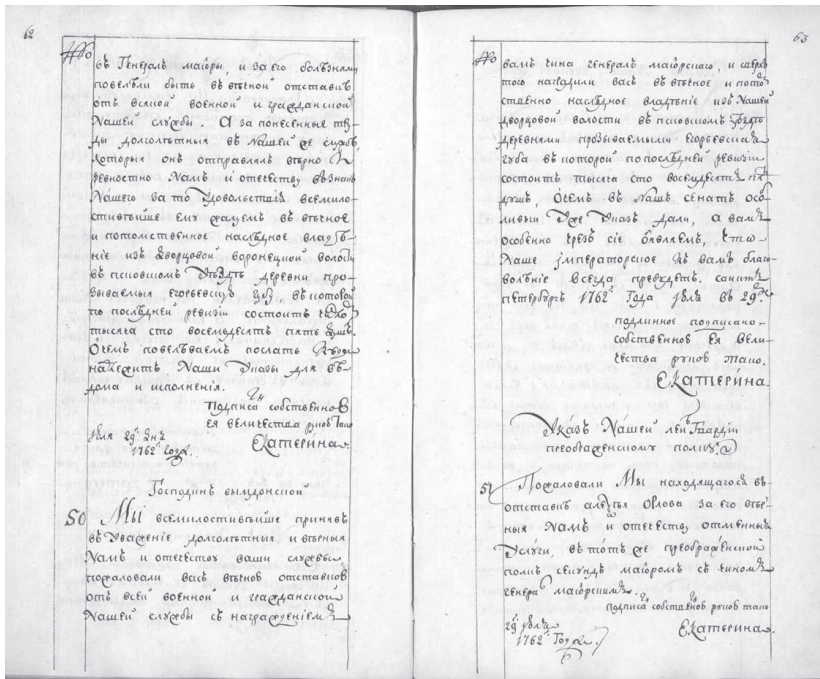
Подлинное подписаніе
совѣтниковъ я ^и ^и ^и
ратовскаго величества ^и ^и
тако. Екатерина

юля 29го дня
1762 года.

Указъ Нашему Сенату

49 Всеимостивѣйше пожаловали Мы лейб-гвардіи Нашей елиновскаго полку секундъ майора маіора вындомскаго

Рукописная копия Указа Сенату от 29 июля 1762 года о повышении М.Д. Вындомского в чине, об отставке и пожаловании из дворцовых земель вотчины Егорьевская губа «в вечное и потомственное наследное владение». Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 482. Л. 61

Рукописная копия Жалованной грамоты от 29 июля 1762 года с пожалованием М.Д. Вындомскому отставки, чина генерал-майорского и вотчины из дворцовых земель под названием Егорьевская губа «в вечное и потомственно наследное владение».
 РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 482. Л. 62–63

в 1762–1767 годах по Указу Сената от 28 ноября 1761 года и помимо мужчин включала в сказки и женщин, но ее результаты не могли быть введены в оборот в 1762 году, поскольку еще несколько лет шел сбор и обработка данных. Значит, цифры по количеству крестьян Егорьевской губы, если таковая числится в ревизских сказках, нужно уточнять по II ревизии 1744–1747 годов, которая «проводилась под руководством Сената, на основании именного указа имп[ератрицы] Елизаветы Петровны и инструкции офицерам, посланным на места в качестве ревизоров-переписчиков. В помощь им на местах создавались уездные и провин-

циальные переписные канцелярии»⁷. II ревизия учитывала количество крестьян только мужского пола.

А знакомство с указанным новонайденным материалом из Российского государственного архива древних актов состоялось благодаря Татьяне Александровне Кругловой, кандидату исторических наук, доценту кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Автору этой статьи однажды повезло встретиться с Татьяной Александровной в музейном пространстве Пушкинского Заповедника. В дальнейшем завязалась переписка, в которой уважаемый преподаватель Московского государственного университета, отметившая в 2022 году пятидесятилетие преподавательской деятельности, щедро поделилась архивными шифрами. По ее словам, она нашла их случайно, работая в РГАДА по теме своих научных исследований. Автор статьи выражает большую благодарность Татьяне Александровне за содействие в настоящей исследовательской работе по теме истории села Тригорского, которая приобрела действительный источниковедческий характер.

⁷ РГАДА Москва. Из Предисловия к фонду 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Ч. I. Сказки и переписные книги I–III ревизий / сост. ст. н. с. Т.И. Евтюшина, 1977; проверка: Т.Л. Филимонцева, 2021.

ЯРМАРКИ НА ВЕЛЕЙСКОЙ ЗЕМЛЕ В XVI—XX ВЕКАХ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

Ярмарочная торговля в России имеет древние исторические корни. Достоверные документальные свидетельства о русских ярмарках датируются XVI веком, но ряд исследователей определяет появление ярмарок еще во времена Киевской Руси. В словаре учрежденных в России ярмарок, изданном для обращающихся в торговле и вышедшем в 1788 году, в предисловии говорится: «Ярмарки в России приняли начало свое, можно сказать, еще в самой древности, оныя учреждаемы были в честь идолов во время идолопоклонства при их храмах, как то в Биармии, или по нынешнему в Корелии, подле храма Золотой Бабы, на острове Руген в Балтийском море подле храма Святовиды, учреждены были знатные торги, или ярмарки, также и по всей России при храмах оныя находились в то время, когда праздновали тому идолу. А по восприятию Славеноруссами Христианства, по древнему ж оному обычаю учреждались они всегда подле церкви во время празднования дня святого, во имя которого оная церковь построена...»¹

Опираясь на историко-художественные материалы, архивные данные, беседы со старожилами Велейской волости, я изучила сведения о возникновении и развитии ярмарок на Велейской земле, их традициях и об ассортименте ярмарочных товаров.

В средневековый период Велейский край был густо заселен. Многочисленные археологические разведки, проведенные в округе Велья в 1981–1982 годах и охватившие побережья озер Велье, Черного и Влесно, а также места неподалеку от них, открыли 35 селищ и одно городище — Ильинское. «Укрепленный городок Ильинский относится к X–XIII векам, хотя он мог бы играть определенную роль в более позднее время и служить передовым форпостом крепости Велье. Согласно писцовой книге 1585–1587 годов, Ильинский погост входил в состав Велейского уезда»².

¹ См.: Чулков М.Д. Словарь учрежденных в России ярмарок. М., 1788.

² Ильинское (Псковская область) // Википедия: переиздание [Электронный ресурс: [https://wiki2.org/ru/Ильинское_\(Псковская_область\)](https://wiki2.org/ru/Ильинское_(Псковская_область))].

Велейский уезд был одним из самых крупных в Псковской земле XV–XVII веков. По писцовым книгам XVI–XVII веков Ильинское значилось центром Ильинской губы Велейского уезда. Городок был хорошо защищен и, видимо, играл значительную роль в обороне края, находясь на пути из Ливонии к Велью и Вороничу. Возможно и то, что в давние времена Ильинский погост служил центром торговли для всей округи: из него был выход через озеро Велье, реки Вершу и Синюю к важному торговому пути — реке Великой. Рядом с Ильинским на южном берегу озера Велье, на западном берегу озера Глубокого находится деревня Наволок. В основе названия лежит слово «волоок» — место, где в древности переволакивали суда из одного водоема в другой.

Из-за многочисленных лесов и недостаточного количества дорог населенные пункты были связаны между собой в основном по воде. Речные пути давали возможность передвигаться, осваивать новые земли, наиболее быстрым и дешевым способом перевозить товары на большие расстояния. Зимой скованные льдом водоемы превращались в естественные санные дороги. Удобные волоки между реками и озерами использовались народами уже на самых ранних ступенях их экономического развития. Легкие ладьи они перетаскивали с одной реки на другую при помощи катков и лыж, а челны из древесной коры или кож, натянутых на деревянный каркас, переносили на себе. По мере развития торговли перетаскивание судов через волоки принимало всё более организованный характер. На волоковых системах возникают поселения, сохранившиеся названия которых указывают на занятие их основателей. Деревня Наволок, расположенная в пятистах метрах от Ильинского, свидетельствует о наличии торговых путей и торговых отношений в этой местности.

Из сохранившихся скудных сведений о торговле этого времени видно, что она была непостоянной и небезопасной. Купцы подвергались нападению как в Ливонии, так и в Литве. В пограничных землях немцы нередко ловили псковских купцов, отнимали товары и самих убивали.

Митрополит Евгений (Болховитинов) в своих трудах, посвященных псковской истории, отмечает: «По военному промыслу у Псковичей второй составляла торговля. Правда, торги произведениями их собственной области, судя по не обширности оной, не могли быть велики. Но пока во оной находилось много лесов, то звериный промысел доставлял им в пушные товары, дорого ценившиеся по всей Европе; а лесное пчеловодство по бортям, мед и воск; особливо последний в великом количестве

выходивший за границы. По очистке лесов земледелие и скотоводство усилено. Лен их и доныне почитается наилучшим из российского»³.

О вывозимых и ввозимых на Псковскую землю товарах в эпоху Средневековья можно узнать из книги Юрия Владимировича Степанова «Господин Великий Псков».

«На всем протяжении средневековой истории воск являлся одной из основных доходных статей псковского экспорта. В быту средневекового человека воск занимал, пожалуй, то же место, что в нашей жизни электричество. Главное, что из воска изготавливались свечи как для освещения жилых помещений, так и для богослужений в храмах. Кроме того, у католического населения запада было принято лепить из воска изображения больных частей тела. Также псковские купцы торговали кожей, щетиной, салом, рыбой и пенькой.

Иноземные купцы везли на Псковскую землю сукно, полотна, драгоценные камни, золото, серебро, медь, олово, свинец, пергамент, вина, пряности. Некоторые товары привозились изредка. Из импортных товаров псковичей особо интересовала соль. Значение соли в средние века определялось не только тем, что она была продуктом питания и шла на засолку. Соль была одним из видов сырья для кожевенного промысла. На Псковщине соли не было, поэтому ее привозили из Ливонии»⁴.

Можно предположить, что указанные товары ввозили и вывозили из Ливонии через Наволок и Ильинское в Псков, и купцы торговали ими на внутренних рынках.

В XI–XII веках центрами торговли были торжки и погосты, но они не имели признаков ярмарочной торговли. Торговля была в основном оптовой. Товары покупали большими объемами или с возов, или прямо из кладовых. Поскольку товары приобретались обычно на год, в розничной торговле не было необходимости.

В исследовании Леонида Ивановича Софийского отмечено: «В старину главным занятием опочецких обывателей, как по преимуществу и теперь, было земледелие и в особенности производство льна. Опочецкий лен-моченец славится не только у нас в России, но и за границей, куда он главным образом и отправляется, привлекая в пределы уезда более двух миллионов рублей в год заграничных денег...

³ Митрополит Евгений (Болховитинов). О торговле псковской // История княжества Псковского. Т. 1 [Электронный ресурс: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Bolhovitinov/istorija-knjazhestva-pskovskogo/9].

⁴ См.: Степанов Ю.В. Господин Великий Псков. Псков, 2008.

Сведения о торговле льном в пределах нынешнего Опочецкого уезда мы имеем не ранее как от половины XVIII столетия; что же касается сведений о торговле вообще, то они крайне скудны, в особенности за период более ранний. Известно, что в XVI и XVII веках торговля в Опочечком крае ограничивалась предметами только самой первой необходимости⁵.

Особенно широкое распространение ярмарки получили в России в XVII и XVIII веках, так как появляются мануфактуры, повлиявшие на расширение внутренней торговли, в том числе и ярмарочной.

Очень скудны сведения о ярмарках XVII века в Псковской губернии. Немногочисленные источники дают нам сведения о торговле того времени.

В книге Л.И. Софийского «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем» есть такая информация: «В описании города Опочки и его уезда, составленном в 1785 году при генеральном межевании, говорится: «Жители в городе большею частию купцы и мещане, торг имеют разными шелковыми, шерстяными и прочими товарами не в одном городе Опочке, но и в других, закупают лен, пеньку, масло, мед, воск, юфть, которые отправляют в города С.-Петербург, Псков, Ригу, Ревель и Новгород до города Пскова, а от оною водою и сухим путем, водою же по реке Великой через озеро Псковское полубарками, а женщины упражняются в домашних рукоделиях»⁶.

В Словаре учрежденных в России ярмарок (изданном, напомним, в 1788 году) упоминаются 18 ярмарок Псковской губернии. Среди них ярмарки Опочки, Острова и при Святогорском монастыре. В нем отсутствуют сведения об Ильинской и Велейской ярмарках.

В списке существующих в Российской империи ярмарок за 1834 год указывается: «В Министерстве внутренних дел собрано много материалов для составления полного и подробного описания как существующих ныне, так и прежде бывших в России ярманок, их местного положения, предметов и образа производимой на них торговли, причин, от коих она возникла, ея хода, распространения или упадка, наконец и влияния оной на успехи промышленности и гражданственности в каком-либо особенном крае или в государстве вообще». В этом списке указаны только 20 ярмарок Псковской губернии. Среди

⁵ *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Репринтное издание. Псков, 2004. С. 144.

⁶ Там же. С. 147

них — Опочецкая ярмарка, которая проходила с 1 по 4 октября. На ней продавали «большей частью шерстяные, панские и суровские товары» (суровскими товарами называются шелковые изделия, а панскими — шерстяные и высшие сорта бумажных). Даны сведения: на какую сумму доставляются товары (50 000), на какую сумму продаются (10 000), сколько стекается народа (4 000)⁷.

В этом списке не упоминаются ярмарки Велейской волости. Это связано с тем, что Псковский статистический комитет учитывал не все ярмарки. Полицейские и священники, собиравшие сведения, писали в рапортах, что некоторые ярмарки возникли с «незапамятных времен», а другие в XVIII веке. В Памятные книжки Псковской губернии попадали сведения только о наиболее крупных ярмарках.

В «Сведениях о льняной промышленности и торговле Псковской губернии» за 1870 год имеется следующая информация о сбыте льна: «Лен готовят крестьяне к рынкам в трех видах: подмялку, подчистку и трепаный. Приготовленный таким образом лен сбывается крестьянами на базарах или отвозится в те селения, где живут купцы или бульни»⁸. Среди центров сбыта льна Опочецкого уезда упоминается Велье.

Памятные книжки Псковской губернии за 1874–1879 годы указывают на то, что «кроме ярмарок, утвержденных административным порядком, в губернии существуют так называемые съезды и базары, которые большей частью бывают при приходских церквях во время храмовых праздников. Эти съезды обыкновенно продолжаются один день и много — два»⁹. Среди них значатся две ярмарки Опочецкого уезда Велейской волости: в Ильинском — Вознесенская и Ильинская, на них продавали съестные продукты и разные фрукты.

В конце XIX века ярмарочная торговля в Опочецком уезде снижается в связи с тем, что в 1870 году была открыта Московско-Виндаво-

⁷ Список существующих в Российской империи ярманок. СПб., 1834 // Национальная электронная библиотека (НЭБ) [Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542829/].

⁸ Сведения о льняной промышленности и торговле Псковской губернии. СПб., 1870 // Псковская областная универсальная научная библиотека: сайт [Электронный ресурс: https://vivaldi.pskovbook.ru/len%20v%20pskgub_1870g.pdf/details].

⁹ Памятные книжки Псковской губернии. 1874–1879 годы // Порховский уезд: сайт [Электронный ресурс: <http://porhov-uezd.narod.ru/1874-1879.html>].

Рыбинская железная дорога. Она связывала центр России, северо-западный и прибалтийский районы страны, а также районы Сибири и Поволжья с незамерзающим портом Балтийского моря — Виндавой. Дорога проходила по территории Псковской губернии, при некоторых станциях были образованы крупные торговые пункты (Пустошка, Новосokolьники, Насва, Локня и Сущево). Дорога проходила вдали от Велейского края. Не было возможности ею пользоваться.

В XIX веке в Велье укрепляются экономические позиции купцов, и оно становится не только торговым, но и купеческим селом.

В Журнале по проверке торговых промышленных предприятий и личных промысловых занятий в городе Опочке и волостях Опочецкого уезда за период с 7 ноября 1909 по 16 января 1910 года в Велейской волости за 1909 год значатся 28 различных лавок, которые приносили немалый доход своим владельцам. Только в самом Велье было девять молочных лавок, три пивных, лавка разных товаров, принадлежавшая мещанину Михаилу Дмитриевичу Машневу и приносившая доход 9 646 рублей 80 копеек в год¹⁰.

Более полную информацию о ярмарках на Велейской земле в XIX — начале XX века мы можем получить из книги Анатолия Васильевича Филимонова «Велье и его округа»:

«Большую роль в экономической жизни Велейской волости играли ярмарки как основные центры торговли. Во всех документах и справочниках XIX — начала XX века Велье неизменно называется «большим торговым селом»: оно стало крупным закупочным центром льна, воска, сала, кож, хлеба, меда и др.... Здесь ежегодно проходили четыре ярмарки — Трехсвятительская (30 января), две Фоминские (в понедельник на Фоминой неделе и 8 июня) и особенно крупная — Воздвиженская (14–15 сентября). В дни ярмарок устраивался большой рынок, улицы села покрывались многочисленными ларьками и балаганами, торговля шла и прямо с возов.

Поскольку ярмарки в большинстве своем приурочивались к праздникам, то в день их проведения в велейских церквях совершались богослужения, а на улицах устраивались гулянки, которые не всегда заканчивались спокойно...

¹⁰ Журнал по проверке торговых промышленных предприятий и личных промысловых занятий в городе Опочке и волостях Опочецкого уезда. 7 ноября 1909 — 16 января 1910 года // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 58. Оп. 2. Д. 2876.

В начале XX века ярмарок в селе стало проводиться лишь две — 8 июня и 14 сентября; остальные, как «не имеющие промышленного и торгового значения», были по решению Опочецкого уездного земства закрыты».

В 1910 году жители Велья обратились в Опочецкое уездное земское собрание с просьбой вновь разрешить проведение ярмарки «в Фомино воскресенье или в первый после него понедельник», как более удобное для них время, соглашаясь даже закрыть ярмарку 8 июня. Собрание с таким предложением согласилось, перенеся, таким образом, ярмарочный день. Ежегодно две ярмарки (20 июля и в день Вознесения) проходили в погосте Ильинское, «велейские крестьяне вывозили предметы своего труда и на ярмарку при Святогорском монастыре... а также на Островский рынок в Опочку и Красный»¹¹.

Велейская волость являлась одной из самых льноводных в Опочецком уезде. Основным источником доходов крестьян был лен. Они его выращивали, обрабатывали и продавали на рынках Псковской губернии. Помимо льноводства крестьяне занимались кустарными промыслами. В сборнике «Кустарная промышленность в Опочецком уезде Псковской губернии (по исследованию 1912 года)» даны следующие сведения: «Велейская волость. Надельных селений — 211. Дворов в них 1 788. Жителей мужского пола — 6 441, женского — 6 510. Из этого числа занято кустарным промыслом: селений — 2, дворов — 5, лиц мужского пола — 28, женского — —. Распределение родов кустарных промыслов по волостям и кустарным районам. Велейская волость — обработка смешанных материалов (дроги, линейки, шаробаны, бороны, прялки, льномялки, гармоники)¹². Эти изделия вельяне продавали как у себя на ярмарках, так и за пределами волости.

За время своего существования ярмарки стали центрами не только торговли, но и общественной и культурной жизни. На их территории устраивались торжественные гуляния, театральные и другие зрелищные представления. Существовало специальное ярмарочное законодательство, а также традиции и обряды проведения ярмарок. Для управления торговлей и установления правил и порядка на крупных ярмарках были созданы специальные комитеты. Для поддержания общественного

¹¹ Филимонов А.В. Велье и его округа. Псков, 2012. С. 82–83.

¹² См.: Кустарная промышленность в Опочецком уезде, Псковской губернии (по исслед. 1912 г.). Псков, 1912.

порядка на ярмарки направлялись полицейские дружины. На ярмарки собирались торговцы, скупщики, богомольцы, увеселители.

В начале XX века официальные ярмарки сохранялись, но это была уже больше праздничная торговля, где люди отдыхали и веселились.

В двадцатые годы прошлого столетия в России на смену ярмаркам приходит кооперация как одно из социалистических преобразований сельского хозяйства. Коснулась она и Велейской земли. В исследовании Анатолия Васильевича Филимонова отмечено:

«В Велье в 1921 году было образовано общество потребительской кооперации. С первых дней оно приняло активное участие в организации товарообмена: в обмен на простейшие промышленные изделия и орудия сельского хозяйства оно заготовило более 6 тысяч пудов хлеба. В 1922 году в волости имелось уже пять отделений этого общества. С развертыванием торговли потребительская кооперация стала снабжать население предметами первой необходимости — солью, мылом, мануфактурой, керосином, хозяйственными товарами — железом, гвоздями, оконным стеклом и т. д., проводила заготовку сельскохозяйственного сырья — льна, кож, сена и др. Главное место в заготовках занимал лен. Торговые обороты Велейского кооператива быстро росли. Так, только за ноябрь 1925 года он реализовал товаров для населения на сумму 11 353 рубля и заготовил сырья на 20 749 рублей. Кооператив был многочисленным. На губернском конкурсе потребительских обществ в Пскове в 1926 году, в котором участвовало 16 кооперативов, велейский кооператив был признан лучшим и получил премию в 500 рублей.

В июле 1925 года в Велье состоялась выставка жеребят, привлекавшая сотни крестьян Велейской и других волостей. На выставке было представлено 23 жеребенка. В октябре 1926 года состоялась губернская выставка по льноводству. Крестьяне охотно везли на эту выставку свои лучшие товары и шли посмотреть достижения соседей. Даже старики не помнили такого изобилия разнообразных экспонатов, главным из которых был лен во всех его видах»¹³.

Население Велейской волости продолжало сохранять сложившиеся годами традиции и устраивало праздники в своих деревнях. Поскольку на Руси ярмарки обычно приурочивались к церковным праздникам, то и в Велейском крае в каждой деревне была своя ярмарка, приуроченная к определенному церковному празднику. Из бесед со старожилками

¹³ См.: Пушкинский край. 21.02.1989.

Велейской волости я узнала, что в Велье перед Великой Отечественной войной ярмарки проходили: 15 февраля — на Сретенье, 21 июня — Федор, 27 сентября — Воздвиженье и на Фомино (первое воскресенье после Пасхи); в деревне Морозово — 21 июня и на второй день Воздвиженья — 28 сентября; в Новгородке за Троицу и 12 июля — Петров день; в Ильинском — 2 августа за Ильин день, в Зуевой Горе — за Богородицу 28 августа; в Коршилово — 22 мая за Николу; в деревне Бараново 19 августа — за Спас; 20 августа в Губицах; 22 июня в Быках; 23 июня за Духов день и на Масленицу — в Иссе, 22 мая в Матюшкине, 23 мая в Остропятах и 23 мая — Симонов день в Жданах. Народа на ярмарки собиралось много, приезжала молодежь из соседних деревень, ребята ходили артелью, играла гармонь, пели песни, частушки, девчата ходили группками; если парень встречался с девушкой, то гуляли вместе. На этих ярмарках продажа была с утра, торговали изделиями из дерева: кадками под воду, лоханями под рукомойник, хлебницами, блинницами. Со временем торговля на ярмарках пропала, собирались только для того, чтобы отдохнуть: до обеда работали, а после обеда бежали на ярмарку, домой возвращались поздно. Часто во время гуляний случались драки: то частушка не понравилась, то случится стычка между староперами и мирскими.

Ольга Ивановна Ефимова 1930 года рождения из деревни Запрягаево рассказывает: «Деревня была живая, много дворов, в каждом скотина, свое хозяйство. Весело было. На ярмарку родители отпустили, когда исполнилось 15 лет. Ходили на ярмарку далеко. В Запрягаево был гармонист (Николай Михайлович Захаров). Молодежь соберется, он играет, девчата поют частушки, и мы дружно идем на ярмарку. Домой возвращались поздно. А рано утром родители поднимали на работу».

В послевоенное время, с появлением радио и телевидения, на фоне активной работы клубов и изб-читален ярмарки утратили свое значение. Вельяне отдыхали в клубе, а молодежь из окрестных деревень собиралась «на вечера» по домам. За время своего существования ярмарки стали центрами не только торговли, но и общественной и культурной жизни Велейского края.

Традиционные русские ярмарки и гуляния с непременным народным весельем перестали действовать в первой половине прошлого века. Вместе с ними исчезли привычные способы приобретения товаров и возможность приобщения к народным обычаям, праздникам с играми, забавами, песнями.

«МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ»

*Об образовании и воспитании дворянства
Псковской губернии в первой половине XIX века*

Жизненный путь для многих представителей дворянства начинался в родовой усадьбе. Усадьба со своей архитектурой, садово-парковой культурой, библиотеками, а также соприкосновением сословий дворян и крепостных, несомненно, влияла на становление личности дворянина. Здесь формировались основы нравственности, нормы поведения, вкусы, идеалы, привычки, накладывавшие отпечаток на всю последующую жизнь молодого человека. Средствами дворянского воспитания были окружающая действительность и живое присутствие традиций, о которых напоминали портреты и могилы предков, старая мебель, библиотека, парк, семейные предания¹. С помощью домашнего воспитания передавались дворянские традиции, воспитывалось уважение к предкам, которыми гордились и которым стремились подражать. Конечно, нельзя ставить в один ряд все дворянские семьи, так как отношения внутри каждой из них определялись во многом личными качествами ее представителей. Но, как отмечает О.С. Муравьева, «во всём многообразии дворянского семейного быта просматриваются некоторые общие черты. С одной стороны, воспитание ребенка совершенно беспорядочно: няни, гувернеры, родители, бабушки и дедушки, старшие братья и сестры, близкие и дальние родственники, постоянные друзья дома — все воспитывают его по своему усмотрению и по мере желания. С другой стороны, он вынужден подчиняться единым и достаточно жестким правилам поведения, которым, сознательно или неосознанно, учат его все понемногу»².

Ф.В. Булгарин в беллетризованном «Отчете о виденном и слышанном в Псковской губернии» во время путешествия в 1835 году иронически заметил: «О степени просвещения дворянства нельзя сказать ничего особенного». Таким образом, Псков никак не уступал другим

¹ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX веков. М., 2001. С. 357.

² *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998. С. 146–147.

губернским городам. «Здесь, как и везде, — писал Ф.В. Булгарин, — говорят по-французски, танцуют французскую кадрили, кое-что почитывают и, разумеется, рассуждают о прочитанном»³.

Маленького ребенка в усадьбе чаще всего растила няня — русская женщина, обычно крепостная. Влияние няни на детей было значительным, так как она с ними постоянно находилась, заботилась о них, сопереживала им, приобщала к народной культуре. Большинство мемуаристов вспоминают о своих нянях как о самых ласковых и преданных людях; некоторые память о няне хранили всю жизнь. С.В. Ковалевская упоминала о том, что в детстве за ней, а также сестрой и братом ухаживала няня. Вечерами она любила рассказывать сказки, которые оставили неизгладимое впечатление. «Всего счастливее я бывала, когда оставалась наедине с няней. По вечерам... я садилась рядом с няней на диване, прижималась к ней совсем близко, и она начинала рассказывать мне сказки. Какой глубокий след оставили эти сказки в моем воображении»⁴. А.П. Керн с нежностью вспоминала о своей нянюшке Васильевне, которая варила ей кашу из сливок и дивно рассказывала сказки, но отец Анны Петровны запрещал няне вечерами находиться с девочкой и усыплять ее сказками⁵.

В богатых и среднепоместных усадьбах были все условия для домашнего образования и воспитания детей — обширные библиотеки, возможность нанимать учителей и гувернеров. По данным Военно-статистического обозрения, среди гувернеров и нянек в Псковской губернии было много выходцев Остзейских губерний⁶. В XVIII — начале XIX века широкое распространение в дворянской среде получил французский язык, многие из помещиков прикладывали усилия к тому, чтобы обучить языку своих детей, и тратили деньги, приглашая в учителя иностранцев. Из донесений новоржевского исправника известно, что в имени Дмитрия Философова гувернером был французский подданный Франсуа Босс, у помещика Бибикова гувернанткой была французская подданная Рен Мерель⁷. Островский земский исправник в 1832 году

³ Псковский край в литературе. Псков, 2003. С. 126.

⁴ Ковалевская С.В. Воспоминания. М., 1986. С. 36–37.

⁵ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. СПб., 2010. С. 291.

⁶ Военно-статистическое обозрение Псковской губернии... СПб., 1852. С. 182.

⁷ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1042. Л. 11.

констатировал, что в имении помещицы Меланьи Лосевой числился нидерландский подданный Жан Вильморс, который обучал детей французскому языку⁸. Были и русские учителя в помещичьих усадьбах. В Опочецком уезде у подполковника Ирцекого занималась с детьми учитель Татьяна Иванова⁹.

Прасковья Александровна Осипова — владелица села Тригорского Опочецкого уезда принимала непосредственное активное участие в воспитании и образовании своих детей. Она сама имела довольно глубокие познания в области зарубежной и отечественной литературы, философии, политики. Поэтому в ее библиотеке были книги на разных европейских языках. В ней был целый блок специальной детской литературы и различных учебников, всего 52 наименования книг подобного рода. Вероятно, сама Прасковья Александровна по многим учебникам занималась в свое время, так как большинство книг (43) были изданы еще в XVIII и лишь девять — в XIX столетии¹⁰. Данная литература была издана преимущественно на французском языке, но были книги на немецком, русском языках и одна книга на итальянском. В библиотеке хранились книги по математическим дисциплинам, исторической науке, различные географические атласы для детей, а также учебники по французской, немецкой, итальянской грамматике и даже китайский букварь¹¹.

Вместе со своими детьми Прасковья Александровна изучала английский язык. «Она мало заботилась о своем туалете... она только всё читала и читала и училась! Она знала языки: французский порядочно и немецкий хорошо... Любимое ее чтение когда-то был Клопшток»¹². По воспоминаниям А.П. Керн, мать Осипова была нетерпимой, но ее дочери получили довольно хорошее домашнее образование, а старший сын А.Н. Вульф учился в одном из престижных в то время учебных заведений — Дерптском университете, на экономическом отделении философского факультета по кафедре военных наук.

Дворянских детей старались приобщать к искусству, танцам, музыке, живописи. Во многих семьях образование было домашним, и учителя

⁸ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1042. Л. 6.

⁹ ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 610. Л. 2.

¹⁰ *Модзалевский Б.Л.* Поездка в Тригорское в 1902 году // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 1. СПб., 1903. С. 39–44.

¹¹ Там же. С. 39–49.

¹² *Керн А.П.* Воспоминания о Пушкине. М., 1988. С. 153.

жили прямо в семье, поэтому большая роль принадлежала гувернантке — одному из главных персонажей процесса социализации. Девочка воспитывалась гувернанткой на протяжении всего периода взросления, мальчик же вскоре переходил из женских рук (чаще всего няни) в руки мужские — воспитателя, учителя или дядьки. Образование молодой дворянки имело главной целью сделать из девушки привлекательную невесту, поэтому оно заканчивалось с момента вступления в брак. Дочери дворян получали только домашнее образование, которое ограничивалось навыком бытового разговора на одном — двух иностранных языках, умением танцевать и держать себя в обществе, элементарными навыками рисования, пения и игры на каком-нибудь музыкальном инструменте и самыми начатками истории, географии и словесности. Гувернеры и учителя развивали ум, нравственность воспитанника, обучали культуре общения в свете.

А.П. Керн в имении Берново Тверской губернии с восьми до двенадцати лет воспитывалась у гувернантки-англичанки мадмуазель Бенуа. Некоторое время в Бернове жила тригорская барышня А.Н. Вульф и обучалась вместе с двоюродной сестрой. Все предметы они изучали на французском языке. «Русскому языку учились только шесть недель во время вакаций, на которые приезжал из Москвы студент Марчинский»¹³. Гувернантка пристрастила девочек к чтению. «У нас была маленькая детская библиотека с m-me Genlis, Ducray-Duminil и другими, и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали»¹⁴. Они с удовольствием посещали и другие занятия. «Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязанья и шитья подле m-lle Бенуа, потому что любили и уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшею всякую другую власть»¹⁵. Мадмуазель Бенуа обучала девочек правилам хорошего тона и манерам общения в свете. «В сумерках она заставляла нас ложиться на ковер на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила нас, стоящих у кровати, петь французские романсы»¹⁶.

В Полибине у маленькой Софьи Васильевны Ковалевской за время пребывания в усадьбе было три иностранных гувернантки:

¹³ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине. СПб., 2010. С. 309.

¹⁴ Там же. С. 310.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

француженка, англичанка и швейцарка, а также один гувернер поляк. «Гувернер оказался тихим знающим человеком, давая превосходные уроки, но собственно на воспитание мое имел мало влияния. Зато гувернантка внесла в нашу семью совсем новый элемент»¹⁷. Этот новый элемент заключался в том, чтобы вырастить из девочек маленьких английских мисс. Ковалевская замечала, что очень трудно было переломить в помещицьем доме уклад, который веками и поколениями прививал привычки барства. Но «она (т. е. гувернантка) всё же до известной степени добилась своего»¹⁸.

Вместе с Софьей в Полибине воспитывались ее старшая сестра Анна и младший брат Федор. Старшая сестра Ковалевской вышла из-под опеки гувернантки в 15 лет, с этого времени она стала считаться взрослой барышней. Фактически это проявилось в том, что ее кровать вынесли из детской комнаты в отдельное помещение, находящееся рядом с комнатой мамы.

Чаще всего дети учились дома, но день их распisan был довольно строго. Неизменно ранний подъем, уроки, разнообразные занятия. Завтраки, обеды, ужины проходили в определенное время, обычно в кругу семьи. В семь часов утра начинался день для маленькой Софьи Ковалевской. «По английской манере меня каждое утро обливают водой»¹⁹, — вспоминала она. Английская гувернантка тщательно следила за температурой в комнате (она должна быть низкой в спальне и в учебных комнатах) и проветриванием помещений. После процедуры обливания следовало чаепитие в столовой в компании гувернантки-англичанки, так как остальные члены семьи вставали позже. Каждый учебный день начинался с урока музыки. «Полтора часа гамм и экзерсисов, аккомпанируемых однообразными ударами палочки»²⁰. Затем начинались другие уроки. В 12 часов был завтрак, после которого в случае хорошей погоды совершалась прогулки, если же погодные условия не позволяли, то Софье предоставлялось полтора часа свободного времени для игры в мяч. Это время она использовала по своему усмотрению — иногда мысленно сочиняла стихи, чем особенно увлекалась, а иногда тайком отправлялась в отцовскую библиотеку, где с жадностью поглощала страницу за страницей. «Детских книг у меня немного, и я все их знаю почти

¹⁷ Ковалевская С.В. Воспоминания. М., 1986. С. 54.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Там же.

наизусть...»²¹ По вечерам она готовилась в классной комнате к предстоящим урокам. Перед сном обычно пили вечерний чай. Этот ритм жизни для ребенка повторялся изо дня в день.

Телесные наказания были запрещены в доме, но гувернантка пользовалась различными психологическими приемами. Если одна из девочек вдруг в чем-то провинилась, то на спину ее вешали записочку с указанием вины, с таким ярлыком она должна была просидеть за столом весь обед или ужин. В случае серьезной провинности ее отправляли к отцу для беседы, это была одна из самых тяжелых форм наказания, так как отец всегда работал один в кабинете и очень не любил, когда его беспокоили.

Этот пример свидетельствует о том, что в почитающей традиции дворянской семье авторитет отца был безусловным. Отношение к детям в то время было несколько иным, порой оно может показаться довольно жестким. С.В. Ковалевская вспоминала: «В сущности, отец наш вовсе не был строг с нами, но я видела его редко, только за обедом; он никогда не позволял себе с нами ни малейшей фамильярности, исключая, впрочем, тех случаев, когда кто-нибудь из детей бывал болен. Тогда он совсем менялся. Страх потерять кого-нибудь из нас делал из него как бы совсем нового человека. В голосе, манере говорить с нами являлась необычайная нежность и мягкость; никто не умел так приласкать нас, так пошутить с нами, как он. Мы решительно обожали его в подобные минуты и долго хранили память о них»²². Та строгость, которую проявляли родители к своим детям, не являлась отсутствием любви к ним — это необходимость, заложенная традициями дворянской семьи и дворянского воспитания. «Высокий уровень требовательности к дворянскому ребенку определялся тем, что его воспитание было строго ориентировано на норму, зафиксированную в традиции, в дворянском кодексе чести, в правилах хорошего тона»²³.

Воспитание молодого дворянина отличалось от обучения юной девушки. Домашнее образование не исключалось. Многие родители стремились к тому, чтобы молодые люди в домашних условиях приобретали глубокие знания по разным предметам, чтобы поступить в дальнейшем в различные учебные заведения. Поэтому образование молодых людей было более разносторонним. Но всё-таки получить классическое

²¹ Ковалевская С.В. Воспоминания. С. 59.

²² Там же. С. 60.

²³ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. С. 154.

образование, живя в усадьбе, было сложно и возможно только для детей состоятельных владельцев, которые имели средства нанимать хороших учителей, покупать дорогие учебники.

С резкой критикой домашнего воспитания выступил А.С. Пушкин. В записке «О народном воспитании» он писал: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает и рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем» (XI, 44). Мнение поэта во многом отражало реальную действительность, но нельзя отрицать и то, что «усадьба дала широкое образование и привила высокую нравственность многим сотням дворянских детей»²⁴. Домашнее обучение и воспитание имело и положительные стороны: дети постоянно находились в семье, могли присутствовать на семейных торжествах или вечером собираться все вместе для того, чтобы музицировать, читать вслух, заниматься рукоделием.

Владимир Философов в дневнике писал о том, что в детские годы, когда он проживал в имении отца в селе Богдановском Новоржевского уезда, французскому языку его обучал некий француз. «Я жил в деревне до 11-летнего возраста и на девятом году начал ходить уже в храм к Господину де Воле, доброму французу, у которого не выучился более как только болтать по-французски»²⁵. Когда Владимиру исполнилось 11 лет, мальчика отправили в Петербург, где его экзаменовал по разным предметам Константин Матвеевич Бороздин. Видимо, знания, полученные Владимиром в деревне, были недостаточно глубокими, так как Бороздин даже удивился невежеству молодого Философова²⁶. Для того, чтобы поступить в учебное заведение, нужно было подготовиться. Для поступления в Императорское училище правоведения Владимиру пришлось пройти дополнительный курс обучения. Философов брал уроки у разных учителей, изучал латинский язык, математику, словесность, историю и географию. Наконец в 1835 году, в 15-летнем возрасте, он

²⁴ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX веков. С. 378.

²⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1183. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

²⁶ Там же.

успешно поступил в Императорское училище, где студентов серьезно обучали русскому языку, словесности, истории, танцам, верховой езде, фехтованию. На одной из страниц дневника В.Д. Философов приводит «порядок расположения часов и рекреаций» в Императорском училище. Все дни молодых людей были расписаны. Занятия продолжались на протяжении шести дней с понедельника по субботу. В день проводилось четыре урока, каждый длился 1,5–2 часа. Здесь студенты изучали: государственное право, политическую экономию, римское право, статистику, историю, алгебру, геометрию, русский, немецкий, французский, английский, латинский языки и закон Божий и другие предметы. Домой он приезжал только на каникулы.

Воспитанием и образованием Алексея Николаевича Вульфа до 12 лет занимался дед, Александр Максимович Вындомский. А.Н. Вульф вспоминал: «У него-то провел я первые лета моего детства; он меня очень любил; к тому же он мне хотел дать отличное воспитание совершенно в своем роде, не такое вообще как у нас в России тогда давали. У меня не было ни мадамы-француженки, ни немца-дядьки, но зато приходской священник заставлял меня еще с 6-ти лет твердить: *mensa, mensae etc.* Кажется, что если бы мой дед долее жил, то бы из меня вышло что-нибудь дельное»²⁷. После смерти деда наставником Вульфа стала мать, голос которой наводил на него трепет. «Я учился, учился и только, без отдыха, без пользы. Оттого не осталось у меня ни одного приятного впечатления детских лет»²⁸, — писал он в дневнике. С 14 лет Вульф жил в Дерпте и готовился к поступлению в Дерптский университет. Прежде чем поступить в него, он являлся пансионером Горного кадетского корпуса в Петербурге, где изучал немецкий язык. Это было необходимо, так как все лекции в Дерптском университете читались только на немецком языке, даже курс лекций по русскому языку и литературе. 28 июля 1822 года он был зачислен студентом Дерптского университета. Это было время наивысшего подъема и процветания университета, главной гордостью которого был научный преподавательский состав, многие профессора были известны за пределами России. Курс обучения Алексей Николаевич закончил в декабре 1826 года и стал чиновником 14-го класса, но в дальнейшем он предпочел военную карьеру.

²⁷ Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 1. С. 263.

²⁸ Там же.

П.П. Коновницын внимательно следил за образованием и развитием своих сыновей и принимал участие в их воспитании и определении дальнейшей судьбы. Когда старший сын Петр был еще маленьким, отец уже отмечал успехи в его развитии: «Трех лет знал уже французский язык, пяти лет писал и считал на двух языках, шести лет мог уже управлять лошадью, семи лет без принуждения выучил историю всех славных мужей (военных), (имеет) великую охоту к военному искусству, чертил уже разные военные позиции и довольно хорошо во всем соображает»²⁹. Дети в семье Коновницыных получили хорошее домашнее образование. Когда сыновья Петра Петровича выросли, они были определены в Пажеский корпус. В 1821 году Петр был экзаменован в Главном штабе и принят в свиту колонновожатым, а через четыре дня получил чин прапорщика по квартирмейстерской части. Аттестовали Петра по фортификации, артиллерии, черчению, языкам, географии, истории, математике, и по подавляющему количеству предметов он получил оценку «очень хорошо»³⁰.

После нескольких лет домашнего обучения мальчиков отправляли в гимназии, кадетские корпуса, университеты, нередко и сразу на службу. Здесь дворянин сталкивался с первыми трудностями. Ребенок, которому в семье внушались традиционные этические нормы, порой испытывал потрясения, сталкиваясь с невозможностью следовать им в условиях учебного заведения; здесь-то он и получал опыт самостоятельной жизни³¹.

Из восьми уездных предводителей дворянства Псковской губернии в первой четверти XIX века закончили учебные заведения лишь трое. Это великолукский уездный предводитель дворянства Н.Д. Порохов, который являлся выпускником Императорского Царскосельского лицея³², опочецкий уездный предводитель дворянства И.М. Демчинский, закончивший Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея³³, и Холмский уездный предводитель дворянства А.А. Войнакуринский, который закончил Императорский Московский университет и в дальнейшем стал доктором медицины³⁴. Остальные пять уездных

²⁹ *Иванов Е.П.* Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 87.

³⁰ Там же. С. 88.

³¹ *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. С. 40.

³² ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 29.

³³ Там же. Л. 10.

³⁴ Там же. Л. 36.

предводителей дворянства поступили сразу на военную службу, минуя учебные заведения. Из четырех земских исправников Псковской губернии двое закончили военные кадетские корпуса и продолжили военную службу, один вступил на военную стезю сразу, четвертый предпочел гражданскую службу³⁵.

По-прежнему военная служба являлась приоритетным занятием дворянина. Она давала возможность достичь успехов в жизни, продвигаться по карьерной лестнице. В 1806 году император Александр I постановил, чтобы студенты из дворян, поступающие на военную службу, производились через шесть месяцев в офицеры, при этом три месяца числились рядовыми, а другие три месяца — подпрапорщиками; и потом их производили в офицеры³⁶. Государство было заинтересовано в том, чтобы в армии были люди квалифицированные, знающие толк в военном деле. Поэтому императором было принято решение о том, что воспитанники военно-учебных заведений по окончании курса поступали на военную службу сразу в офицерском чине³⁷.

Таким образом, домашнее воспитание в усадьбе складывалось из различных компонентов, где большое влияние имело приобщение к русской народной культуре через общение с нянями, дядьками или крестьянскими детьми. Традиционное домашнее воспитание основывалось на православных ценностях. С другой стороны, стараниями гувернеров и гувернанток происходило приобщение к западной культуре и европейским моделям поведения, к строгому соблюдению определенных норм этикета. С их помощью дети получали так называемое «нормативное» воспитание, направленное на то, чтобы отшлифовать личность ребенка соответственно установленному в обществе образцу.

В обозначенный период изменилась содержательная составляющая образования. Этот процесс коснулся и провинциального дворянства, т. к. представители высшего сословия, живя в Псковской губернии, желали, чтобы их дети (мальчики) получили образование в учебных заведениях. Для этого они должны были готовиться к поступлению, изучать точные науки, языки, историю, географию и т. п.

³⁵ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 254–294.

³⁶ Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. С. 523.

³⁷ Там же.

КНИГИ ДЛЯ КЛАССНОЙ КОМНАТЫ В ОКРУЖЕНИИ
А.С. ПУШКИНА И У ЕГО ГЕРОЕВ

*Материалы к выставке «Мы любили наши уроки
и всякие занятия вроде вязанья и шитья...»
Домашнее обучение пушкинской поры»
в Доме-музее Осиповых и Вульфов в Тригорском*

В прошлом году в Доме-музее Осиповых и Вульфов состоялась совместная с Всероссийским музеем А.С. Пушкина выставка с представлением меморий Тригорского. В их числе были показаны и книги-дубликаты тригорской библиотеки.

Сменные выставки в Тригорском проходят в комнате, известной под названием «Классной». Тогда же родилась идея представить там небольшую выставку книг детского чтения и учебников из собрания нашего музея.

Выставка не ставит своей целью полное раскрытие темы, она лишь иллюстрирует книгами из музейного собрания некоторые направления нашего собирательства в области детской книги.

Как и для собрания редкой книги вообще, так и для собрания детской книги в частности, научной базой комплектования служили и служат три вида материалов. Это, во-первых, каталоги книг, имевшихся в наших усадьбах (Тригорском, Петровском и Голубове), Святогорском монастыре и у самого А.С. Пушкина (см. Каталог Б.Л. Модзалевского — всей библиотеки и каталог книг Михайловского Э.Ф. Лобановой). Во-вторых, это свидетельства современников о книгах, бывших в этих усадьбах и у Пушкина. Что касается детских книг, особое внимание обращено на воспоминания сестры поэта о его детстве и свидетельства Ал.Н. Вульфа и М.И. Осиповой об их детском чтении. Дополняют эти материалы подробные воспоминания А.П. Керн о детстве; Анна Петровна несколько лет воспитывалась вместе со своей кузиной Анной Вульф у одной гувернантки. Наконец, третья группа книг — это книги, упоминаемые Пушкиным в его произведениях. Для выставки отобраны книги всех трех родов. Оговоримся сразу, что касаться учебной и детской книги первой половины XVIII века мы не будем — эта тема заявлена и раскрыта в экспозиции «Детской» Дома-музея А.П. Ганнибала в Петровском.

Мы отобрали для выставки 16 книг и альбомов из фондов Пушкинского Заповедника. Разумеется, собственно учебников в нашем собрании больше, но основная их часть употреблялась уже в специальных учебных заведениях, а в усадебных классных комнатах занимались дети, как сказали бы сейчас, младшего и среднего школьного возраста; причем, как правило, частью образовательного и воспитательного процесса было совместное чтение.

Интерьерный уголок «Классная комната»

Изображений комнат для занятий или классных комнат в городских особняках или усадебных домах пушкинского времени сохранилось немного. Но подметить общие черты можно. Это простая мебель — столы и стулья, детские рисунки на стенах, шкаф для книг и обязательно географическая карта на стене. На изображении классной комнаты 1827 года из собрания Государственного Исторического музея это карта Москвы. На другой интерьерной картинке карты свернуты в рулон и положены на столе. В богатых домах были и глобусы. А мы не можем не вспомнить о карте, которая была выписана для героя «Капитанской дочки» Петруши Гринева: «...Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириной и доброю бумагой. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно, и стал осыпать укоризнами» («Капитанская дочка»; VIII, 1; 280).

Еще одна карта находится рядом в простенке: Карта Псковской губернии из шести уездов. А.М. Вилбрехт. Географический департамент Е.И.В. Павла I. 1800 год. Бумага, гравюра, акварель.

Иностранные языки, география, арифметика, история российская и европейская, а также античная история и мифология — вот основные предметы, изучавшиеся с помощью гувернеров и домашних учителей в дворянских семьях.

*В интерьерном уголке представлены:
карта России 1750 года. Бумага, гравюра, акварель;
глобус. Копия с образца XVIII века. XX век. Латунь;
столлик. Копия с образца XIX века. Дуб;
стул. Первая половина XIX века. Дерево;
луна. XIX век. Желтый металл, серебрение (?).*

В воспоминаниях сестры поэта читаем: «Воспитание его и сестры Ольги Сергеевны вверено было иностранцам, гувернерам и гувернанткам. Первым воспитателем был французский эмигрант граф Монфор, человек образованный, музыкант и живописец; потом Русло, который писал хорошо французские стихи, далее Шедель и другие: им, как водилось тогда, дана была полная воля над детьми. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски».

Иногда гувернеры весьма прохладно относились к своим обязанностям.

«Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему...»

«Он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать, и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы — зато с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы, и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно» («Дубровский»; VIII, 1; 188; 202).

«Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла... Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности.

...Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал» («Капитанская дочка»; VIII, 1; 279–280).

Напомним еще известные всем строки о наставнике Евгения Онегина: «...Учил его всему шутя, / Не докучал моралью строгой, / Слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил» (VI, 6).

В тех семьях, где денег на иностранных учителей не хватало, прибегали к помощи своих сограждан, часто студентов. В этом случае необходимым пособием были словари и грамматики.

Витрина у окна

Здесь представлены книги:

Немецкая грамматика. Издание 9-е. М., 1825. В тексте отметки — даты карандашом, числа, к которым надо выучить конкретный материал.

Словарь на шести языках: Российском, Греческом, Латинском, Французском, Немецком, Английском, изданный в пользу учащегося российского юношества. СПб., 1763. Словарь явно побывал в детских руках — весь в наклейках из вырезанных и раскрашенных цветов.

Витрина у окна

Новые французские и российские разговоры. СПб., 1831. Параллельные тексты на общеупотребительные темы: как приветствовать и наведываться о здоровье, вставать и одеваться, о времени, о годовых временах, о погоде и т. д.

География представлена переводным изданием: Отрок географ, или Начальная география. Издание 5-е. М., 1820. Книга с параллельным текстом на французском и русском языках, материал излагается в вопросах и ответах. Такая система изложения была довольно распространена в пушкинское время.

Для детей всегда интересны книги с картинками. Маленький формат и маленькие картинки стоили дешевле, что было важно для детской книги, которую дети могли порвать или еще как-нибудь испортить. Два таких французских издания с картинками мы представляем на выставке.

Первое — это: Mavor G. Le Buffon des écoles à l'usage de la jeunesse, ou histoire naturelle... / traduit de l'anglais de Guillaume Mavor... Т. 1. Paris, 1802. (Мэйвор Г. Школьный Бюффон для юношества, или Естественная история... / пер. с англ. Т. 1. Париж, 1802).

Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (фр. Georges-Louis Leclerc, Comte de Buffon, или просто Бюффон; 7 сентября 1707, Монбар, Бургундия — 16 апреля 1788, Париж) — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века. Высказал идею о единстве растительного и животного мира. Создатель первого в истории европейской науки подлинно научного и философского труда по

зоологии — «Естественной истории» (*Histoire naturelle, générale et particulière*, 1749—1788, в 36 томах), в котором были описаны все известные к тому времени виды млекопитающих и птиц.

Его имя стало нарицательным для обозначения книг по естественной истории, преимущественно описаний животного мира. В нашем издании для юношества много смешных и наивных картинок зверей. Книга раскрыта на картинках с буйволом, белым и бурым медведями. С подобных изданий дети копировали картинки, обучаясь рисованию.

Второе издание — Blanchard P. *Mythologie de la jeunesse*. 10-me éd. Paris, 1818. (Бланшар П. Мифология для юношества. 10-е издание. Париж, 1818).

Греческая и римская мифология изучалась весьма подробно, особенно известны и популярны были «Письма к Эмилиии о мифологии» Демустье.

Шарль-Альбер Демустье (13.03.1760–2.03.1801) — французский писатель. В 1786 году он опубликовал первую часть *Lettres à Emilie sur la mythologie*. Шестая часть была опубликована в 1798 году. Эти произведения, чередующие прозу и мадригальные стихи, имели большой успех.

А.П. Керн: «Тут замечу, что тогдашняя молодежь, хотя и знала менее, чем нынешняя, но то, что выучила, знала основательно, и в ней не было того легкомыслия, того схватывания вершков в науках, той распушенности, какая бросается в глаза теперь... Тогда руководились нравственными принципами и отличались силою убеждений. Не так в настоящее время... Тогда в число научных предметов входила мифология, и один офицер стоявшего в Лубнах полка, Брозин, переписал на память часть *Lettres a Emilie sur la Mythologie par Demoustier* («Письма к Эмилиии о мифологии» Демустье), для моей матери, когда она потеряла ее и очень об этом сожалела... Подобным образом тогдашняя молодежь знала все науки»¹.

Это издание у нас тоже есть, но картинки к нему более профессиональны и детальны и, при обилии обнаженной натуры, скорее предназначались для взрослых особ. Мы выбрали книгу с несколькими примитивными, но явно предназначенными для детей картинками.

Бытовые вещи XIX века, представленные в витрине, могли сопровождать процесс обучения. Это:

¹ См.: Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987.

лорнет. Вторая половина XIX века. Бронза, стекло, золочение; чернильница. Первая треть XIX века. Бесцветное стекло, бисер; перочистка. Середина XIX века. Бисер, дерево, шелк, сукно; печать-матрица прикладная. Начало XIX века. Сталь, дерево; печать стальная с деревянной резной круглой в сечении ручкой. Щиток печати овальной формы, на нем выгравированы в центре два пылающих сердца, пронзенных оперенной стрелой, выше и ниже их — облака, по верхнему краю надпись: «сиго си» («Забочусь о...»); колокольчик настольный. Конец XIX — начало XX века. Медь, железо.

Вертикальная витрина

Названием выставки стала фраза из воспоминаний А.П. Керн о своем детстве. Силуэтные портреты А.П. Керн и А.Н. Вульф в витрине позволяют представить себе этих современниц и адресатов лирики А.С. Пушкина. Приведем несколько выдержек из воспоминаний А.П. Керн².

«В этом возрасте мать меня повезла в Берново к чудному моему дедушке Ивану Петровичу Вульфу... Это было в 1808 году. Господский дом в Бернове стоял на горе задом к саду, впереди его большой двор, окруженный каменного оградой. Далее площадь, охваченная с обеих сторон крестьянскими избами, и в середине ее против дома каменная церковь.

Через несколько времени после нашего приезда в Берново приехали туда из Тригорского Прасковья Александровна и муж ее Николай Иванович Вульфы со своей дочерью Анной Николаевною, моею сверстницею. Был вечер... Горела тускло сальная свеча в конце большой залы... Они сели на стулья у огромной клетки с канарейками, подозвали к себе меня и маленькую свою дочь с ридикюлем и представили нас друг другу, говоря, что мы должны любить одна другую, как родные сестры, что мы исполняли всю свою жизнь.

Мы обнялись и начали разговаривать. Не о куклах, о нет... Она описывала красоты Тригорского, а я прелести Лубен и нашего в них дома. Во время этой беседы она вынула из ридикюля несколько желудей и подарила мне. Смело могу сказать, что подобных детей, как были мы, мне

² Цит. по: Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка / сост., вступ. ст. и прим. А.М. Гордина. М., 1989. С. 119–125.

Вертикальная витрина

не случилось никогда встречать, и да простит меня читатель, если я увлекусь некоторыми подробностями этой дорогой для меня лучшей поры моей жизни... Анна Николаевна не была такою резвою девочкою, как я; она была серьезнее, расчетливее и гораздо прилежнее меня к наукам. Такие свойства делали ее любимцею тетюшек и впоследствии гувернантки. Различие наших свойств не делало нас холоднее друг дружке, но я была всегда горячее в дружеских излияниях и даже великодушнее. Взаимная наша доверенность была полная, без всяких задних мыслей. Нас и вели совершенно ровно, и покупали мне то, что и ей, в особенности наблюдал это брат моей матери Николай Иванович, превосходное существо с рыцарским настроением и с любовью ко всему изящному, к литературе... Он поручил старшему брату своему Петру Ивановичу Вульфу, служившему кавалером при великих князьях Николае и Михаиле Павловичах, отыскать гувернантку. Случилось такое обстоятельство,

что в это самое время искали гувернантку для великой княжны Анны Павловны, которая была наших лет, и выписали из Англии двух гувернанток: m-lle Сибур, и m-lle Бенуа... Эта последняя назначалась к Анне Павловне, но по своим скромным вкусам и желанию отдохнуть после труженической своей жизни в Лондоне в течение двадцати лет, где она занималась воспитанием детей в домах двух лордов по 10 в каждом, — она предложила своей приятельнице Sybourg заступить свое место у Анны Павловны, а сама приняла предложение Петра Ивановича Вульфа и приехала к нам в Берново в конце 1808 года.

Родители наши тотчас нас с Анной Николаевною ей поручили в полное ее распоряжение. Никто не мешался в ее воспитание, никто не смел делать ей замечания и нарушать покой ее учебных с нами занятий и мирного уюта ее комнаты, в которой мы учились. Мы помещались в комнате, смежной с ее спальною. Когда я заболела, то мать брала меня к себе во флигель, и из него я писала записки к Анне Николаевне, такие любезные, что она сохраняла их очень долго. Мы с ней потом переписывались до самой ее смерти, начиная с детства.

Я всегда вела дневник.

M-lle Benoit была очень серьезная, сдержанная девица 47 лет с приятною, но некрасивою наружностью. Одетая была всегда в белом. Она вообще любила белый цвет и в такой восторг пришла от белого заячьего меха, что сделала из него салоп, покрыв его дорогою шелковою материей. У нее зябли ноги, и она очень тепло обувалась и держала их зимою на мешочке с разогретыми косточками из чернослива. Она сама одевалась, убирала свою комнату и, когда всё было готово, растворяла двери и приглашала нас к себе завтракать. Нам подавали кофе, чай, яйца, хлеб с маслом и мед. За обедом она всегда пила рюмку белого вина после супа и в конце обеда. Любила очень черный хлеб. После завтрака мы ходили гулять в сад и парк, несмотря ни на какую погоду, потом мы садились за уроки. Оказалось, что, несмотря на выученную наизусть по настоянию матери Ломондову грамматику, Анна Николаевна ничего не знала, я тоже, и надо было начинать все науки. Она начала так: села на стул перед учебным столом, подозвала нас к себе и сказала: «Mesdames, connaissez-vous vos parties du discours?» (фр. «Сударыни, хорошо ли вы знаете части речи?»). Мы, не поняв вопроса, разинули рты. Позвали тетушек для перевода; но и они тоже не поняли — это было сказано для них слишком высоким слогом... И m-lle Бенуа начала заниматься с нами по-своему.

Все предметы мы учили, разумеется, на французском языке, и русскому языку учились только шесть недель во время вакаций, на которые приехал из Москвы студент Марчинский.

Она так умела прихотить нас к учению разнообразием занятий, терпеливым и ясным, без возвышения голоса толкованием, кротким и ровным обращением и безукоризненною справедливою, что мы не тяготились занятиями, продолжавшимися целый день, за исключением часов прогулок, часов завтрака, обеда, часа ужина. Воскресенье было свободно, но других праздников не было. Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязанья и шитья подле m-lle Бенуа, потому что любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшею всякую другую власть. Нам никто не смел сказать слова. Она заботилась о нашем туалете, отрастила нам локоны, сделала коричневые бархотки на головы. Говорили, что на эти бархотки похожи были мои глаза...»

«В сумерках она заставляла нас ложиться на ковер на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила нас, стоящих у кровати, петь французские романсы. Рассказывала анекдоты о своих ученицах в Лондоне, о Вильгельме Телле, о Швейцарии. У нас была маленькая детская библиотека с m-me Genlis, Ducray-Duminil и другими, и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали. Любимые сочинения были: *Les veillées du château*, *Les soirées de la chaumière* (фр. «Вечерние беседы в замке», «Вечера в хижине»).

Посторонние посетители допускались только те, которые сами хотели заниматься. Так, входила к нам Прасковья Александровна и училась с нами английскому языку... Бывала также у нас Катерина Ивановна Муравьева, фрейлина великой княжны Екатерины Павловны, и читала нам романы Ducray-Duminil...»

«Жила я в Бернове и воспитывалась у m-lle Benoit с 8 лет до 12-го года. Последний год мы жили уже без бабушки Анны Федоровны. Она умерла в конце 10-го года. Когда она умирала, то меня, чтобы я не была свидетельницею трагических сцен и похорон, увезли на несколько дней в Грузины... После ее кончины батюшка задумал перевести нас с маменькою в Москву для окончания там моего воспитания. Но прежде летом перевез нас в маменькину деревню и поместил в двух крестьянских избах. M-lle Benoit просила его оставить меня у нее, обещала учить даром, но батюшка не изменил решения».

«Но как бы там ни было, а мы благополучно доехали до Лубен. Тут я прожила до замужества, уча меньшого брата и сестер, танцую, читая, участвуя в домашних спектаклях, подобно тому как в детстве в Бернове, где m-lle Venoit заставляла нас разыгрывать разные комедии детские, пять романсы».

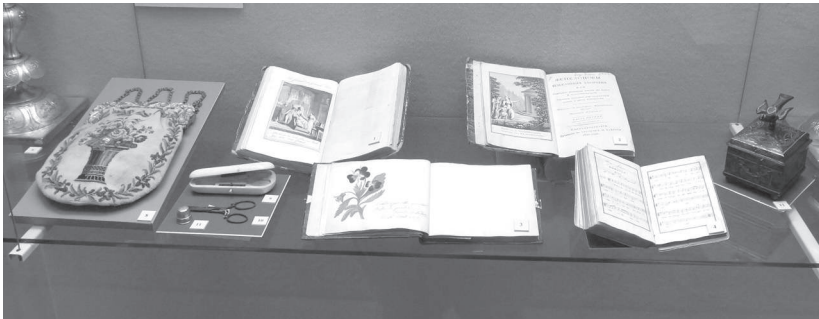
Единственная в витрине книга на русском языке — это: Фенелоны избранные творения, или Собрание лучших мест по слогу и нравственности. Творение полезное для образования сердца и вкуса Юношества. Ч.1–3. СПб., 1820. Она представляет одного из популярнейших европейских писателей. Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон (фр. François de Salignac de La Mothe-Fénelon, 6 августа 1651 — 7 января 1715), более известный как Фенелон — французский священнослужитель, писатель, педагог, богослов. Автор знаменитого романа «Приключения Телемака» (1695), литературного бестселлера XVII–XIX веков. В библиотеке Тригорского «Приключения Телемака» сохранились в итальянском переводе, но несомненно было и оригинальное издание; в собрании музея есть издание с параллельными текстами на французском и английском языках. Показательны воспоминания А.П. Керн, которая пишет о себе и Анне Вульф в детском возрасте: «Мы о себе так высоко думали, что считали себя достойными только принцев и исторических героев вроде Нумы Помпилия и Телемаха»³.

Еще один популярный автор, чьи книги читались в классной комнате, — Жан-Николя Буйи (фр. Jean-Nicolas Bouilly, 23 января 1763 года, Жуэ-Ле-Тур, Франция — 24 апреля 1842 года, Париж), французский писатель, драматург и либреттист. Его драма «Леонора, или Супружеская любовь» легла в основу оперы Бетховена «Фиделио».

В драматургии Буйи преобладают произведения на исторический сюжет: его перу принадлежат пьесы о Петре Великом, Жан-Жаке Руссо, Рене Декарте, аббате де л'Эпе, мадам де Севинье, Агнессе Сорель и Гвидо Рени.

Начиная с 1809 года, Буйи публиковал циклы сказок, такие как «Советы моей дочери» (фр. Conseils à ma fille, 1811), двухтомник «Сказки для детей Франции» (фр. Contes offerts aux enfants de France, 1824–1825) и «Прощание старого сказочника» (фр. Les Adieux du vieux conteur, 1835).

³ См.: Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка.

В библиотеке Тригорского сохранилась книга *Contes à ma fille, pour former ses goûts, ses habitudes, son esprit et son coeur*, par J. N. Bouilly. Paris. 1811. 2 vol. Надпись: «Анны Николаевны Вульфъ». В нашем собрании имеется том первый, изданный годом ранее, в 1810 году: Bouilly J.N. *Contes à ma fille*. T.1. Paris, 1810 (Буйи Ж.-Н. Сказки для моей дочери. Т. 1. Париж, 1810).

Том раскрыт на одной из иллюстраций к рассказу «Дедушкино кресло».

По утверждению М.И. Семевского (со слов А.Н. Вульфа), в старину в библиотеке Тригорского было много книг с дорогими гравюрами. Они не сохранились уже ко времени посещения Семевского (середина XIX века). Но представить себе эти дорогие издания можно по еще одной книге по древней истории: [Millot] *Abrégé de l'histoire romaine, orné de 49 Estampes gravées en taille-douce...* Paris, 1789 (Мийо. Краткая римская история, украшенная 49 резцовыми гравюрами. Париж, 1789).

Книга раскрыта на гравюре, изображающей избрание на царство легендарного римского царя Нумы Помпилия, известного своей добродетельностью и мудрым правлением. Именно его, наравне с Телемахом, маленькие кузины Анны считали достойным выбором для себя.

Следующая книга — *L'Écho des bardes, ou Chansonnier dédié aux demoiselles*. Paris, 1818. (Эхо бардов, или Песенник, посвященный барышням. Париж, 1818). Французский нотный сборник с картинками раскрыт на романсе «Слеза», возможно, входившем в репертуар двух маленьких Анн.

Далее — *Pensée* (Фиалка трехцветная, или «анютины глазки»). Акварель, орешковые чернила. Рисунок из альбома с записями 1817 года. Сафьян, медный сплав, бумага. Слово *pensée* означает «мысль».

воспоминание». Рисунок сопровождается записью по-французски: «Не забывайте ту, кто оставила Вам свою фиалку. Амелия де Латур, 25 августа 1817 года». Альбом с таким рисунком в начале могла подарить гувернантка своей повзрослевшей воспитаннице.

Изображения цветов были популярны в дамских альбомах, поэтому учить рисовать обыкновенно начинали с цветов. Цветы (среди которых самой популярной была роза) были едва ли не самым распространенным мотивом рукоделия. Цветочная символика присутствует на незаконченной вышивке с изображением Распятия (вышивка бисерная. XIX век. Лен, бисер). Роза выполнена наполовину, а вышитый полностью цветок — это пассифлора, или страстоцвет, который в XIX веке воспринимался как наглядное воплощение Страстей Христовых. Три рыльца пестика символизировали гвозди, которыми были прибиты к кресту ступни и руки Христа. Внешняя корона олицетворяла терновый венец, тычинки — пять ран.

Если приглядеться, то изображение роз можно найти на многих, почти на всех предметах, представленных в витрине, а это: подсвечники парные. Конец XIX века. Медный сплав; сумочка бисерная. Первая треть XIX века. Шелк, бисер, бронза; шкатулка-швейка. Начало XIX века. Тула. Сталь, бронза, бархат; игельница на струбине. Начало XIX века. Тула. Сталь, бархат.

Нет цветов лишь на изящном несессере с предметами, необходимыми для рукоделия, — ножницами и наперстком (несессер (футляр). XIX век. Слоновая кость. Ножницы. Из несессера с принадлежностями для рукоделия. XIX век. Металл. Наперсток. Из несессера. XIX век. Белый металл).

В 1820-е годы стал модным «язык цветов». Сочетание растений на рисунках или вышивках приобретало смысл высказывания, передававшего различные мысли и чувства. Гербарные композиции в нижней части витрины, хотя и составлены в XX веке, но используют растения пушкинского времени и наверняка содержат зашифрованные высказывания. Это:

композиция «Цветы» (гербарий) с дельфиниумом, ромашкой и пиретрумом розовым. Засушенные цветы, картон, холст;

композиция «Цветы» (гербарий) с космеей, донником и незабудками. Засушенные цветы, картон, холст;

композиция «Цветы» (гербарий) с васильком, таволгой, желтофиалью и амарантом. Засушенные цветы, картон, холст.

А вот тайные чувства А.П. Керн, выраженные в ее дневнике посредством цветочного шифра, в наше время расшифрованы К.И. Шарафудиной⁴.

Витрина у печки

В витрине — [Феофан Прокопович]. Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги. Также: Краткое толкование Законного Десятословия, Молитвы Господни, Символа Веры и девяти Блаженств. М., 1780.

В обязательный круг предметов для детей обоего пола входил Закон Божий — «учебный предмет, включающий изучение молитв, священной истории и истории Церкви, объяснение богослужения и катехизиса». Для преподавания приглашались священники. По свидетельству сестры поэта, «до самого вступления Александра Сергеевича в Лицей [учителем был] священник Мариинского института Александр Иванович Беликов, довольно известный тогда своими проповедями и изданием «Духа Массилиона»: он, уча закону Божию, учил русскому языку и арифметике»⁵. Алексея Вульфа, по желанию его деда Александра Вындомского, священник учит еще и латыни: «У меня не было ни мадамы-французенки, ни немца-дядьки, но зато приходский священник заставлял меня еще шести лет твердить: mensa, mensae, etc (стол, стола, и т. д. (лат.))»⁶.

В произведениях А.С. Пушкина сведения об обучении у церковнослужителей приобретают ироническую окраску. Так, покойный Иван Петрович Белкин «получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности» (VIII, 1; 59).

Еще одна книга, представленная в витрине, — Курганов Н. Письмовник... 6-е издание. СПб., 1796. Книга порядочно зачитана и носит на себе следы детского чтения: надписи в конце книги «Глупости конец», «Константин Лукич Симанский», «Маша дура», «Марья Лукична Симанская». Фамилия читателей свидетельствует, что книга бытовала в семье островских помещиков Симанских, не один представитель

⁴ См.: Шарафудина К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи. СПб., 2003.

⁵ Павлицева О.С. Воспоминания о детстве А.С. Пушкина (со слов сестры его О.С. Павлицевой), написанные в Санкт-Петербурге 26 октября 1851 // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 32.

⁶ См.: Вульф А.Н. Дневники 1827–1842 годов.

которых носил имя Лука — и среди потомков которой был патриарх Алексей (в миру Сергей Владимирович Симанский). Симанские состояли в родстве с семейством П.А. Осиповой, а троюродная сестра Осиповой Екатерина Лукьяновна Симанская часто упоминается в переписке родителей поэта с его сестрой и в дневниках А.Н. Вульфа.

В «Истории села Горюхина» тема образования у местного священнослужителя развивается и объясняет дальнейший интерес героя к литературе, примеры которой в детском возрасте, за малым количеством книг в доме, сосредоточены для будущего автора «Истории...» в «Новейшем письмовнике» Курганова:

«Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всём доме, кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего письмовника, никаких книг не находилось. Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты. После генерала Племянникова, у которого батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком. Я расспрашивал о нем у всех, и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему любопытству, никто не знал его лично, на все мои вопросы отвечали только, что Курганов сочинил Новейший письмовник, что твердо знал я и прежде. Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования» (VIII, 1; 127).

В примечаниях к тексту Томашевского сообщается: «Новейший письмовник — книга, составленная профессором Николаем Кургановым, первый раз изданная в 1769 году и затем много раз переиздававшаяся. В последних изданиях книга называлась: «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия». Книга содержала подробную грамматику, а также собрания пословиц, анекдотов, всяческие изречения, энциклопедические сведения, разные стихотворения и пр.».

Классический пример детской азбуки с картинками — Детский наставник, или Полная Российская азбука, украшенная 32 картинками. СПб., 1819.

Тут и картинки людей и предметов, чьи названия начинаются с каждой буквы азбуки; и «нужнейшие понятия», и молитвы, и объяснения десяти заповедей, и басни, и история с арифметикой.

Классической можно назвать и сохранность этого экземпляра. Книга сильно зачитана и во многих местах имеет утраты страниц и их фрагментов. Эту особенность детских книг также отметил А.С. Пушкин: «Я сел опять под окном и спросил у толстой работницы, которая бегала поминутно мимо меня то в задние сени, то в чулан — нет ли чего-нибудь почитать. Она принесла мне несколько книг. Я обрадовался и кинулся с жадностью их разбирать. Но тотчас я успокоился, увидев затасканную азбуку и арифметику, изданную для народных училищ. Сын смотрителя, буян лет девяти, обучался по ним, как говорила она, всем наукам, упрямо выдирая затверженные листы, за что по закону естественного возмездия дирали его за волосы» («Записки молодого человека»; VIII, 1; 405).

В конце этой книги есть руководство к чистописанию и «Правила рисования, или Азбука рисовальная» господина Краузе. Урок первый заключается в сведениях о простых линиях:

«Следующие пять линий, как то:

- 1) перпендикулярная, или отвесная,
- 2) горизонтальная,
- 3) диагональная, или косвенная,
- 4) кривая,
- 5) волноподобная,

должны быть известны всякому упражняющемуся в рисовании. Он должен не только знать их по названию, но и стараться делать их от руки без помощи линейки и циркуля. Они суть основание всех фигур, и рисующий должен иметь их в голове при срисовывании всякого предмета».

Процесс обучения рисованию иллюстрирует Альбом рисунков с подписью «Jacob Creter» и датой «1781». Бумага, тушь, карандаш, акварель. 315 × 216 мм.

Он раскрыт на четырех изображениях собаки — именно так, копируя несколько раз один и тот же образец, учились рисовать дети.

Неуверенной детской рукой изображен в одном из альбомов ландыш:

Ландыш. Карандаш, бумага. Рисунок из альбома неизвестной начала XIX века. Начало XIX века. Сафьян, бумага, медный сплав, золотое тиснение.

А вот два пейзажа с водяными мельницами из семьи графа Я.К. Сиверса выполнены довольно удачно, учитывая возраст художников. Даты указаны на листах.

Якову Карловичу в 1829 г. было 11 лет:

Сиверс Я.К. /Sievers Jacques/ Пейзаж с водяной мельницей. 1829. Бумага, акварель.

Его будущей жене, урожденной княжне Дондуковой-Корсаковой, на время создания рисунка всего 10 лет:

Сиверс В.М., урожд. Дондукова-Корсакова /[Sievers] Véra(?). Пейзаж. Водяная мельница. 1834. Бумага, акварель.

Печатка-перстень и линейка использовались во время рисования и написания писем, чему тоже учились с детских лет (печатка-перстень. XIX век. Сталь. Выполнена из металла темного цвета в форме перстня с большим кольцом. На печатке выгравированы готические буквы «ДК» в обрамлении растительного орнамента; линейка. XIX век. Англия, Лондон. Металл).

Дополняют тему обучения рисованию факсимильные воспроизведения рисунков лицеистов. Возможность показать их наш музей приобрел, получив в дар уникальный факсимильный альбом «Рисунки лицеистов (1811–1817)», выпущенный издательством «Вита Нова» совместно с Всероссийским музеем А.С. Пушкина к 200-летию Лицея. Всего было издано 200 нумерованных экземпляров, мы получили экземпляр № 85. В альбоме воспроизведено 32 рисунка лицеистов первого, пушкинского курса; на нашей выставке представлено 14 работ.

Из 32 рисунков были отобраны в первую очередь рисунки самого А.С. Пушкина и его близких друзей — Пушина, Малиновского, Данзаса; вторым принципом отбора был выбор рисунков начального этапа обучения, когда лицеисты еще использовали навыки, полученные дома. Среди этих рисунков цветы встречаются всего один раз, зато сравнительно много пейзажей — и, наверное, не случайно, описывая сюжеты, которые Ленский вносит в альбом Ольги, Пушкин первым делом называет «сельски виды». Довольно много и удачно рисовали лицеисты животных, а война 1812 года оставила свой след в виде сатирической картинки «Француз, стреляющий в ворон» и изображений наших воинов. И, конечно же, на самом видном месте, в простенках окон, выходящих на пруд, помещены рисунки Пушкина — «Собака с птичкой» и «Про давца кваса».

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЦЕРКВИ ВОЗНЕСЕНИЯ ХРИСТОВА ПОГОСТА ВОРОНИЧ НА РАБОТАХ ХУДОЖНИКОВ 1930-Х ГОДОВ

К началу XVIII века земли бывшего пригорода Воронича перешли в дворцовую собственность, а затем были пожалованы дворянам. В том числе прадеду А.С. Пушкина — А.П. Ганнибалу царица Елизавета Петровна пожаловала в 1742 году Михайловскую губу. Егорьевская губа, согласно указу Екатерины II, в 1762 году перешла во владение М.Д. Вындомского¹.

В XIX веке Вороничи — погост (поселение) с Воскресенской церковью, расположенный на территории существовавшего ранее псковского пригорода Воронича².

В церкви находились местночтимые иконы Святого Архангела Михаила, Святого Пророка Божия Илии и храмовая икона Воскресения Христова³.

Прихожанами храма были местные помещики Ганнибалы, Пушкины, Сумарокии и Шелгуновы, Княжевичи. Церковь содержалась на их пожертвования, в разные годы значительные вклады делали друзья и соседи родителей А.С. Пушкина Шелгуновы, владельцы усадьбы Дериглазово. В 1869 году на средства помещика генерала Д. Шелгунова в церкви «сделан вместо ветхого новый иконостас». Среди жертвователей встречаются и фамилии крестьян прихожан⁴.

Эту церковь в годы ссылки посещал А.С. Пушкин. 7 апреля 1825 года, в день смерти английского поэта Джорджа Гордона Байрона, Пушкин заказал священнику Воскресенской церкви И.Е. Раевскому

¹ *Белецкий С.В.* Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки // Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 14–16.

² *Васильев М.Е.* Минувшее проходит предо мною... Исторические очерки // Михайловская пушкиниана. Вып. 9. М., 2000. С. 31.

³ *Коржов А.О.* К вопросу о секуляризации 1764 года Вороничской части Опочецкого уезда // Михайловская пушкиниана. Вып. 36. Пушкинские Горы ; М., 2005. С. 141.

⁴ *Васильев М.Е.* Минувшее проходит предо мною... Исторические очерки. С. 31.

(1786–1858) отслужить «обедню за упокой его души». Об этом событии поэт упоминает в письмах к брату и П.А. Вяземскому.

Сохранилось описание храма в метрике 1887 года, составленной служившим там в то время священником о. Николаем, воспитанником Псковской духовной семинарии. Из нее мы имеем представление о внешнем виде церкви и ее внутреннем убранстве:

«Мастер неизвестен... Церковь построена равносоставленным крестом... Алтарь церкви с одним полукружием состоит из двух граней... Размер церкви в длину 6 ½ саж., высоту 2 ¾ саж., ширину 3 саж.

Церковь деревянная, обшита тесом и резьбой не украшена. Карнизы из дерева в виде поясков. Кровля шатровая на четыре ската, из железного листа, выкрашена медянкою в 1872 году. Фонарь глухой, украшений нет, устроен прямо на кровле... шея гладкая, без украшений. На церкви одна глава (маковица), покрыта железным листом и окрашена медянкою. Кресты железные, восьмиконечные с завитками... окна узкия, продолговатые, четырехугольные, в алтаре два окна в четыре света, под самой крышей есть окна меньшего размера — квадратные в три света... наличники у окон деревянные гладкие... решетки железные формы дугообразно-клетчатой... две двери, расположенные на западной стороне; церковь внутри устроена крестообразно, алтарь отделяется от храма иконостасом с тремя пролетами. Западный притвор устроен в виде палаты, в нем два небольших придела для ризницы и библиотеки, и отделяются от храма столбами... потолок простой досчатый... Пол деревянный — одинаковый в алтаре, храме и притворе»⁵.

В описи Псковской епархии Опочецкого уезда пригорода Воронич за 1904 год отмечено, что церковь «зданием деревянная с такою же колокольнею, находящеюся в связи с храмом, тверда и не представляет в себе никаких исторических, археологических и архитектурных особенностей»⁶.

Отделка храма с течением времени подвергалась, как обычно, некоторым изменениям в деталях, в целом оставаясь, по-видимому, относительно простой...

В работе Е.В. Христофоровой «К истории приходских храмов се-

⁵ Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Т. 1. Сельцо Михайловское ; М., 2003. С. 187–189.

⁶ Иванова Т.Б. Документы, возвращенные в 1945 году из Германии, в составе коллекции «Древний архив» основного фонда Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 51. Сельцо Михайловское, 2010. С. 19–20.

ления Святые Горы и пригорода Воронича» дано описание церкви на 1910 год: «Воскресенская церковь — деревянная, на каменном фундаменте, снаружи обита тесом и покрашена масляной краской, внутри оштукатурена; покрыта железом, окрашенным зеленой масляной краской. Длина церкви, считая и колокольню, 11 саж., наибольшая ширина — 4 саж., высота до верха карниза 2 ½ саж.; на церкви имеется одна большая глава и одна малая (над алтарем); больших окон с двойными рамами 9 шт.; малых во втором ярусе (с двойными рамами) — 4 шт.; дверей наружных створчатых, обитых железом — 1 шт., внутренних створчатых — 1 шт.; иконостас длиной 4 саж., высотой 2 саж. 1 арш. Оценен в 4 000 рублей... Церковь отапливается двумя печами. Колокольня в 1 ярус, общей высотой до верха карниза 6 саж. Ближайшая к церкви чужая малая постройка пономарской вдовы Акилины Скоропостижной находится с западной стороны на расстоянии 13 саж. Церковь построена в 1789 году, строение хорошо сохранилось». Церковь, которую посещал Пушкин, построена в 1789 году, силами прихожан, но на месте более древнего храма, первые упоминания о котором относятся к XVI веку⁷.

Во второй половине 1920-х — в 1930-е годы происходит ужесточение государственной политики в отношении религии и церкви. Часть этой политики — организация «безбожных пятилеток»: с 1927 года — первая пятилетка, в 1932 году запущена вторая. Всё это выразалось в закрытии церквей и монастырей, их разрушении и передаче в пользование различным учреждениям.

В 1934 году архив церковью погоста Воронич «был изъят» помощником директора Заповедника по научной части Н.Л. Пацко с благословения бывшего священника В.Г. Черепнина (1871–1939) и 27 октября 1934 года передан лично Надеждой Леонидовной в Пушкинский Дом: об этом свидетельствует запись в Книге поступлений Института русской литературы (ИРЛИ). Василий Гаврилович Черепнин служил священником Воскресенской церкви с мая 1899 года. Он принимал участие в торжествах, посвященных 100-летию юбилею А.С. Пушкина 26 мая 1899 года в Воскресенской церкви Воронича, он служил литургию и панихиду по покойному поэту⁸.

⁷ Христофорова Е.В. К истории приходских храмов селения Святые Горы и пригорода Воронича // Михайловская пушкиниана. Вып. 33. Пушкинские Горы; М., 2004. С. 60–61.

⁸ Дубровский А. Архив церковью погоста Воронич в Пушкинском Доме // Михайловская пушкиниана. Вып. 78. Сельцо Михайловское, 2020. С. 73–74.

В газете «Вечерняя Москва» от 4 апреля 1936 года опубликована статья «Неизвестный автограф А.С. Пушкина», где сообщается: «Помощник директора по научной части Пушкинского Заповедника Н.Л. Пацко обнаружила в селе Вороницы вблизи Пушкинских Гор церковный архив. В нем оказались автографы помещиков Осиповых, Вульфов, Ганнибалов, жены поэта Н.Н. Пушкиной и один автограф поэта. Пушкин из листа бумаги свидетельствует подпись руки П.А. Осиповой. Документ датирован 12 октября 1835 года. Автографы доставлены в Ленинград»⁹. А свидетельствовал А.С. Пушкин сохранившееся разрешение П.А. Осиповой на вступление в брак ее крепостной. Среди подписавшихся — отставной гвардии подпоручик барон Борис Александрович Вревский (подлинник документа хранится в Пушкинском Доме).

На 1937 год о храме Воскресения Христова в книге В.Ф. Широкого «Пушкин в Михайловском» отмечено: «Недалеко от городища тонет в зелени колокольня старой Воскресенской церкви. Это единственное здание в Тригорском, сохранившееся до наших дней от пушкинских времен»¹⁰.

Пушкинские места в этот же год посетил К.Г. Паустовский. В своем рассказе «Михайловские рощи» он упоминает Воскресенскую церковь погоста Вороницы: «В погосте Вороницы, где я жил, стояла деревянная ветхая церковь. Все ее звали церквушкой. Иначе и нельзя было назвать эту нахохленную, заросшую по крышу желтыми лишаями церковь, едва заметную сквозь гущу бузины»¹¹.

Во время Великой Отечественной войны в церкви побывал священник Псковской православной миссии Владимир Толстоухов¹². Православная миссия прибыла в Псков 18 августа 1941 года. В «Кратком отчете о миссионерской деятельности священника о. Владимира Толстоухова» за 1941 год говорится: «02.10 посетил село Михайловское, откуда перебрался в село Вороницы, где нашел церковь в относительно пригодном для служения состоянии»¹³.

⁹ Неизвестный автограф А.С. Пушкина // Вечерняя Москва. 04.04.1936.

¹⁰ Широкий В.Ф. Пушкин в Михайловском. Л., 1937. С. 160.

¹¹ Паустовский К.Г. Повести, рассказы, сказки. М., 1966. С. 261.

¹² Никифоров В.Г. К истории Воскресенской церкви пригорода Вороницы // Псковские архивы. 2018. № 3. С. 15.

¹³ Краткий отчет о миссионерской деятельности священника о. Владимира Толстоухова в освобожденных областях России // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 7469. Оп. 2. Д. 353.

Церковь Воскресения Христова уничтожена в 1944 году отступающими немецкими войсками. В 1983 году Пушкинским Заповедником с участием студентов-доброхотов из города Ивано-Франковска выстроен вновь каменный фундамент храма, к настоящему времени законсервированный, и валунная ограда по проекту архитектора М.И. Семенова. В 1998 году после археологических исследований под руководством С.В. Белецкого, к 200-летию юбилею со дня рождения А.С. Пушкина, студентами этого же университета построена часовня внутри фундамента церкви.

В начале июня 2022 года к 100-летию юбилею послереволюционного возрождения Пушкинского Заповедника в Михайловском была открыта выставка из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина (ВМП) — «Пушкинский Заповедник в живописи и графике XIX — первой половины XX века», где были представлены работы художников с видами «Пушкинского уголка».

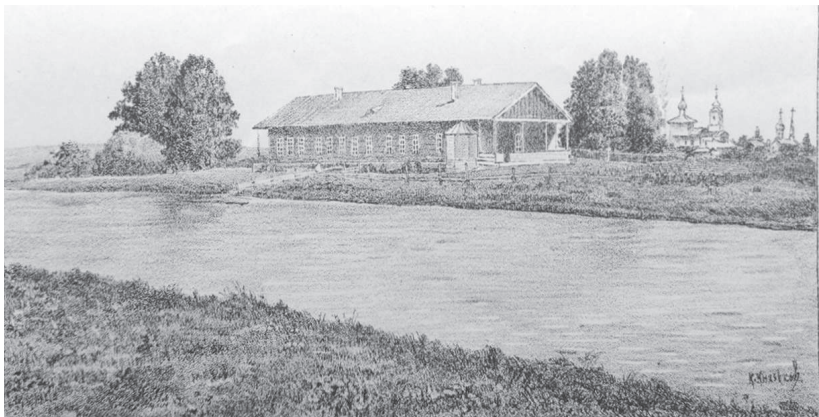
В фонде оригинальной графики ВМП хранятся работы художников, посетивших пушкинские места в 1930-х годах. Среди художественных работ особый интерес представляют рисунки Н.В. Кузнецовой (?) и М.Н. Орловой-Мочаловой (1898/99–1958) с одинаковыми названиями «Вороничи. Церковь» и работа Н.И. Альтмана (1889–1970) «Вид церкви в Вороничах», где изображена церковь Воскресения Христова погоста Вороничи. Благодаря рисункам этих художников у нас есть возможность более детально рассмотреть изображение церкви с трех сторон, а именно — западной, южной и восточной.

До настоящего времени нам доводилось видеть изображение церкви очень образно и фрагментарно. На территории храма в 1970-х — начале 2000-х годов находилось панно-реконструкция в качестве иллюстрации к воссозданному фундаменту утраченной постройки.

В архиве Заповедника хранится очерк Г.Я. Есиповича «На родине поэта А.С. Пушкина», где опубликована литография К. Князькова «Село Тригорское Псковской губернии», выполненная в типографии В.И. Якубовича в Симферополе. На переднем плане изображение тригорского дома, в отдалении видны Георгиевская и Воскресенская церкви¹⁴.

В фондах Пушкинского Заповедника хранится карандашный (графический) рисунок Н.В. Кузнецовой «Деревня Воронич», датированный 1936 годом, где видно среди густых зарослей деревьев изображение главы Воскресенской церкви.

¹⁴ Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). ПЗ-КП-6131/350-ДА.

Село Тригорское, Псковской губернии.

Дозвол. ценз. Одесса 30го Янв. 1902 г. литографин В. И. Якубовича въ Симферополь.

*К. Князьков. Село Тригорское, Псковской губернии. Литография. 1902 год.
Из архива Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-6131350-ДА*

*Н.В. Кузнецова. Деревня Воронич. 1936 год.
Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-722*

В 1930 году пушкинские места вновь посетил художник-архитектор Н.Е. Лансере (1879–1942). Он выполнил зарисовки Святогорского монастыря, Тригорского и местных деревень. На акварельном рисунке Лансере «Вид с Воронича на деревню Воронич и Воскресенскую церковь» с правой стороны рисунка размыто видна церковь Воскресения Христова¹⁵.

В ноябре 1933 года постановлением Ленинградского облисполкома Заповедник был передан в ведение Академии наук. Это событие коренным образом изменило положение пушкинских мест. В этот период страна готовилась отметить столетие со дня смерти А.С. Пушкина.

Накануне 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина, в 1935 году, Заповедник посетило множество художников, запечатлевших пушкинские места: Л.С. Хижинский, Т.М. Правосудович, А.Б. Шибанов, А.В. Каплун, П.Г. Пастухов и многие другие.

В конце августа 1935 года впервые в районе была открыта выставка работ ленинградских и московских художников на пушкинские темы, написанных ими в Заповеднике в течение лета. Среди них работы художников Н.Э. Радлова, Н.К. Шведе-Радловой, Л.С. Хижинского и других¹⁶.

К юбилейному 1937 году появилось большое количество портретов Пушкина, иллюстраций к его произведениям, картин из жизни поэта и, наконец, работ с живописными видами пушкинских мест, выполненных в разных техниках изобразительного искусства.

Среди художников, запечатлевших природу и объекты заповедных мест, были Н.В. Кузнецова, Н.И. Альтман, М.Н. Орлова-Мочалова.

Известно, что в 1936 году Пушкинское общество приобрело дом в деревне Вороничи и устроило в нем экскурсионно-туристическую базу. 1930-е годы — это годы коллективизации, т. е. процесса объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства. В деревне Вороничи организован колхоз имени А.С. Пушкина.

Экскурсионная база взяла культурное шефство над колхозом. Был выпущен номер стенной газеты, посвященный окончанию уборки и 112-й годовщине со дня ссылки Пушкина в Михайловское. Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде: «Заметки и статьи

¹⁵ *Иванова Т.Б.* Псковская земля и пушкинские места Псковщины глазами Н.Е. Лансере // Михайловская пушкиниана. Вып. 60. Сельцо Михайловское, 2013. С. 156–160, 165–166.

¹⁶ *Калаушин М.М.* Пушкинские места // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. М.; Л., 1936. С. 392.

десяти колхозников оформили художницы М.Н. Орлова-Мочалова и Т.М. Правосудович — члены Общества, находившегося тогда на экскурсионной базе»¹⁷.

Мария Николаевна обратилась к пушкинской теме еще в 1930 году. Совместно с В.М. Конашевичем, С.М. Мочаловым, Н.К. Фан-дер-Флит она иллюстрировала «Сказки Пушкина», изданные в 1934 году¹⁸.

В 1948–1950 годах ею были иллюстрированы пушкинские «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о царе Салтане»¹⁹. В технике ксилографии Орлова-Мочалова исполнила иллюстрации к книге В.Ф. Широкого «Пушкин в Михайловском», книга вышла в свет в 1937 году. Один из экземпляров книги хранится в библиотеке Заповедника.

В газетных статьях, которые пестрят фамилиями художников, приехавших в Заповедник в 1930-е годы, упоминаний о ее пребывании в «Пушкинском уголке» не найдено.

В чем же дело? Читая Временники Пушкинской комиссии, в разделе «Рецензии и обзоры» в статье М.Д. Беляева «Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве» мы находим оценку работ Орловой-Мочаловой искусствоведом, где говорится: «Не более, если не менее, интересны и иллюстрации М.Н. Орловой-Мочаловой в книге В. Широкого «Пушкин в Михайловском», которые еще к тому же страдают той трафаретной формалистичностью, которую так охотно усваивают себе наши художники, работающие в области деревянной гравюры. Как известно, И. Новиков написал роман на ту же тему «Пушкин в Михайловском», причем ему более посчастливилось в смысле иллюстраций, которые для него делал П. Павлинов пером и тушью»²⁰.

Там же читаем: «Много работали в этих местах художники А. Каплун, Т. Правосудович, М. Орлова-Мочалова, автолитографии которых охватывают едва ли не все пушкинские места бывшей Псковской

¹⁷ Назарова Л.Н. Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х годов // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С. 219–220.

¹⁸ Плотникова Д.С. Михайловская изобразительная пушкиниана в собрании Пушкинского Заповедника. Графика 1930-х годов // Михайловская пушкиниана. Вып. 51. Сельцо Михайловское, 2010. С. 35–37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Беляев М.Д. Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 498–523.

*М.Н. Орлова-Мочалова. Вороничи. Церковь. 1949 год.
Из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина*

губернии. Наиболее удачными среди них являются, на наш взгляд, работы А. Каплуна...»²¹

Для нас интересна работа М.Н. Орловой-Мочаловой «Вороници. Церковь», датируемая 1949 годом.

Работа художницы поступила в фонды ВМП в 1953 году из Пушкинского Дома (ИРЛИ). Интересно, что рисунок датирован 1949 годом, но к этому времени церковь была уничтожена. Возможно, Мария Николаевна сделала набросок и завершила работу только в 1949 году, а может быть, датировка связана с юбилейным 1949 годом — 150-летием со дня рождения А.С. Пушкина? Можно предположить, что работа начата в 1936–1937 годах.

Художница запечатлела вид Воскресенской церкви с восточной стороны — со стороны городища Савкино.

На переднем плане тропинка, ведущая к валунной ограде церкви, деревянные ворота с приоткрытой калиткой. За оградой, среди деревьев, частично видны алтарь, купол церкви и колокольня. Из описи за 1904 год значится: «Близ церкви кладбище обсажено деревьями и обнесено каменной оградой — устроено оно в 1886 году на деньги, пожертвованные церковным старостой и прихожанами на сумму 450 руб., (ограда) покрыта тесом и окрашена»²².

В статье Д.С. Плотниковой «Михайловская изобразительная пушкиниана в собрании Пушкинского Заповедника. Графика 1930-х годов» подробно рассказано о нескольких художниках, посетивших «Пушкинский уголок» в 1930-х годах. Согласимся с мнением автора в том, что, возможно, с этими художниками в августе 1936 года пушкинские места посетила Н.В. Кузнецова²³.

В фонде оригинальной графики ВМП хранится 11 работ Нины Васильевны Кузнецовой с изображениями видов Пушкинского музея-заповедника: Вороницей, Тригорского, Михайловского. Они датируются 1936 годом. В книге поступлений указано, что две из них были при-

²¹ *Беляев М.Д.* Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. ; Л., 1941. С. 498–523.

²² *Иванова Т.Б.* Документы, возвращенные в 1945 году из Германии, в составе коллекции «Древний архив» основного фонда Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 51. Сельцо Михайловское, 2010. С. 19–20.

²³ *Плотникова Д.С.* Михайловская изобразительная пушкиниана в собрании Пушкинского Заповедника. С. 35–37.

обретены у автора в 1941 году по цене 30 рублей за каждую; остальные работы в 1953 году по цене 25 рублей.

Работа Н.В. Кузнецовой «Вороничи. Церковь» была передана из ИРЛИ на временный учет, поставлена на основной учет в 1991 году.

К сожалению, биографических данных художницы не удалось отыскать — в Союзе художников СССР она не значится, в газетных статьях за этот период упоминаний о ней нет, в выставках участия не принимала.

Но известно, что в 1958 году она была жива. В этот год рисунок, хранящийся в фондах Заповедника, был передан Ниной Васильевной директору Заповедника С.С. Гейченко, о чем свидетельствует надпись на оборотной стороне рисунка: «Н.В. Кузнецова. Дер. Воронич. Дар Заповеднику. 10 мая 1958 года».

На рисунке Н.В. Кузнецовой «Вороничи. Церковь», представленном на выставке в Михайловском, можно детально рассмотреть храм Воскресения Христова. Здесь хорошо видна крытая паперть, колокольня «4-х угольной формы, 3-х этажная деревянная, построена вместе с церковью в 1789 году»²⁴. Во многих работах упоминается, что на колокольне было четыре колокола, но сейчас из исследований старшего научного сотрудника архива Пушкинского Заповедника Т.Б. Ивановой известно, что «в начале 1904 года получен и утвержден на месте пятый колокол весом 50 пуд. 13 фунт., приобретенный на Валдайском заводе бр. Усачевых на деньги, пожертвованные генерал-майором Павлом Никоноровым Шелгуновым в количестве 200 руб. и другими прихожанами и радетелями храма Божия — всего 955 р. 22 коп.»²⁵.

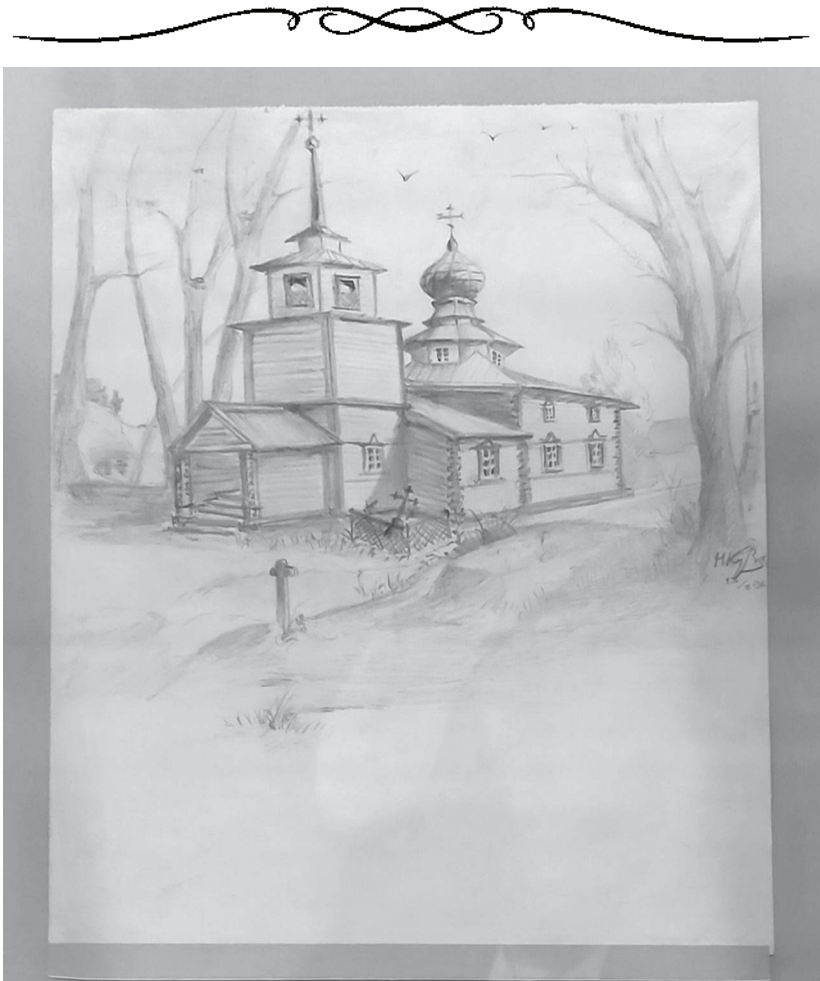
Четверик в храме был с пятигранным алтарем и притвором. Виден многогранный световой барабан, а на нем луковичная глава. На колокольне и главе «кресты железные, восьмиконечные с завитками»²⁶. С правой стороны на рисунке подпись автора и датировка работы: «13/8/36». Вид запечатлен с юго-западной стороны.

Графическая работа Н.В. Кузнецовой подтверждает, что церковь со временем видоизменялась. Например, как выше говорилось: «...фонарь

²⁴ Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Т. 1. С. 187–189.

²⁵ *Иванова Т.Б.* Документы, возвращенные в 1945 году из Германии, в составе коллекции «Древний архив» основного фонда Пушкинского Заповедника. С. 19–20.

²⁶ Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Т. 1. С. 187–189.

*Н.В. Кузнецова. Вороничи. Церковь. 1936 год.
Из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина*

глухой», — а на рисунке он уже световой, т. е. с окнами, пропускающими свет.

В рассказе К.Г. Паустовского упоминается еще один художник, посетивший Заповедник в 1937 году, — Н.И. Альтман:

«Я жил в Вороничах у сторожа Тригорского парка Николая.

Однажды Николай зашел домой попить чаю. Не успел он снять шапку, как со двора ворвалась растрепанная хозяйка.

— Иди в парк, шалый! — закричала она. — Я на речке бельё поло-скала, гляжу — какой-то шпаненок ленинградский прямо в парк прется. Как бы беды не наделал!

— Что он может сделать? — спросил я.

Николай выскочил за порог.

— Мало ли что, — ответил он на ходу. — Не ровен час, еще ветку какую сломаст.

Но всё окончилось благополучно. «Шпаненок» оказался известным художником Натаном Альтманом, и Николай успокоился»²⁷.

Натан Исаевич Альтман — художник, скульптор, портретист, заслуженный художник РСФСР. Учился в художественном училище в Одессе (1902–1907), затем в парижской частной студии. В Париже посещал «Свободную русскую академию Васильевой». Участник Международной выставки современного индустриального и декоративного искусства в 1925 году в Париже. Вместе с Московским государственным еврейским театром в 1928 году выехал на гастроли в Европу, где жил в Париже до 1935 года. После возвращения в СССР работал как театральный художник. Иллюстрировал «Маленькие трагедии» и поэму «Цыганы».

Оценку его работ в Заповеднике мы находим в той же публикации М.Д. Беляева: «Хороши сами по себе, но как-то мало созвучны с Пушкиным рисунки пером Натана Альтмана, сделанные художником в городище Воронич и в Тригорском»²⁸.

На одной из его работ «Вид церкви в Вороничах», датируемой 1937 годом, среди деревьев выступает Воскресенская церковь. Можно рассмотреть паперть и колокольню храма. Эта работа поступила в ВМПИ в 1953 году из Пушкинского дома.

²⁷ Паустовский К.Г. Повести, рассказы, сказки. С. 261.

²⁸ Беляев М.Д. Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве. С. 498–523.

*Н.И. Альтман. Вид церкви в Вороничах. 1937 год.
Из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина*

На работах художников сохраняются лица людей, архитектурные объекты — давно утерянные важные детали того или иного исторического события. В результате историей никто не забыт и ничто не забыто. Не зря бытует выражение: «Всему свое время». Может быть, ранее работы этих художников не имели особой изобразительной ценности, но в настоящее время они являются бесценными историческими свидетельствами, т. к. дают возможность увидеть, как выглядела Воскресенская церковь, связанная с именем великого русского поэта А.С. Пушкина и историей Псковской земли.

НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В МУЗЕЕ «ПУШКИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»

В 1986 году С.С. Гейченко создал музей «Водяная мельница в деревне Бугрово», принципиально отличавшийся от других музеев Пушкинского Заповедника тем, что в нем практически отсутствовал эффект мемориальности. Биографические сведения о присутствии здесь главного героя устанавливались сугубо гипотетически, поэтому музейная экспозиция апеллировала не столько к творцу, сколько к его творениям: драме «Русалка», записям народных песен, сказкам. В 1993 году нами было сформулировано кредо музея как «музея литературного образа, в котором первичным становилась не биография, а творчество»¹. В процессе подготовки к реконструкции и рээкспозиции музея в рамках празднования 200 лет со дня рождения А.С. Пушкина был сформирован блок слов, присутствующих в произведениях поэта и характерных для русского деревенского уклада XIX века: амбар, армяк, багор, балалайка, баня, бочка, бочонок, бревенчатый, ботвинья, ведро, веник, веретено и т. д.² Соответствующие материальные эквиваленты должны были присутствовать в будущей экспозиции для активного наращивания пушкинского текста и создания целостной литературной композиции. В этом подходе соблюдалась традиция создания в Пушкинском Заповеднике литературных «реперных» точек, активирующих текст пушкинских произведений. Например, три сосны, находящиеся между Михайловским и Тригорским, — это не только и даже не столько часть лесного массива. В первую очередь — это специфическая форма внутренней декламации известных строк «Три сосны, стоят...» При этом растущая рядом ракета так и остается просто ракетой.

Воспроизведение в Бугрове характерной для первой половины XIX века полноценной этнографической среды с акцентированным вниманием на предметах, упомянутых в произведениях Пушкина, создало предпосылки для появления в практике экскурсионного расска-

¹ Козмин В.Ю. Методика и принципы построения музея литературного образа в деревне Бугрово (1993) // Михайловская пушкиниана. Вып. 10–11. М., 2000. С. 192.

² Там же. С. 195.

за дополнительных форм филологического комментария. Пословицы и поговорки, а также загадки русского народа являются важным ресурсом в деятельности музея «Пушкинская деревня». В экспозиции, хронологически ориентированной на первую половину XIX века, присутствуют предметы, названия которых вошли в разряд трудноразличимых для современного посетителя архаизмов: ушат, ухват, соха, оброть и т. д. В сугубо этнографических музеях расшифровка утраченных смыслов осуществляется, как правило, посредством историко-технологического комментария. В литературно-этнографическом музее, каковым является «Пушкинская деревня», наряду с академическим текстом концептуально важным представляется наличие образов живой речи, сфокусированных в пушкинских произведениях, а также в языковой культуре современников поэта.

Автор книги «Образы русской речи» В.М. Мокиенко утверждает: «Опираясь на истинную мотивировку идиом, добытых либо путем глубоких этимологических разысканий, либо «открытым способом», можно реконструировать в итоге целую картину «русского мира», отраженную зеркалом фразеологии»³. К сказанному прилагается тематический каталог. Например:

- реалии повседневной жизни прошлого: *здать баню кому, не ко двору, дым коромыслом;*

- трудовые процессы в крестьянской жизни: *через пень-колоду, не мытьем, так катаньем;*

- единицы измерения: *за семь верст киселя хлебать, мерить на свой аршин;*

- народная кухня: *заварить кашу, тертый калач.*

Среди обозначенных автором идеографических рубрик есть те, которые вписываются в «картину мира», представленную в музее «Пушкинская деревня»: *две рубахи мокнут в ушате, да двое порток сохнут на ухвате; один с сошкой (с сохой), а семеро с ложкой; взяли лошадь — возьмите и оброть.*

Семантическая плотность фразеологизмов способствует расширению диапазона понимания функциональных и иных статусов предметов. Например, старое корыто, находящееся в «Курной избе», вызывает мгновенные ассоциации с тем самым разбитым корытом из «Сказки о рыбаке и рыбке», ставшим своеобразным мерилom тщеславия

³ Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999. С. 80–81.

и завышенной самооценки вздорной старухи. Выражение «У разбитого корыта» стало крылатым и может трактоваться как авторская поговорка, иллюстрирующая феномен лингвистической преемственности: от народа к автору. На следующем уровне восприятия, в значительной степени обусловленном знанием текста сказки, выявляется функциональное назначение корыта как деревянной емкости, в которой стирали белье: не только «сказочная старуха», но и вполне реальные крестьянки. На этом познания наших гостей, как правило, заканчиваются. Между тем, в корытах шинковали капусту, мыли и вымачивали перед засолкой огурцы. По-видимому, этот процесс послужил основой загадки *полно корыто народу намыто*, в которой корыто обращается в огурец, а семена в людей. Старое изношенное корыто переносили в скотный двор и использовали в качестве кормушки для домашних животных: *привалил, как свинья к корыту*. Также корыто являлось универсальной крышкой для бочек, ведер, ушатов и горшков: *всё на свете крыто корытом* (или: *корытом покрыто*). Дополнительная историко-бытовая информация содержится в загадках. Так, например, псковская загадка *мужик стоит — шесть поясов на нем* завуалированно свидетельствует не только о бочонке, но и об обручах, фиксирующих стенки сосуда.

Учитывая, что музейная экспозиция музея хронологически ориентирована на первую половину XIX века, наиболее объективными источниками информации могут служить «Толковый словарь живого великорусского языка» и книга «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч.» Владимира Ивановича Даля. В контексте изучения пушкинской фразеологии наследие этого автора представляется особенно ценным, так как Владимир Иванович был не только современником, но и другом поэта. Особенно примечательной представляется встреча Пушкина с Далем в Оренбурге 19–20 сентября 1833 года. Здесь поэт ознакомился с воспоминаниями местных крестьян о Пугачевском бунте, фиксировал в записной книжке предания и народные песни. Но, кажется, этим не исчерпывались пушкинские находки. В повести «Капитанская дочка» речь Пугачева буквально пестрит пословицами и поговорками. В общей сложности в произведении присутствует более 30 фразеологизмов, которые могли быть «подарены» писателю будущим автором «Словаря пословиц и поговорок».

В.И. Даль положил начало «фразеологизации» творческого наследия А.С. Пушкина. В его «Толковом словаре» впервые появляются

пушкинские изречения, получающие статус крылатых выражений. Например, в статье «Шинковать»: «Шинка́рь м. шинка́рка ж. целовальник, сиделец шинка́. *Выьем же чарочку за шинкарочку!* Пушкин»⁴. Грандиозным итогом этих начинаний стал, на наш взгляд, «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина»⁵, содержащий около 3 000 выражений, активно функционирующих в современном языке.

Наряду с пословицами и поговорками Даль помещал в сборники русские загадки: *иная вода стоит крови* (ответ: слеза), а также речевые обороты, характерные для народных обрядов, в том числе свадебного: *ноги с подходом, руки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном* (при потчевании на свадьбе); *мой каравай в печь перепелкой, из печи коростелкой* (т. е. больше; приговаривают на свадебном пиру, когда вынимают каравай) и т. д. Поскольку в Михайловском Пушкиным был записан русский свадебный обряд, все 32 песни, а также авторские комментарии к ним, могут быть включены в музейный комментарий. Интерес представляет сборник «Загадки русского народа» Д.Н. Садовникова (1876). В книге загадки классифицированы по предметам, что отчасти напоминает структуру заполнения музейной топографической описи: «печь», «стол», «кочерга», «полотенце» и т. д. Автор методично под каждым выражением указывает место его бытования. Обширно представлена Псковская губерния.

Также ценный материал, с точки зрения понимания пушкинской фразеологии, содержится в сборниках, имевшихся в библиотеке поэта: «Собрание 4291 древних российских пословиц» (1770), «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем» (1785), «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением Таблицы содержания оных для удобнейшего их приискания» (1822), «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках» И.М. Снегирева (1832 и 1834).

Приведем пример фразеологического наполнения музейного пространства. В экспозиции «Белой избы» (Светлицы) — три больших косячатых окна. Под ними, на лавках — прялки, наглядная иллюстрация

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1978–1980. Т. 4. С. 671.

⁵ См.: Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 2005.

к начальным строкам пушкинской «Сказки о царе Салтане, о сыне его Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»:

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

(III, 506⁶)

Сказка создавалась на основе нескольких вариантов, записанных поэтом в разное время. В первом варианте, очень схематичном, упоминается «ладья»: «Текст кишиневской тетради имеет следующее содержание: «Царь не имеет детей. Слушает трех сестер: когда бы я была царица, то я бы [выстроила дворец] всякий день и пр... Когда бы я была царицей, завела бы... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войне; [царевна рождает сына], гонец etc. Царь умирает бездетен. Оракул, буря, ладья. Избирают его царем — он правит во славе — едет корабль — у Салтана речь о новом государе. Салтан хочет послать послов, царевна посылает своего поверенного гонца, который клеветет. Царь объявляет войну, царица узнает его с башни». Запись очень схематична. Царь, умирающий бездетным, — несомненно, царь страны, в которую прибыла изгнанная царица с сыном, «Царевна рождает сына» — новая жена; второй же раз под «царевной» именуется первая жена царя, а под «царицей» — мать царевича»⁷.

⁶ Здесь и далее ссылки по: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. М., 1994–1997. В скобках: первая цифра — номер тома, вторая — страница.

⁷ *Азадовский М.К.* Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1936. [Вып.] 1. С. 150.

В следующей записи, в изложении Арины Родионовны Яковлевой, плавательным средством изгнанников становятся бочки: «Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе чтобъ заготовить двѣ бочки, одну для 33 царевичей, а другую для Царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали Царица съ Царевичемъ въ засмоленной бочкѣ — наконецъ море выкинуло ихъ на землю — сынъ замѣтилъ это — матушка ты моя благослови меня на то чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ. — Господь благослови тебя дитятко. Обручи лопнули, они вышли на островъ» (XVII, 362). На то, что бочка является одним из значимых в мифологии сакральным символом, обратил внимание К.Г. Мяло: «Тема странствия младенца по волнам, в корзине, сундуке, ящике — одна из самых распространенных тем фольклора, в том числе и русского. Эти странствия являются метафорой «загробных» странствий закатившегося солнца по потустороннему миру. Наиболее явственно солнечные свойства героя проявлены в персонаже «Махабхараты» Карне, рожденном от бога солнца Сурьи, во всем подобном отцу, наделенном блестящим панцирем и золотыми серьгами. Стыдясь своего материнства, дева Кунти положила его в корзину, обмазанную воском, и пустила плыть по реке»⁸. Махабхарату Пушкин, по всей видимости, не читал, поэтому в своем описании странствования царевны с сыном ориентировался на отечественные аналоги, в частности, пословицы и загадки. В некоторых из них в метафорической форме находит отражение процесс созревания теста в квашне: *Без рук, без ног в гору лезет; Выше дерева растет; Без рук, без ног, на липу лезет; Руки в бок, глаза в потолок; Вздулся, как тесто на опаре; Растет не по дням, по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет*. В сказке стремительный рост и созревание ребенка описываются теми же языковыми средствами:

Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:

⁸ Мяло К.Г. Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 244.

«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

(III, 509–510)

Путешествие героев в «записи» длится «долго». В сказке всего лишь «день», в течение которого ребенок так возмужал, что «вышиб дно». Тесто, как правило, замешивали вечером и ставили на печь на ночь для созревания. Утром пекли пироги.

В «записи» сын освобождается от заточения с помощью материнского благословения. В «сказке» рост и мужание ребенка уподоблены... созреванию теста в квашне, в чем сказалось, на наш взгляд, знакомство поэта с русской фразеологией и, вероятно, народной кухней. В пушкинских предварительных записях отсутствует указание на профессиональную принадлежность сестриц. В сказке одна из сестер — повариха, вступающая в коварный сговор. Обнаруживается некая бытовая логика в том, что способом избавления от соперницы становится заключение ее с сыном в бочку, имеющую функциональные особенности кухонной

принадлежности — квашни. Мать и сын вынужденно покидают дворец царя Салтана и обретают новый дом: град «с теремами и садами». Между тем, в русском обряде вселения в новый дом одним из главных атрибутов также оказывалась квашня: «Первой порог дома переступала хозяйка и произносила: «Хозяйка пришла». Потом она целовала стол, затем печь и ставила квашню на шесток. Пока члены семьи входили в избу и собирались у стола, она готовила угощение домовому и клала его за печь. Только после этого хозяин ставил икону в божницу, а хозяйка раздувала огонь и готовила еду. Помолившись, семья съедала приготовленное, но со стола до завтрака ничего не убирала, «чтобы жизнь дальше была сытая»⁹. В связанных с этим обрядом поверьях существовал еще один любопытный штрих: «При переселении в новый дом хозяева принесли туда кадушку с замешанным в старой избе тестом»¹⁰.

В энциклопедии «Русская изба» квашня — это «посуда для заквашивания теста, глиняная или деревянная. Деревянная изготавливалась из липы, осины, дуба. Она могла быть выдолблена из цельного куска дерева или быть бондарной, т. е. составленной из дощечек — клепок, плотно пригнанных друг к другу и перетянутых обручами из дерева или железа. Квашни были круглыми в сечении с расширяющимися к верхнему краю стенками. Высота колебалась от 50 до 100 см, диаметр верха — от 60 до 120 см. Большие размеры квашни были обусловлены обычаем выпекать хлеб на всю семью на неделю вперед»¹¹. По документам известно, что в 1825 году в деревне Бугрово проживали три семьи. В первой — восемь человек, во второй — шесть, в третьей — пять. На основании этих данных может быть сформирована заявка на приобретение необходимого для экспозиции предмета крестьянского быта с литературным «приданым».

Пушкинские «три девицы» сидят под окном на так называемой женской лавке: «В традиционном русском жилище лавки шли вдоль

⁹ *Пермиловская А.Б.* Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера (XIX — начало XX века): дисс.... канд. культурологических наук. СПб., 2004 [Электронный ресурс: <http://kenozerjelive.ru/perm-stroysemantika.htm>].

¹⁰ Предметы быта в старину. Экскурсия по старинным предметам быта [Электронный ресурс: <https://magic-expet.ru/love-and-relationship/predmety-byta-v-starinu-ekskursiya-po-starinnym-predmetam/>].

¹¹ Русская изба. Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Е.Л. Мадлевская и др. СПб., 1999. С. 189.

стен вкруговую, начиная от входа, и служили для сидения, спанья, хранения различных хозяйственных мелочей. Каждая лавка в избе имела свое название, связанное либо с ориентирами внутреннего пространства, либо со сложившимися в традиционной культуре представлениями о приуроченности деятельности мужчины или женщины к определенному месту в доме (мужская, женская лавки)... Девушки сидели на «долгой», или «бабьей» лавке, которая тянулась от коника к красному углу, вдоль боковой стены дома... Эта лавка, подобно печному углу, традиционно считалась женским местом, где в соответствующее время занимались теми или иными женскими работами, такими как прядение, вязание, вышивание, шитье»¹². Для современного посетителя музея деревянные лавки вдоль стен ассоциируются чаще всего с пословицей «Семеро по лавкам», точнее, с ее укороченным вариантом — в полном виде пословица выглядит более информативно: «У самой семеро по лавкам и все седуны. Мал мала меньше». В другой пословице лавки выступают мерилom лжи и пустословия: «Так врет, что под ним ни одна лавка не устоит». О веселых посиделках говорили: «И печка и лавка пляшет. Ходи, изба, ходи, горница!» О пьянстве и разгуле — «Пошел черт по лавкам». О трудолюбии — «Пряди, девица, не ленись, по лавкам не тянись!»

Ряд пословиц имеет свадебную тематику. В имевшемся в библиотеке А.С. Пушкина «Собрании 4291 древних российских пословиц» помещена пословица «Из кута по лавке, шелудяк наголо»¹³. В данном случае «шелудяк» — один из свадебных гостей, отличившийся глупостью и бесцеремонным поведением. К тому же ряду можно отнести пословицы, имеющие несколько затемненную этимологию: «Не ходи по лавкам, не заглядывай в окно! Из кута по лавке, а все женихи»¹⁴, «Став на лавку, да в пол головой». Эти пословицы возникли на основе обрядов, связанных с взрослением и замужеством крестьянской девушки.

Современный этнолог А.К. Байбурин обратил внимание на ряд отмеченных в литературе примеров специфической ритуализации лавок в крестьянских избах: «Особую роль лавки занимали в обрядах, связанных с взрослением крестьянских девушек. В обрядовой ситуации

¹² Русская изба. Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь. С. 33–34.

¹³ Барсов А.А. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1777. С. 89.

¹⁴ Там же.

лавки иногда принимали совершенно не свойственное им в обыденной обстановке значение пути. В обряде «девичьей зрелости» «...по исполнении 12 лет, до каковой поры она (девочка) считалась ребенком и ходила в одной нижней рубахе, родители ставили ее в избе на лавку и заставляли пройти по лавке взад и вперед известное число раз; после этого, перекрестившись, девушка должна была спрыгнуть с лавки в подставленный родителями новый сарафан, сшитый для этого случая. С этого момента начинался девический возраст, и девушке разрешалось ходить на хороводы и считаться невестой» (ср. хождение и прыганье с лавки самой невесты в знак согласия; ср. также путь свахи по лавке от дверей до печи и вождение по лавке жениха дружкой в доме невесты). Хождение по лавке можно рассматривать с двух точек зрения: как ритуальное нарушение обыденного порядка и как специальное подчеркивание идеи движения, желание подчеркнуть, что передвижение по дому тоже семиотично»¹⁵. Автор фиксирует наличие двух похожих обрядов, связанных с взрослением крестьянских девушек и обретением ими нового статуса.

Зачастую период между «посвящением» в девичество и согласием выйти замуж оказывался непродолжительным. Браки в крестьянских семьях заключались рано. Свидетельством тому может служить рассказ-исповедь «Филипьевны седой», няни героини пушкинского романа «Евгений Онегин» Татьяны Лариной:

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слышали про любовь,
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

(VI, 59)

Внешне совершаемые девочкой и будущей невестой хождение по лавке и прыжки были идентичны. Однако во втором случае обряд сопровождался устойчивой обрядовой репликой в устах избранницы: «Хочу

¹⁵ *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 159.

— не хочу». Крестьянской девушке позволялось сделать выбор: идти замуж или отвергнуть не любимого ею человека. Подобный либерализм в брачных отношениях носил, разумеется, весьма условный характер, о чем свидетельствует приведенный выше отрывок: «...В эти лета мы не слыхали про любовь...» Однако сам фразеологизм носил устойчивый характер и просуществовал в русском языке вплоть до XX века. С ним связана наша гипотеза о псковских корнях выражения, присутствующего в черновых вариантах повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка».

В черновых вариантах повести встречаются диалектизмы, характерные для Псковской губернии: «И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает. — А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! — И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение» (VIII, 113). В вариантах: «цаво! не хочу» (*прписано*)» (VIII, 631). По-видимому, эти два выразительных словечка были чем-то важны автору. Вероятно, они были связаны с каким-то запомнившимся ярким событием периода михайловской ссылки, так как в фразе присутствует восклицательный знак. В тех же черновых вариантах повести присутствуют детали быта, близкие тому, что зафиксировал И.И. Пущин в своих воспоминаниях о приезде к поэту в январе 1825 года: «Вошли в няинину комнату, где собрались уже швеи»¹⁶. В «Барышне-крестьянке» Лиза «... засадила за шитье всю девичью, и к вечеру всё было готово» (VIII, 113). Далее по тексту автор приводит еще один вариант псковского говора: «...а сцо ты думаешь, а чаво ты думаешь (VIII, 675). В черновиках сцены встречи Лизы с Берестовым встречается характерное для псковского диалекта произнесение звука «ф» как «х» и употребление слова «баишь» в значении «говоришь»: «Собаку кличешь по хранцузски, баишь (VIII, 675).

В статье «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских» известный русский этнограф Д.К. Зеленин по сохранившимся печатным источникам восстановил детали обряда, связанного с совершеннолетием и замужеством женщины: «Путешествовавший в 1823 году по южной России А. Глаголев сообщает в своих «Записках», между прочим, следующее о жителях принадлежавших графу Бобрин-

¹⁶ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1 / вступ. ст. В. Вацура; сост. и коммент. В. Вацура, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. М., 1985. С. 102.

скому сел Богородицкого уезда Тульской губернии: «Вообще обычаи здешних крестьян отличаются своею странностию. Девки ходят здесь до 15 и до 16 лет в одних только рубашках, опоясанных красным шерстяным поясом; а по прошествии этого срока на девку надевают поневу (так, как у римлян надевали на семнадцатилетнего юношу пурпуровую тогу). Обряд же надевания поневы совершается в день именин девки, в присутствии всей родни ее. В это время именинница становится обыкновенно на лавку и начинает ходить из одного угла в другой. Мать ее, держа в руках открытую поневу, следует за нею подле лавки и приговаривает: «Вскоци, дитетко; вскоци, милое»; а дочь каждый раз на такое приветствие сурово отвечает: «Хоцу — вскоцу, хоцу — не вскоцу». Но как вскочить в поневу значит объявить себя невестою и дать право женихам за себя свататься, то никакая девка не заставляет долго за собою ухаживать да и никакая не дает промаху в прыжке, влекущего за собою отсрочку в сватовстве до следующего году»¹⁷. Далее автор приводит сведения, которые классифицируют данное действие исключительно как часть свадебного ритуала. Среди прочего, Зеленин пишет также о псковском варианте обряда, отмеченном И.П. Сахаровым и В.И. Далем: «Все прочие наши источники основываются уже на глухих и туманных слухах. И.П. Сахаров (родом, как известно, туляк) в своей статье «Русские народные присловья» пишет о псковичах: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу — Будто в старину, когда просватывали невесту, мать делала из пояса круг посередь полу, а невеста становилась на лавку. Отец с матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвечать: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу». Если она соглашалась, то становилась в круг; а если нет, то начинала плакать»... В.И. Даль повторяет это же присловье о псковичах, несколько изменив пояснение: «В старину невеста говорила: «Хочу — вскочу», и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку»¹⁸.

Кроме того, Даль воспринимает «присловье» как пословицу и помещает ее в свой сборник пословиц и поговорок в подраздел «Псковская губерния»: «Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу (в старину невеста говорила: хочю — вскочу и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку»¹⁹; а также в раздел

¹⁷ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 184–185.

¹⁸ Там же. С. 186–187.

¹⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 292.

«Сватовство»: «Хочу вскочу, не хочу не вскочу (от обычая Тамб. губер. приглашать невесту вскочить в юбку, поневу, которую носят одни замужние)»²⁰.

Вышедшая из свадебного обрядового действия поговорка была на слуху у пишущей и читающей публики. Ф.М. Достоевский вводит ее в роман «Братья Карамазовы»: «Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: «Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу». За ней ходят с сарафаном али с паневоу, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: «Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу»... Это в какой-то нашей народности...»²¹

Данные, приведенные Д.К. Зелениным, позволяют утверждать, что описываемый обряд существовал в южной России, а также в Псковской губернии на протяжении XIX века, являлся частью свадебного обряда и мог попасть в поле зрения поэта в пору сбора им песен свадебного обряда в окрестностях Михайловского. В сюжете повести «Барышня-крестьянка» случайно проявились общие с народным обрядом мотивы: переодевание, мнимое сватовство, грядущая свадьба. Поскольку обряд не был зафиксирован в письменном виде, воспоминания носили фрагментарный характер, что и нашло отражение в «приписанных» автором вариантах реплик героини.

Процесс перевоплощения в представителя иного сословия и иной культуры не ограничивается одним костюмом. Случайное происшествие смирило шекспировские страсти в отношениях между двумя семьями и побудило Иван Петровича Берестова к решению женить сына на дочери соседского помещика:

«— Хорошо,— отвечал Иван Петрович, — вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить... тотчас... в статскую службу; а покамест намерен я тебя женить.

— На ком это, батюшка? — спросил изумленный Алексей.

— На Лизавете Григорьевне Муромской, — отвечал Иван Петрович, — невеста хоть куда; не правда ли?

— Батюшка, я о женитьбе еще не думаю.

— Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал.

— Воля ваша. Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

²⁰ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. С. 243.

²¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 116.

— После понравится. Стерпится, слюбится.
— Я не чувствую себя способным сделать ее счастье.
— Не твое горе — ее счастье. Что? так-то ты считаешь волю родительскую? Добро!

— Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

— Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться» (VIII, 114).

Диалог сына и отца перемежается народными поговорками: «Стерпится, слюбится»; «Не твое горе — ее счастье». Но «дух народный» проявляется также через перекодировку оппозиции «мужское — женское» на уровне заимствования традиционной формулы свадебного обряда: «Хочу — не хочу». В комедии перевоплощений, каковой по сути является повесть «Барышня-крестьянка», «жених» примеривает на себя роль «невесты». В таком варианте реплики Алексея («На ком это»? и «Я не хочу жениться») оказываются синонимичны записанным в черновиках девичьим фразам «Цаво? Не хочу!», которые, в свою очередь, являются фрагментами хорошо известного на Псковщине обряда.

Любопытно, что в говоре крестьян Вороничского уезда присутствовало двусмысленное выражение, также нарушающее наше привычное представление о соотношении полов: «В сказке герой ее, Голыш, говорит: «Настенька, возьми меня замуж!» (т. е. за своего мужа, в качестве мужа). Наше обычное словоупотребление («он взял ее замуж») не соответствует в данном случае прямому смыслу слов. Лучше здешнее: «он взял ее в замуж», потому что оно ближе к естественному выражению: «брать, взять в замужество», т. е. в состояние замужества, замужнее»²². Подобные диалектные особенности могли спровоцировать появление неожиданных «подсказок» для автора комедии переодеваний.

В псковском областном словаре зафиксированы любопытные выражения, имеющие, на наш взгляд, прямое отношение к утраченному ныне полному комплексу свадебных ритуалов. В словарной статье со словом «высочить» присутствуют такие образцы свадебной

²² Чернышев В.И. Говор Пушкинского района // В.И. Чернышев. Избранные труды. В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 392.

семантики: Выскочить — «*выйти замуж*»: «Я за сваёва ф сямнацать выскачыла. *Дн.*> Выскочить замуж. Гуляли п и дылышы, не выскъчыли замуш. *Дн.* В горьди-та замуш выскъчыла. *Н-Рж.*»²³ В том же словаре приводится еще одно местное слово «выскочки» в значении: «Небольшие выездные сани. Патом катаютца [жених и невеста] на дяревне, саначьки-выскачьки, маленькие таки. *Гд*». То есть, свадебные сани «выскочки» — это сани, предназначенные для «выскочивших» замуж. Эти записи были сделаны во время диалектологических экспедиций, осуществленных на территории Псковской области в 1960–1970-х годах. Однако выражение «выскочить замуж», означающее поспешный необдуманый брак, присутствует и в современном русском языке. Внешне оно напоминает несколько модернизированный вариант выражения «Хоцу — вскоцу».

Очевидные, а порой неожиданные авторские интерпретации фразеологизмов в творчестве Пушкина дают большой простор для гипотез и создают обширное поле для литературно-этнографического комментария. Перефразируем известную поговорку «плясать от печки»: методика внедрения фразеологизмов в музейную практику сводится к встречному движению — «от печки» к пословице, от пословицы к поэту и обратно... к печке.

²³ Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1984. Вып. 6. С. 61.

СОЗДАНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ

В каждой библиотеке или архиве существует обширный справочный аппарат — каталоги, картотеки, библиографические пособия, справочные издания. В настоящее время добавилась возможность работать с интернет-ресурсами, появилась возможность дистанционного посещения библиотек и архивов, возможность знакомства с определенным оцифрованным документом. Справочный аппарат нашей библиотеки не велик — алфавитный и систематический каталоги, несколько тематических картотек, справочные издания, библиографические указатели на архив периодических изданий.

Необходимость в создании библиографического указателя, о котором идет речь и работа над которым продолжается уже больше двух лет, появилась, когда в определенный период все сотрудники музея, работая над какими-либо темами, стали постоянно обращаться к материалам архива библиотеки, а именно — к альбомам газетных и журнальных статей об А.С. Пушкине и Пушкинском Заповеднике. За годы существования музейной библиотеки таких альбомов накопилось достаточно. Самый ранний — публикации 1936–1937 годов, которые пользуются большим спросом, так же, как и материалы 1949 года. Частым было и обращение к материалам 1950–1970-х годов. В какой-то момент сотрудники библиотеки поняли, что если такая активность использования этих документов будет продолжаться, некоторые из них мы попросту утратим. Пришли к решению о необходимости срочной оцифровки этих альбомов. Сделать это непросто, так как многое находится в довольно плачевном состоянии — фрагменты утрачены настолько, что не подлежат восстановлению, а значит, и оцифровке. На сегодняшний день полностью оцифрованы альбомы за 1936, 1948–1953 годы. Но проблема в том, что оцифрованный материал этих альбомов мы можем хранить лишь на библиотечном сервере, на который непросто попасть, даже находясь в читальном зале нашей библиотеки. Т. е. обращение к альбомам как источникам информации, правда, в щадящем режиме, продолжается. Нужно было облегчить и упростить поиск в этих альбомах. Поскольку большинство исследователей знает, какого рода материал нужен и кто

является автором, стало понятно, что нужен документ, представляющий материал в алфавитном порядке фамилий авторов, с дальнейшей отсылкой уже к конкретному документу. Так решено было создать библиографический указатель «Публикации сотрудников Пушкинского Заповедника. 1936–2020 годы». В отличие от алфавитного каталога музейной библиотеки, в указателе будут представлены работы только сотрудников Пушкинского Заповедника.

На протяжении многих десятилетий существования музея его сотрудники вели огромную работу — научно-исследовательскую, прикладную, просветительскую, образовательную и т. д., популяризируя и творчество Александра Сергеевича Пушкина, и разностороннюю деятельность самого музея. Сначала в работе по созданию указателя была идея использовать и представить материал периодических изданий, т. е. имеющегося архива библиотеки, но скоро стало понятно, что этим обойтись невозможно и нужно вводить в указатель и иные издания. Как, например, представить деятельность С.С. Гейченко, предложив лишь список его периодических публикаций — уже опубликованный «Сборник статей», дополненный материалами, найденными позднее, после публикации сборника? Обязательно должны быть представлены книги, автором которых он является. Таким образом было решено вносить сведения о книгах, публикациях в сборниках и журналах, в том числе и отсутствующих в фонде музейной библиотеки.

В процессе работы над указателем появляются новые направления, требующие включения дополнительного материала, так как хочется охватить все стороны деятельности конкретного сотрудника и музея в целом. Например, включение аннотаций к выставкам, которые хранятся в музейном архиве, или интернет-ресурсов, на которых размещены материалы научных исследований и результаты творческой, просветительской деятельности сотрудников музея или материалы подготовки постоянных экспозиций в музеях и постоянно действующих выставок... Это огромная работа, проводимая и сегодня многими нашими коллегами. Наверное, несправедливо, если она не будет зафиксирована в подобном указателе.

Начиная работу, мы не представляли, что она будет расти и множиться, как снежный ком. Рассчитывали, что она будет завершена и готова к публикации уже в 2021 году. Но дополнение указателя разными источниками, иногда отсутствующими в библиотеке, удлинит этот процесс, причем на неопределенное время. Понятно, что нужно остано-

виться на каком-то временном промежутке. Решили, что это (на сегодняшний день) будет 2022 год — год юбилейный для музея и готовящий к следующей юбилейной дате — 2024 году. Работать даже с этим периодом непросто. Во-первых, работа с указателями сама по себе довольно кропотливое и длительное занятие — поиск, систематизация, сверка материалов и источников... Во-вторых, к сожалению, ведется она не регулярно на протяжении всего года, а только по окончании экскурсионного сезона и является не единственным рабочим процессом. Всё это не ускоряет появление самого указателя. На сегодняшний день это только рабочие материалы на 180 листах со списком из 139 фамилий.

Хотелось бы включить в указатель имена всех сотрудников музея, включая те времена, когда Заповедник входил в состав Академии наук СССР. Мне кажется, что каждый из тех, кто в разные годы являлся сотрудником Пушкинского Заповедника, внес свой вклад в его работу, и рассказать об этом необходимо. Некоторые имена мало знакомы. Поэтому хочется не просто назвать имя, но немного сказать о сотруднике — в какой период работал в музее, чем занимался и т. д. Для этого необходима работа с документами архива отдела кадров музея. Надеемся, что совместными усилиями, в том числе благодаря помощи старейших сотрудников нашего музея, удастся осуществить задуманное.

В составлении указателя помогает деятельность библиотекарей прежних лет. Начиная с 1949 года составлялась не только библиография литературы о Пушкинском Заповеднике за определенный период времени, как это делала, например, Т.Ю. Мальцева и продолжали все последующие библиотекари, но и именные указатели (о С.С. Гейченко, В.Я. Шпинева), составленные Л.Л. Суворовой, Л.В. Батыршиной. Или, например, включая в указатель работы Татьяны Юрьевны Мальцевой, мы обратились к библиографическому списку ее работ, подготовленному В.А. Елисевой и опубликованному в сборнике «Михайловская пушкиниана». Некоторые сотрудники музея по нашей просьбе любезно предоставили списки всех своих публикаций, в том числе и отсутствующих в нашей библиотеке, что важно для данного указателя.

Все материалы того или иного автора расположены в двух выделенных разделах — публикации в газетах, в хронологическом порядке (по дате выхода); публикации в журналах, сборниках, отдельные книжные материалы — в алфавитном порядке по названиям статей или книг. Сюда же добавлены и публикации на интернет-сайтах. Возможно, их нужно будет разместить отдельно. Отдельно, наверно, будут

помещены материалы с опубликованными аннотациями к каталогам или просветительным мероприятиям, хранящимися в архиве музея.

Просим всех коллег предоставить сведения о публикации своих статей по 2022 год включительно. Кроме этого, будем рады услышать предложения или дополнения по формированию самого указателя или порядку размещения материала.

Впереди еще большая работа. После наполнения указателя с привлечением всех известных и доступных нам источников материал нужно будет отредактировать, проверить присутствие или отсутствие упомянутых работ в нашем фонде, сделать соответствующую отметку. Возможно, в процессе работы появятся новые цели и задачи. Будем стараться решить их своевременно.

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»

Антонов Геннадий Николаевич — доктор технических наук, доцент, научный руководитель АО «Санкт-Петербургское морское бюро машиностроения «Малахит» (Гатчина).

Беляева Людмила Николаевна — заведующая отделом «Музейная научная библиотека» Пушкинского Заповедника.

Васильева Елена Викторовна — старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Москва).

Васильева Ольга Анатольевна — искусствовед (Псков).

Ганнибал Борис Константинович — кандидат биологических наук, доцент, ведущий специалист Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН, член правления Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербург).

Ефимова Ирина Евгеньевна — научный сотрудник отдела массовых мероприятий Пушкинского Заповедника.

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня».

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, почетный работник образования РФ, хранитель музея-усадьбы «Петровское».

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника.

Кондратеня Александр Владимирович — главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея (Опочка, Псковская область).

Крапошин Петр Валентинович — старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Большие Вяземы» (Московская область).

Мокиенко Валерий Михайлович — доктор филологических наук, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Никитин Олег Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Москва).

Петрова Анастасия Сергеевна — лингвист, в 2003–2009 годах преподаватель Псковского государственного педагогического университета имени С.М. Кирова (ныне Псковский государственный университет), учитель иностранных языков средней общеобразовательной школы № 2 имени Н.И. Ковалева (Невель, Псковская область).

Пикула Дмитрий Александрович — сотрудник редакционной коллегии Святогорского монастыря (Пушкинские Горы, Псковская область).

Пинчук Сергей Павлович — научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское».

Поварова Елена Александровна — независимый исследователь (Москва).

Рабинович Яков Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета (Энгельс, Саратовская область).

Сидоренко Константин Павлович — профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Соколов Юрий Алексеевич — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника.

Тимофеева Любовь Анатольевна — главный библиотекарь отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Тиханова Вера Александровна — научный сотрудник отдела просветительной и музейно-образовательной деятельности Пушкинского Заповедника.

Узенева Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, хранитель музея-усадьбы «Михайловское».

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО] 3

I. Материалы Михайловских Пушкинских чтений «История народа принадлежит поэту» (19–22 августа 2022 года)

Яков Рабинович

ЦЕРКОВНОЕ И МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
В ВОРОНОЧСКОМ УЕЗДЕ ПО ОПИСАНИЮ 1585 ГОДА 5

Дмитрий Пикула

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРЕБЫВАНИЮ ИВАНА ГРОЗНОГО
НА ВОРОНИЧЕ В 1546 ГОДУ 22

Дмитрий Пикула

ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ
В СВЯЗИ С РАБОТОЙ С.В. БЕЛЕЦКОГО
«ЛИТОВСКИЙ РУССКИЙ ГОРОДОК.
ПСКОВСКИЙ ПРИГОРОД ВОРОНОЧ
В ГОДЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ» 26

Борис Ганнибал

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА ОТ ФОРТИФИКАЦИИ
А.П. ГАННИБАЛА В 50-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА
ПО УКРЕПЛЕНИЮ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ 35

Александр Кондратеня

ФОТОГРАФИИ КОРОТОВЫХ —
ПОТОМКОВ ГАННИБАЛОВ В ФОНДАХ
ОПОЧЕЦКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 55

Ольга Васильева

ИСТОРИЗМ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЫ
И ПОРТРЕТЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ 66

Олег Никитин

«А ПЕТР ВЕЛИКИЙ... ОДИН ЕСТЬ ЦЕЛАЯ ИСТОРИЯ!»
ПЕТР I В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА 79

Елена Васильева

А.С. ПУШКИН И ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ
ОБ «ОКНЕ РОССИИ В ЕВРОПУ»..... 85

Петр Крапошин

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА,
НАШЕДШИЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»..... 93

Валерий Мокиенко, Константин Сидоренко

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ РОМАНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
К 200-летию начала работы А.С. Пушкина
над романом 101

Юрий Соколов

МЕДНЫЙ ВСАДНИК ПРОТИВ
«МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О «КОЛОМЕНСКОМ ДИПТИХЕ» А.С. ПУШКИНА..... 110

Анастасия Петрова

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ПУШКИНА
В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 130

Елена Поварова

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ-УШКУЙНИК —
АВТОР ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ПУШКИНСКИЕ
УГОЛКИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ» 140

Любовь Тимофеева

ПУШКИНСКИЙ КАБИНЕТ
В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА..... 170

Геннадий Антонов

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ
«ПУШКИН И ВОЙНА» 178

**II. Материалы научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(4 декабря 2022 года)**

Любовь Козмина

«СЕМЕЙНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ»: ПУШКИН —
ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР ПЕТР I 187

Мария Козмина

ИСТОРИЯ ЗАМУЖЕСТВА ДОЧЕРИ
ВЕНИАМИНА ПЕТРОВИЧА ГАННИБАЛА
По документам Государственного архива
Псковской области (ГАПО) 213

Сергей Пинчук

К ВОПРОСУ О ПЕРВОИСТОЧНИКЕ ТЕКСТА
ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ 1762 ГОДА
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
МАКСИМУ ДМИТРИЕВИЧУ ВЫНДОМСКОМУ,
ДЕДУ П.А. ОСИПОВОЙ 234

Вера Тиханова

ЯРМАРКИ НА ВЕЛЕЙСКОЙ ЗЕМЛЕ В XVI–XX ВЕКАХ
И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА 242

Юлия Узенева

«МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ»
Об образовании и воспитании дворянства
Псковской губернии в первой половине XIX века 251

Елена Ступина

КНИГИ ДЛЯ КЛАССНОЙ КОМНАТЫ
В ОКРУЖЕНИИ А.С. ПУШКИНА И У ЕГО ГЕРОЕВ
Материалы к выставке «Мы любили наши уроки
и всякие занятия вроде вязанья и шитья...» 261

Ирина Ефимова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЦЕРКВИ
ВОЗНЕСЕНИЯ ХРИСТОВА ПОГОСТА ВОРОНИЧ
НА РАБОТАХ ХУДОЖНИКОВ 1930-Х ГОДОВ 279

Вячеслав Козмин

НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В МУЗЕЕ
«ПУШКИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»..... 294

Людмила Беляева

СОЗДАНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ:
ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ..... 309

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» 313

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 94

«История народа принадлежит поэту»

МАТЕРИАЛЫ

Михайловских Пушкинских чтений
(19–22 августа 2022 года)

МАТЕРИАЛЫ

научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(4 декабря 2022 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова
Обложка и обработка фото Е.А. Мужаревская

На первой странице обложки:
В.Ф. Алексеев. Петр I и Ибрагим на берегу.
Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Арап Петра Великого». 1980 год.
Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-5165

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, селцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 14.02.2023.
Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Объем 20,0 печ. л.
Заказ № 166. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.